

RUDOLF STEINER

Soziale Ideen
Soziale Wirklichkeit
Soziale Praxis

Frage- und Studienabende des Bundes
für Dreigliederung des sozialen Organismus
in Stuttgart zwischen dem 25. Mai 1919
und 15. September 1920

GA 337a

1999
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

Социальные идеи
Социальная действительность
Социальная практика

Вечера вопросов и обучения союза
для трёхчленности социального организма
в Штуттгарте между 25 мая 1919 года
и 15 сентября 1920 года

Библиография № 337а

Б Д Н

Библиотека
духовной
науки

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2022 год

1999
ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

I

ВЕЧЕРА ВОПРОСОВ СОЮЗА ДЛЯ ТРЁХЧЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ВОПРОСОВ. Штуттгарт, 25 мая 1919 года Вопросы к трёхчленности социального организма - 1

Резолюция о призвании Рудольфа Штейнера в правительство Вюртемберга. Правительство как ликвидационное министерство: задачи, которые оно могло бы сохранить, и задачи, от которых ему пришлось бы отказаться. Необходимость гармонизации интересов потребителей и производителей. Преодоление противопоставления умственного и физического труда путём введения производственных советов. Три типа советов: производственные советы (Betriebsräte), транспортные советы и экономические советы (Wirtschaftsräte); их задачи. Вопрос добавленной стоимости. В экономике речь идёт об объединении различного отдельного опыта. Насилие должно быть заменено личным доверием человека к человеку. К чему стремится движение трёхчленности: к созданию жизнеспособного социального организма. Производственные советы формируются сами, когда экономическая жизнь встаёт на собственные ноги. Что делает социализация в старом смысле. Трёхчленность может быть реализована без нарушения внешних связей. Понимание трёхчленности у рабочих, но не у их руководителей. «Основные пункты социального вопроса» подразумеваются практически, а не теоретически.

ВТОРОЙ ВЕЧЕР ВОПРОСОВ. Штуттгарт, 30 мая 1919 года Вопросы к трёхчленности социального организма - 2

Огромная социальная задача, стоящая перед человечеством после катастрофы мировой войны. Раскол людей на две группы: одна представляет старую практику без цели, другая - новую цель без практики. Перевес промышленного производства над земельным, производства. Консервативный и прогрессивный настрой как результате этого противоречия. Разрешение этого противоречия посредством реализации трёхчленности. Регулирование прессы в трёхчленном обществе. Ограниченные полномочия демократического парламентаризма. Взаимодействие между высшими органами трёх областей жизни. Отдельные вопросы в связи с осуществлением трёхчленности. Закон первичной ячейки хозяйственной жизни. Благодаря трёхчленности прекратится смешение экономических, правовых и духовных интересов. Что можно ожидать от реализации трёхчленности. Освобождение рабочей силы от её товарного характера как основное требование пролетариата. Необходимо освобождение не только физического, но и интеллектуального труда. Реорганизация духовной жизни посредством создания культурного совета.

II

УЧЕБНЫЕ ВЕЧЕРА СОЮЗА ДЛЯ ТРЁХЧЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА

ПЕРВЫЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР. Штуттгарт, 30 июля 1919 года

К истории социального движения

Социальные утописты и их надежда разрешения социального вопроса посредством видения отдельного человека. В противоположность этому, убеждение Карла Маркса в том, что в качестве преобразующего фактора общества будет выступать только пролетариат как класс. Огромный сдвиг в социалистическом мировоззрении в восьмидесятые годы: моральные точки зрения заменяются представлением о необходимости социального развития. От «Готской программы» к «Эрфуртской программе». Вера в неизбежное развитие к коммунизму. Раскол социалистического движения на профсоюзное и парламентское направление. Сохранение старых партийных взглядов, несмотря на революционные потрясения в обществе, вызванные катастрофой мировой войны. Социальная трёхчленность как историческая необходимость. Союз для трёхчленности - это не партия. «Основные вопросы» не утопичны: каждое предложение может быть воплощено в непосредственной реальности. Отсутствие реалистических понятий в науке. Бессмысленная полемика профессора Гека (Неск) против «трёх парламентов». Отсутствующая историческая связь сегодняшних народно-экономических понятий. Связь современного капитализма и церкви. Определения капитала и работы как примеры абстрактных понятийных образований.

ВТОРОЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР. Штуттгарт, 3 марта 1920 года

Как продолжить работу по трёхчленности?

Обзор предыдущих усилий и неудач. Как нужно действовать дальше: практическая реализация идеи трёхчленности путём создания образцов экономических институтов. Почему необходимо такое изменение курса. Необходимость ассоциативного оформления экономической жизни. Что такое ассоциации. Этапы новейшего экономического развития. Последствия денежного капитализма: земля и средства производства ставятся на один уровень с предметами потребления. Вредные последствия формирования доверия. Создание реальной экономической сети связей через ассоциации. Идея трёхчленности как противоположность всем социальным утопиям. Чем земля отличается от промышленных средств производства и от товаров. Понятия в социальном должны быть гибкими. Без трёхчленности не может быть никакой антропософии. Как можно избежать голода. Условия новой эффективности внешней политики Центральной Европы. О сотрудничестве в других партиях и участии в выборах.

ТРЕТИЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР. Штуттгарт, 9 июня 1920 года

Пропаганда идеи трёхчленности

Предыдущая попытка пропагандировать идею трёхчленности. Непонимание людей, поскольку они ориентируются только на старые партийные шаблоны. Действенность журнала «Трёхчленность социального организма» выдохлась. Социальный вопрос - это не вопрос реорганизации отдельных институтов, а вопрос человечества. Причины неудачи движения трёхчленности в 1919 году. Трёхчленность следует распространять таким образом, чтобы она проникла в как можно большее количество голов. Необходимость замены старой духовной жизни новой духовной жизнью. Почему «Грядущий день» может быть только суррогатом. Действительно реформировать можно только на основе свободной от государства экономической и духовной жизни. Об отношениях между трёхчленностью и синдикализмом. Какие соображения стоят за появлением «Грядущего дня». Как можно судить о теории свободных денег Сильвио Гезеля. Морализированием дальше не продвинуться, - только переосмыслением.

ЧЕТВЁРТЫЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР. Штуттгарт, 16 июня 1920 года

Вопрос земли с точки зрения трёхчленности

Неудовлетворительное социальное положение дел, связанное с земельным вопросом. Предложения земельных реформаторов. Сегодняшние партийные программы иллюзорны. Чего люди хотят из глубины своего сердца. Знания, законы, договоры как три существенных элемента социальной структуры. Земельные реформаторы ещё рассчитывают на старое унитарное государство. Разница между землей и промышленными средствами производства. Почему землю нельзя компенсировать просто деньгами. Обращение с землей в трёхчленном социальном организме. Ассоциативное взаимодействие крупных и мелких сельских хозяйств. Регулирование транспорта с точки зрения трёхчленности. Создание практических условий как цель трёхчленности. В какой степени каждый человек имеет право на участок земли. Проблема нехватки жилья может быть решена только в общем контексте.

ПЯТЫЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР. Штуттгарт, 23 июня 1920 года

О внешней политике в свете духовной науки и трёхчленности

Абстрактность либерализма в Центральной Европе. Выдающиеся либеральные политики Австро-Венгрии. Два политически противоположных направления в монархии Габсбургов. Либерализм как уходящее течение, панславизм как восходящее течение. Английская политика как политика великих исторических точек зрения. Экономическая борьба между центральноевропейским и англо-американским пространствами. Значение так называемого завещания Петра Великого для политики Востока. Противоположность Запада и Востока. Смещение народов в Австро-Венгрии требует, как раз, осуществления трёхчленности. Политику надо изучать как реальность. Отсутствие у людей способности различать факты и журналистские фразы.

ШЕСТОЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР. Штуттгарт, 28 июля 1920 года

Исторические взгляды на внешнюю политику

Разделение человечества на три культурные области: Запад, Центр и Восток. В Центральной Европе: в качестве ориентиров для социального строительства только абстрактные теории. Книга профессора Варги о Советской республике в Венгрии. Описание Варги принятых революционных мер и его удивительно немарксистское признание. На Западе: экономическая и политическая экспансия как само собой разумеющийся принцип жизни. Отсутствие такого сознания в Центральной Европе. Сесил Родс (Cecil Rhodes) как инструмент миссионерской мировой экономической политики Англии. На Востоке: лишённое дискуссий перенимание идей Запада. Почему идея трёхчленности должна была реализоваться прежде всего в Центральной Европе. Первоначально она имела в виду как программа, противоположная Четырнадцати Пунктам Вильсона. При каких условиях может быть компенсирована слабость промышленности по сравнению с сельским хозяйством. Чего хочет идея трёхчленности: не разделения человека на три части, а членения общественного организма на три организации жизни. Человек стоит внутри всех трёх частей социального организма; эти три системы взаимно проникают друг в друга.

СЕДЬМОЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР. Штуттгарт, 15 сентября 1920 года

Сегодняшний экономический кризис

Современное убеждение, что экономические события протекают как природные явления. Пример кризиса 1907-го года: целенаправленные финансовые манипуляции группы Моргана

как причина. "Капитал" Карла Маркса - кабинетный продукт. О действительности высказываний статистических законов. Эмансипация денежного рынка от товарного рынка в начале 19-го столетия. Сегодняшнее экономическое мышление односторонне ориентировано на производство. Противоположная связь производства и потребления с человеческой моралью. Что должно быть достигнуто «Грядущим днём». Ассоциации как инструменты формирующей воли человека в экономике. Почему выполнение ненужной работы не безразлично для народного хозяйства. Диктаторское регулирование потребления нарушает свободу человека. Необходимость в активации воли. Параллелизм между становлением абстрактной экономической жизни и становлением абстрактной духовной жизни. Именно духовная жизнь определяет экономическую жизнь. Возникновение живого единства посредством взаимодействия трёх областей жизни, исходя из их самостоятельности.

ВЕЧЕРА ВОПРОСОВ СОЮЗА ДЛЯ ТРЁХЧЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ВОПРОСОВ Штуттгарт, 25 мая 1919 года

Вопросы к трёхчленности социального организма - 1

Эмиль Мольт (Emil Molt): Для меня большая честь приветствовать вас сегодня вечером в таком количестве, что показывает нам, что наше приглашение было сделано по адресу. Союз для трёхчленности социального организма» счёл правильным пригласить на сегодняшний вечер ряд деятелей, чтобы ответить на все вопросы, которые лежат на сердце каждого из вас, - например, вопросы, возникшие из лекций, - чтобы господин Доктор Штейнер сам смог ответить на эти вопросы. Мы считаем, что лекции, которые проводились здесь, в Штутгарте, в течение последних четырех-шести недель, проводились не только для того, чтобы донести до слушателей что-то интересное, но, прежде всего, для того, чтобы в слушателях могло созреть нечто такое, что перешло бы в действие. Мы также считаем, что для создания такого движения недостаточно иметь, в качестве движущей силы, несколько человек, а что нам нужны сотрудники из всех слоев общества.

Теперь я предоставляю вам слово, и прошу господина Доктора Штейнера ответить на все вопросы, которые будут заданы.

Господин Доктор Шмукер (Herr Dr. Schmucker): Вначале я отмечу, что я спрашиваю, как сугубо частное лицо. В резолюции, принятой на различных лекциях, к правительству выдвигалось требование призвать доктора Штейнера для скорейшего осуществления пропагандируемой им трёхчленности социального организма. Ну, я должен честно признаться, что у меня ещё не было достаточно времени, чтобы вникнуть в содержание его книги и проследить за всеми его лекциями. Так что я извиняюсь, если я своим вопросом выдам, что я не знаю, принял ли Доктор Штейнер решение по этому делу, которое мне очень близко.

Мой вопрос: Предположим, правительство станет однажды на точку зрения, что оно хочет сотрудничать с господином Доктором Штейнером; предположим, господин Доктор

Штейнер войдёт в какое-то министерство, например, в Министерство труда, займёт какой-то кабинет, оснащённый всякими правительственными бумагами и комментариями, в частности, всеми книгами законов, касающихся решения социального вопроса, например, закон о защите рабочих (Arbeiterschutzgesetz), закон о страховании служащих и так далее, но прежде всего те многочисленные законы, которые после великих перемен были выдвинуты новым правительством, и которые все направлены на одно, а именно, на удовлетворение социальных желаний как можно большего числа рабочих и служащих. Как господин Доктор Штейнер представляет себе эту работу, - перенос прежней формы правления на будущую? Что делать с нынешними представительными органами, с государственными собраниями, с национальным собранием?

Рудольф Штейнер: Вы осветили вопрос с одной определенной стороны, со стороны правительства. Поэтому я могу и ответить на него только с этой стороны. И тогда ответ представляется, прежде всего, так, что при первом правительственном действии необходимо было бы ещё не обращать внимание на то, что могло бы произойти в результате этого первого правительственного действия.

В качестве первого действия правительства я представил бы себе нечто такое, - мы, ведь, говорим здесь совершенно открыто, не так ли, - что, разумеется, имеет мало общего с вопросом о том, что я сделал бы, если бы меня посадили, скажем, в кабинет Министерства труда, где я был бы завален книгами законов и должен был бы работать там дальше. Тут я только заранее официально замечу, что я не имел абсолютно никакого отношения к разработке резолюции, о которой Вы говорите. Я бы не смог принять такую интерпретацию резолюции, а мог бы только охарактеризовать свою точку зрения по этому вопросу.

Например, прежде всего, я должен был бы дать понять, что я вообще никак не принадлежу к Министерству труда, что мне нечего там делать по той простой причине, что Министерства труда в пределах унифицированного государственного общества в ближайшем будущем уже не может быть. Поэтому недавно в своей лекции я говорил о том, что первым актом правительства должно было бы быть проявление инициативы в различных вещах, чтобы этим вначале создать основу для [дальнейших действий].

Во-первых, надо понимать, что сегодняшнее правительство в определённой степени является продолжением того, что в качестве правительства образовалось из более ранних состояний. В прямолинейном продолжении этих более ранних состояний лежит, однако, только часть этого правительства, а именно та, что охватывает, скажем, Министерство юстиции, Министерство внутренних дел - внутренней безопасности - и Министерство гигиены. Эти вещи лежали в продолжении того, что образовалось из более ранних правительственных максим. Для всего остального такое правительство должно было бы проявлять инициативу, стать ликвидационным министерством, то есть, министерством, которое просто направо и налево проявляет инициативу для того, чтобы создать почву для свободной духовной жизни, которая основывалась бы на своём собственном правлении и конституции, и которая организовывалась бы, исходя из себя самой, когда будет преодолен переход от сегодняшних к будущим состояниям. Тогда это правление имело бы также соответствующее представительство, которое, конечно, не могло бы быть иметь такой же вид, как сегодняшние народные представительства, а должно было бы вырасти из особых обстоятельств духовной жизни. Оно формировалось бы полностью, исходя из самоуправления духовной жизни; при этом в рассмотрение входят особенно обучение и культура, которые должны были бы быть предоставлены самоуправлению духовной жизни, с одной стороны.

С другой стороны, это ликвидационное министерство должно было бы, в свою очередь, отдать автономной экономической жизни всё то, что является, например, транспортом и торговлей; также и Министерство труда должно было бы найти своё управление в организациях, которые сформировались бы, исходя из хозяйственной жизни. Это были бы,

конечно, очень радикальные вещи, но с этой стороны могут быть только радикальные вещи. Только тогда была бы создана почва для того, чтобы заниматься конкретными вопросами.

То, что я сейчас описал, однако, ничего не меняет относительно того, что построено снизу. Дан лишь путь, на котором может новое быть создано из уже имеющегося. Только тогда, когда, исходя из экономической жизни, будут созданы те организации, которые продолжили бы то, что стоит в упомянутых Вами книгах законов, - только тогда можно будет заняться [дальнейшим]. Это было бы следующим шагом. Я представляю не программу, а последовательность шагов, которые являются реальными действиями, реальными процессами. Всё, что я имею в виду в своих книгах и лекциях, - это не указания о том, как это нужно делать, а то, как должны быть созданы условия, чтобы люди могли войти в различные отношения для того, чтобы эти вещи сделать. Экономические законы могут вырасти только из самой экономической жизни, и только тогда, когда в экономической жизни найдут выражение импульсы всех тех корпораций, которые, исходя из отдельных конкретных условий экономической жизни, могут что-либо внести в организацию самой этой экономической жизни.

Таким образом, со стороны правительства я рассматривал бы в качестве первого шага понимание того, что речь должна пойти о ликвидационном правительстве.

Я с удовольствием готов заняться другими специальными вещами, связанными с этим.

Господин Доктор Шмукер: Предположим, регулирование экономической жизни будет осуществляться посредством, своего рода, самоуправления. Могли бы средствами для этого самоуправления служить производственные советы (Betriebsräte¹), которые теперь должны быть введены для отдельных компаний в соответствии с проектом государственного закона, если - что в любом случае является намерением — эти производственные советы будут расширены наверх, например, путём объединения производственных советов земли Вюртемберга² в земельный рабочий совет или земельный производственный совет, с вершиной в виде государственного производственного совета или государственного экономического совета? В законопроекте термин «производственный совет» используется для обозначения представительства, которое было бы чисто представительством работников, в которое не включались бы предприниматели. Так же, как производственный совет работает вместе с предпринимателем, так же предприниматели и работники могли бы заседать вместе и в более высокой земельной инстанции, и тогда в государственном экономическом совете были бы представлены не только работники, но и предприниматели, так что сформировалось бы паритетное представительство. Мог бы господин Доктор Штейнер найти жизнеспособной ту мысль, что при такой организации была бы выполнена часть желаний экономической жизни, и что на эти самоуправляющиеся экономические корпорации были бы возложены все дальнейшие задачи, которыми, по мнению господина Доктора Штейнера должны были бы заниматься экономические корпорации как самоуправляющиеся корпорации?

Рудольф Штейнер: Пожалуйста, эту пару вводных предложений, которые я сейчас скажу, я прошу воспринимать не как абстракции, а как обобщённый опыт. Он может быть обобщён, как раз, только в таких предложениях.

В том виде, в котором развилась структура экономической жизни, эта экономическая жизнь страдает от того, что гармонизация интересов в рамках имеющихся структур совершенно невозможна. Я хочу подчеркнуть из этого лишь некоторые вещи. Из-за такого развития нашей экономической жизни, например, рабочий вовсе не заинтересован в производстве, - я не беру во внимание, например, действительно дурацкую заинтересованность, посредством участия в распределении прибыли, которое я считаю

¹ Производственный совет - это институционализированное представительство работников в компаниях, предприятиях и корпорациях (прим. пер.).

² Баден-Вюртемберг — федеральная земля Германии (прим. пер.)

непрактичным. Работник, - так обстоят сегодня дела, - заинтересован в экономической жизни только как потребитель, в то время как капиталист заинтересован в ней, по сути, только как производитель, и как производитель, в свою очередь, тоже только с точки зрения дохода, - это его точка зрения, рассматриваемая экономически, и иначе быть не может. Таким образом у нас нет сегодня никакой возможности как-либо организовать действительную гармонизацию интересов потребителя и производителя;

Чего мы должны добиться, так это того, чтобы те люди, которые вовлечены в формирование экономической структуры, были заинтересованы в равной степени как в потреблении, так и в производстве, так чтобы ни у одного из тех, кто принимает в этом участие, - не только посредством суждений, но и посредством деятельности, - не было одностороннего, производственного или потребительского, интереса, а, благодаря самой организации, имелся бы интерес к обоим. Этого можно достичь только тогда, когда мы окажемся в положении, исходя из самой экономической жизни, а именно, исходя из всех форм экономической жизни, постепенно подводить людей к тому, чтобы они вначале образовывали мелкие корпорации, которые затем, конечно, объединяются. Это должны быть корпорации по той причине, что должно установиться доверие. Это возможно только тогда, когда крупные корпорации постепенно строятся из более мелких, то есть, только тогда, когда у нас есть личности из всех различных форм экономической жизни, с их суждениями, а также с их влиянием, основанным на экономическом основании, которые, благодаря своей пригодности для управления экономической жизнью, как таковые, во всех направлениях действуют социально. Таким образом, если мы хотим социализировать, то экономическую жизнь мы можем социализировать не посредством институтов (Einrichtungen), а только посредством того, что мы сможем описанным образом заинтересовать людей в этих институтах и в постоянном участии в их жизни.

Поэтому как самое необходимое сегодня я рассматриваю вообще не создание законов, благодаря которым вводятся производственные советы, а наличие возможности создавать производственные советы из всех форм экономической жизни, - так, чтобы они вначале были, - и из этих производственных советов позволить образоваться институту производственных советов (Betriebsräteschaft), который будет иметь смысл только тогда, когда эти советы образуют связь между отдельными производственными отраслями. Институт производственных советов, который существует только для отдельных отраслей, имеет мало значения; он имеет значение только если деятельность производственных советов будет развиваться преимущественно между взаимодействующими отраслями производства.

Поэтому я говорил: отдельный производственный совет имеет какое-то значение для компании, собственно, только в том случае, если он имеет информационное значение. То, что должно быть сделано с этой идеей производственных советов в экономической жизни, - это, собственно, может сделать только институт производственных советов в целом, поскольку в будущем это может быть благом для отдельных компаний только в том случае, если производственные советы будут возникать из структуры всей экономической жизни.

Но тогда я могу ожидать блага от этого учреждения только в том случае, если эти производственные советы, - которые, конечно, должны быть созданы на основе существующих условий; должны возникать, не исходя из неосуществимых надежд, а из того, что существует сегодня, - если они избираются, например, из всех видов людей так или иначе занятых в данном предприятии. Я хочу говорить не о «предпринимателе» и «наёмном работнике», а о всех людях, которые действительно участвуют в духовной и физической работе на данном предприятии. То есть, все участники производства представляли бы собой основание для образования таких советов. Благодаря этому, если исходя из экономических условий понимать вещи таким образом, толковые работодатели на своём месте, разумеется также были бы в них как интеллектуальные руководители, и мы имели бы институт производственных советов, который включал бы в себя поначалу представителей, по крайней мере, не от всех [областей], - это произошло бы через некоторое время, - но который мог бы представлять интересы различных людей, участвующих в экономической жизни. Но я мог бы

представить себе это так, что такие производственные советы, тем не менее, направляли бы своё главное внимание на условия производства, так что я, собственно, не могу себе представить, что просто производственный совет мог бы быть чем-то значимым. Я думаю, что помимо института производственных советов - при этом я не упускаю из виду возможности возражений, когда скажут: Когда же тогда работать, если делать всё это? - я думаю, что производственные советы будут дополнены транспортными советами и экономическими советами, поскольку институт производственных советов имеет дело преимущественно с производством, а экономические советы - с потреблением в самом широком смысле. Например, потребление охватывало бы всё то, что мы потребляем из-за границы, что ввозится; всё ввозимое относилось бы к институту экономических советов. Я не хочу утверждать, что [с этим] уже сегодня всё было бы в образцовом порядке, но, прежде всего, должны существовать эти три важнейших вида производственных советов: институт производственных советов, институт транспортных советов, институт экономических советов. Инициативу для этого должно было бы взять на себя только одно крыло правительства, [но] оно не должно было бы создавать никаких законов, а [должно было бы] просто следить за тем, чтобы эти производственные советы были поставлены на ноги. Последние должны были бы затем начать давать себе конституцию (Verfassung), то есть, создавать то, что вытекает из самостоятельной экономической жизни, что они в ней испытали. Конституция этих трёх институтов советов сложилась бы сама по себе, полностью исходя из этих условий. Это то, что я рассмотрел бы в качестве первого шага: создание производственных советов, исходя из обстоятельств. Только затем последние должны заниматься своей конституцией. На практике я назвал бы это отчленением экономической жизни в одну область. Таким образом, пока существует мнение, что законы о производственных советах даются центральным правительством, я рассматриваю это как нечто такое, что не имеет ничего общего с тем, что должно произойти. Вначале надо сделать первый шаг - это то, что требует от нас время.

Господин Доктор Шмукер: На мой взгляд, эта работа, которую должны осуществлять сами участники для создания организации и самоуправления, предполагает наличие духовно высоко развитых рабочих и служащих. Однако опыт, который мы получили с людьми, занятыми в производстве во время войны и с рабочими в последние месяцы, заставляет меня сомневаться в том, что преобладающее число работников, - а, ведь, речь идёт о преобладающем числе, - доросло до такой задачи. С таким опытом, подобным тому, который мы получили в последнее время, когда рабочие какого-либо предприятия угрожают и требуют от работодателя: ты получил сейчас такую-то прибыль. Пусть твои дела сейчас плохи, но государство отберет большую часть того, что ты заработал, если ты не поделишься. Мы требуем надбавку на прожиточный минимум! - Ведь, это известный процесс, это постоянное повышение заработной платы, удорожание продуктов питания и так далее, - одно тянет за собой другое. Этот опыт вызывает сомнения относительно того, находятся ли рабочие и служащие на таком высоком уровне развития, чтобы выполнять задачи, которые от них здесь требуются.

Рудольф Штейнер: Если мы будем исходить из принципа всегда делать лучшее из того, что мы можем себе представить или вообразить каким-либо идеальным образом относительно какой-либо вещи, то мы никогда не осуществим на практике то, что должно быть сделано действительно. Конечно, я признаю, что большая часть того, о чём Вы сейчас сказали, абсолютно верна. Но я прошу Вас подумать над следующим: В последние недели или месяцы я тоже имел возможность поговорить с очень многими рабочими, и я обнаружил, что рабочий, если говорить с ним действительно на его языке, тогда постоянно приходит к вещам, которые действительно имеют реальное основание. Я обнаружил, что тогда он оказывается внутренне доступным и понимает, что то, что нужно сделать, может быть всё же только тем, что не выкапывает могилу экономической жизни и не даёт ей умереть, а её

строит. Чрезвычайно легко дать рабочему понять, что должно произойти, если вникнуть в то, что он испытал сам. И, исходя из этого, он легко поймёт определённые связи в экономической жизни. Конечно, он ещё многого не может понять по той простой причине, что обстоятельства никогда не позволяли ему разглядеть определённые связи, которые просто нельзя увидеть, стоя у станка с утра до ночи. Я это тоже знаю.

Сюда добавляется, разумеется, и то, что даже самые опытные наши руководители не слишком глубоко вникают в реальные условия экономической жизни. [Для примера], я хотел бы привести вам Ратенау (Rathenau) не как экономиста [который ориентирован на целое], а скорее как принципала³, поскольку каждая страница его трудов выдаёт то, что он действительно говорит с точки зрения принципала, промышленного предпринимателя. Ну, в принципе, не правда ли, с этой точки зрения абсолютных возражений против его рассуждений нет, поскольку в основном всё правильно. Я хотел бы отметить только одну вещь: Ратенау показывает, как, собственно, обстоит дело со смыслом добавленной стоимости. Ну, сегодня, ведь, конечно, очень легко можно доказать, что то, что некоторое время назад можно было рассчитать как прибавочную стоимость, давно устарело. Что ж, Ратенау делает этот расчёт очень хорошо также и в подробностях, и приходит к совершенно правильному выводу, что, собственно, в принципе, на полную прибавочную стоимость рассчитывать нельзя. Поскольку, если её получит рабочий, он должен будет отдать её обратно, потому что оборудование требует, чтобы она использовалась в качестве резерва. Этот расчёт, конечно, правильный. Речь идёт о том, можно ли теперь уклониться от результата этого расчёта, можно ли найти экономическую возможность уклониться от результата этого расчёта. Дело в том, что нет другого способа избежать того, что рассчитал Ратенау, кроме как реализовать то, на что я в качестве ответа указал в своей книге: Что в тот момент, когда какая-либо надлежущая сумма средств производства закончена, она уже больше не продаваемая [дальше], то есть, больше не имеет никакой покупной стоимости. Тогда весь расчёт рушится, потому что расчёт Ратенау возможен только в том случае, если средства производства могут быть снова проданы в любое время по вполне определенной стоимости. Таким образом, для собственно, заключения отсутствует правильная предпосылка, которой ещё нет у руководства. Оно должно вначале понять, что мы не продвинемся вперёд, поскольку без кардинальных изменений мы находимся в тупике. И тогда сразу было бы видно, - если стоять на общем основании, на том основании, где просто есть интерес в продолжении экономической жизни, а не в служении интересам отдельных лиц, - было бы видно, что то, что знают принципалы, но знают односторонне, может быть дополнено другим.

Относительно всего того, что духовно, в качестве прекрасных идеалов, может создать отдельный человек, я мог бы сказать следующее: «Oaner is a Mensch, zwoa san Leit', san's mehra, san's Viecher»⁴. - Но как только мы приходим к тому мышлению, которое должно осуществиться в социальных учреждениях, становится действительным обратный принцип: «Отдельный человек - ничто, больше - уже кое-что, и многие - те кто затем могут это сделать». - Поскольку, когда с доброй волей собираются двенадцать человек из самых различных партийно-политических направлений и соединяют вместе свой отдельный опыт воедино, то возникает не просто сумма двенадцати различных мнений, а, в том случае, если эти мнения действительно вступят в действие, возникает возведение в степень этих двенадцати импульсов. То есть, колоссальный экономический опыт формируется просто благодаря тому, что мнения людей мы социализируем таким образом. Вот что важно. Таким образом, я должен сказать, я считаю, что то, что вы говорите, правильно, пока вы имеете дело с рабочими в том виде, когда они требуют что-то просто о с точки зрения потребителя. Поскольку тот факт, что у них есть требования, конечно, не приведёт ни к чему, что может привести к какой-либо возможной социализации. Это приведет лишь к разрушению

³ Принципал - владелец, руководитель коммерческого или ремесленного частного бизнеса (прим. пер.)

⁴ Австрийский диалект. Автором изречения предположительно является австрийский поэт Peter Rosegger (1843-1918). Перевод приблизительно следующий: «Один - человек, двое - люди, а если больше - скот» (прим. пер.)

экономической жизни. Мы не должны воображать, что послезавтра у нас будут идеальные условия, но условия, в которых можно жить, если мы будем действовать таким образом. Мы не должны представлять себе, что тогда уже послезавтра мы достигнем идеального состояния, но мы получим состояние, которое возможно для жизни, если мы будем действовать таким образом. Как раз, в этом пункте следовало бы задуматься: что возможно в жизни? - а не: достаточно ли люди умны? - Давайте брать людей такими, какие они есть, и делать из этого лучшее, а не спорить о том, достаточно ли люди развиты, потому что, в конце концов, ведь, всегда что-то должно произойти. Мы просто не можем ничего не делать; с какой-то стороны что-то должно быть сделано.

Если мы уберем людей из деловой жизни, я не вижу, почему они должны быть менее высокоразвитыми, чем, например, люди в правительстве и члены бывшего германского рейхстага за все годы, в которые произошло то, что имело затем такие ужасные последствия. Ведь, тогда тоже произошло только то, что было возможно. Речь идёт о том, чтобы с большинством людей, которые у нас есть, сделать то, что возможно. Я не думаю, что могло бы быть достигнуто идеальное состояние, но - возможный для жизни организм.

Господин Доктор Риебензам (Dr. Riebensam): По-поводу производственных советов. Что ещё даёт нам возможность говорить с рабочими? Дела накаляются сейчас так, что нужен уже громоотвод. Я хочу довести дело до практической точки и спросить: Почему вы хотите поставить на дорогу машину без управления? Наша рабочая сила и есть, на мой взгляд такая машина. Я говорил об этом со многими и высказывал своё мнение о том, что я считаю невозможным с большим числом рабочих прийти таким образом к какому-либо сотрудничеству. Поскольку любое правление рабочего комитета, в тот момент, когда оно становится представителем определённого мнения, забрасывается рабочими камнями. Вы предполагаете наличие доброй воли со стороны рабочих. Я пробовал всё, и вначале не без успеха, поскольку я пользовался доверием рабочих с тех пор, как я мог с ними говорить и с тех пор, как они могли меня слышать. Но людей, которые не приходят, большинство. Я могу поговорить, возможно, с двумя тысячами, но у остальных нет никакой доброй воли. По опыту я знаю, что большое их число в состоянии снова ввести в заблуждение тех, кого уже удалось убедить. Самые умные из рабочих комитетов, с которыми я разговаривал лично, и которые высказывались позитивно, сегодня снова придерживаются такой точки зрения, что я говорю себе: Неужели вся работа, проделанная мной в продолжении шести месяцев, была напрасна? Я давал правительству определённые советы с намерением, что это будет происходить приблизительно так, что рабочие будут довольны. Если эти советы придут от правительства как предписания, то вся работа напрасна; но учреждать производственные советы без какого-либо налога, я считаю бессмысленным, тогда оттуда выйдут самые сумасшедшие вещи. Поскольку Вы сами сказали, что надо с чего-то начинать, то надо начинать с чего-то возможного.

Рудольф Штейнер: Всё, что Вы сказали, сводится, собственно, к тому, что, по сути, в настоящее время сотрудничество руководства предприятий с рабочими невозможно. Конечно, это произошло не без предыстории, это произошло постепенно. Я думаю, что Вы не совсем верно оцениваете ситуацию, если слишком полагаетесь на добрую волю рабочих. Поскольку добрую волю потребуют от Вас рабочие, по той причине, что, благодаря агитации, они научились тому, - в определённой степени справедливо, - что из этого ничего не выйдет. Рабочие скажут: Мы можем иметь эту добрую волю, но у предпринимателя её нет. - Это недоверие сегодня уже слишком велико. Поэтому, с этой стороны, нет никакого другого средства, как ожидать столько доверия, сколько есть. В тот момент, когда даже для двух тысяч рабочих - или, скажем, для восьми тысяч - есть кто-то, кому действительно есть что сказать об общественных целях, которые рабочий может понять, где рассчитывают не только на добрую волю, на понимание, тогда всё по-другому. Конечно, если Вы поговорите с двумя тысячами рабочих, их могут запутать с другой стороны, но дело будет всё же выглядеть так:

Если Вы говорите с рабочим действительно о том, что он понимает, то Вы говорите не только с двумя тысячами, которые снова запутались из-за разговоров с другими людьми, а эти две тысячи будут, в свою очередь, действовать на остальных. Но если мы спросим себя, вступили ли мы на этот путь, то нужно сказать, что, по сути, - нет. И делается также так, чтобы, наоборот, затруднить этот путь. Конечно, когда рабочий сегодня видит, что производственные советы определяются сверху через законы, то это шаг к абсолютному подрыву доверия. Так что пусть сегодня из центральных мест люди услышат что-то разумное, чтобы рабочий увидел, что это разумно, тогда он будет работать с Вами, действительно сотрудничать. Но этого не происходит. И, ведь, по сути, движение для трёхчленности социального организма для того и существует, что когда-то должно быть сделано то, что является представимой целью. Вы не достигнете до рабочего, если будете говорить только о конкретных учреждениях, поскольку он так и так оттеснён к чисто потребительской точке зрения. Работнику этого никто не объясняет. Все, что делается, движется, как раз, в прямо противоположном направлении. Позвольте сегодня учреждениям возникнуть самим. Если этот институт производственных советов должен быть основан, позвольте ему это сделать самому, возможно в форме предложений, - ведь, при этом может возникнуть и много предложений; может возникнуть не только один единственный вид законопроекта. Это, конечно, наилучшее средство направить рабочих против производственных советов. Сегодня больше нет никакой возможности продвинуться вперёд на этом пути. Сегодня приобрести личное доверие, если мы хотим чего-то другого, кроме противопоставления насилия насилию, можно только противопоставлением личностей личностям. Это то, что возможно для рабочего. Тот, кто умеет разговаривать с рабочим на его языке так, что тот замечает, что ничего не выйдет, если он и дальше будет стремиться повышать тарифную сетку, а также видит, что есть воля к тому, чтобы, наконец двигаться в этом [новом] направлении, тогда он идёт вместе и тоже работает. Он не работает вместе, если ему просто предлагать законы, а он хочет видеть, что у личностей в правительстве действительно есть воля двигаться в определённом направлении.

Это то, в чём обвиняется также и теперешнее правительство; люди ожидают, что оно хочет что-то сделать; но то, что происходит, движется по тем же рельсам, что и раньше. Нигде не видно ничего нового. С другой стороны, в том, за что выступают люди, речь действительно не идёт о том, чтобы каким-то образом привести машину в действие и не управлять ею. Она должна управляться, если хочет быть способной двигаться. Мы не можем ничего иного, как сказать себе: Или мы попытаемся продвинуться вперёд и идти так далеко, как это возможно, или мы будем двигаться к хаосу. По-другому не выйдет.

Господин Доктор Риебензам: Я готов подписаться под всем этим. Я придерживаюсь той мысли, что работнику сначала нужно показать эту цель, а не продолжать действовать по-старому. Вероятно, Вы почувствуете сегодня, что рабочие на фабрике многое сваливают в одну кучу. Однако, вероятно, было бы всё же возможным найти путь к плодотворному сотрудничеству с рабочими. Мы готовы считаться с рабочими, но и они должны учитывать нашу точку зрения, если должна сохраняться вера в возможность понимания. Необходимо найти какой-то путь. [Но это не так просто]. Если рабочие придут к тому, чтобы основать производственные советы, и мы им скажем, давайте, мы хотим собраться вместе, то это, по сути, будет абстрактным шаблоном; они не примут наш совет. Недавно я был на одном из собраний рабочих, там они выдвигали слишком много требований. Они сказали, что нельзя подходить к делу с мелким мышлением, что больше нет никакого смысла в каких-либо договоренностях; в будущем они хотели решить совершенно самостоятельно. Для меня это знание должно стать основой моих будущих действий. Однако, я мог бы представить производственный совет, который собирается каждые восемь дней и с которым я могу обсудить всё до того, как возникнет напряженность. Но мы должны сказать рабочим и следующее: мы не можем просто сами создать производственный совет.

Рудольф Штейнер: Видите ли, в этих вещах важно, чтобы брался не несистематический, а систематический опыт. Мы, ведь, имели, - поскольку другая возможность нам не дана, - целый ряд собраний рабочих, почти каждый день, и на этих собраниях каждый раз получалось одно и то же. Можно установить совершенно точно, что, исходя от самих рабочих, возникала крайность: Но, если останемся только мы одни, то как мы тогда сможем справиться в будущем? Нам, ведь, нужен тот, кто может руководить; нам нужен интеллектуальный (geistigen) работник. - Эта вещь возникает, не благодаря дискуссиям, а только благодаря тому, что с людьми действительно работают. Поэтому я считал важным тот факт, - Мольт может подтвердить, - что с самого начала, чтобы реализовать эту вещь, я ему сказал: Первое требование состоит в том, чтобы сначала завоевать честное доверие, но не так, как это было обычным до этого: я шеф, ты работник, - а доверие человека к человеку, чтобы работник действительно постепенно посвящался *in concreto* в управление всем предприятием, а также получал представление о том, когда предприятие перестаёт быть экономически возможным. Это то, что [обязательно], и я открыто задаю вопрос: Где это так происходит? Где это так делается? - Сегодня очень многое делается в правительстве: создают отдельные комиссии и обдумывают, как лучше всего сделать то или иное. В этом случае - извините за грубые слова - лошади надевают уздечку на хвост. Так продвигаться вперёд невозможно. Сегодня необходимо создать живой орган, соединяющий тех, кто [работает руками] и тех, кто может это понять. Гораздо более необходимо, чем заседать в министерстве, то, чтобы отдельные мужи шли в народ и по-человечески говорили с ним. Это почва, на которой нужно начинать. Не стоит отчаиваться, если успех не приходит с первого раза; он наверняка появится на четвертый или пятый раз. Таким образом, было бы положено какое-нибудь начало в том, что сегодня действительно является практичным, тогда можно было бы увидеть [что что-то возникает]; но ничего не начинается, всякому началу сопротивляются.

Эмиль Мольт: Начало положено. Позвольте мне обратить внимание господ, которые этим интересуются, на то, что такого рода производственные советы мы ввели уже несколько недель назад. Хотя я полностью осознаю, что всё находится ещё в состоянии неразберихи, но всё же было показано, что пока мы здесь ведём разговоры о том, как завоевать доверие, это доверие мы уже завоевали. Это существенно, поскольку мы преследуем цель производить не столько сигареты, сколько людей. Мы используем предприятие для того, чтобы делать людей. Производство сигарет - это лишь средство для этой цели. Мы хотим действительно войти в соприкосновение с людьми, и делать это в рабочее время. Такое время надо выделить. Важно реализовать эти вещи снизу. Если сейчас где-то дела обстоят не так, то это лишь по той причине, что за последние шесть-восемь недель многое было упущено. Если бы дело было начато раньше, сейчас можно было бы многого избежать.

Сейчас дела обстоят так: Люди, которые работают на предприятии, хотят не только работать, они хотят также знать. Нам должно быть ясно: Чем в большей степени вы следуете этому побуждению и как руководитель направляете этот силовой поток в нужные каналы, тем в большей степени эта сила также позволяет быть использованной снова. Поэтому не надо бояться сказать любому фабриканту, чтобы он представлял своё предприятие как раскрытую книгу, поскольку этим доверие начинает становиться практическим. Пока мы говорим только о том, что нам надо делать, мы не завоеуем доверие людей. Мы должны быть открыты и должны показать им: сегодня нам больше нечего скрывать. Раньше фабрикант должен был скрывать больше. Теперь рабочий, по крайней мере, должен знать, что нет никакой прибыли. Он поверит в это, только если сам в этом убедится, - фабриканту он всё же не верит. Когда люди выдвигают требования относительно зарплаты, ими движет стремление к знанию, они хотят обрести видение. Но необходимо самому быть управляющим и иметь видение производства, тогда мы увидим, что люди будут заняты другими вопросами, нежели вопросом о зарплате. Я прошу вас учесть, что о [Вальдорф-Астории] мы говорим не как теоретики; у нас есть опыт этого, есть доказательство этому. Путь до сих пор были

реализованы не все идеалы, мы всё же на пути к этому. И трудностей, которые сейчас испытывают другие предприятия, у нас не будет никогда.

Вчера я говорил перед большим количеством рабочих другого предприятия. Я видел, с каким воодушевлением люди принимали мою речь, когда вещи освещались со всеохватывающей точки зрения. Сегодня я слышал от своих рабочих, что сообщение об этом собрании как огонь распространилось среди всех рабочих. Люди видят сами, что если бы так было везде, были бы совершенно другие условия. Мы уже несколько дней посещаем заседания рабочих комитетов всех крупных предприятий, и они говорят: Да, если бы у нас тоже так было! Налицо большие упущения со стороны буржуазии; действительно, поговорите с нашими коллегами, вы везде встретите шоры, узколобость.

Господин Доктор Шмукер: Правительственный законопроект я счёл ужасным, но не настолько; это настоящий выродок. Если изучить вопрос, то видно, что законодатели в Берлине с ситуацией не знакомы; они даже не знают, о чём идёт речь. Теперь они хотят упразднить комитеты рабочих и служащих и, вместо этого, создать производственные советы в составе 40—80 человек, которые не в состоянии работать.

Господин Гейер (Geyer): Нет никого из присутствующих, кого бы с симпатией не коснулись предложениями, сделанными Доктором Штейнером. Но я должен честно признать, что я каждый день спрашиваю себя, почему всегда, когда я думаю, что мы преодолели гору, мы оказываемся перед новыми проблемами. Мы находимся в центре духовной революции. Люди всё больше и больше занимаются духовной стороной общественной структуры, нежели раньше, когда интересы отдельных людей в общем были направлены только на экономическую революцию. Но я должен сказать, что эта духовная революция движется, на мой взгляд, не в идеальном направлении. Рабочие и многие служащие не имеют никакого понятия, о чём сегодня идёт речь. Они так прочно захвачены своими преимущественно потребительскими интересами, что просто не доходят до того, чтобы позволить существовать рядом с ними также и других людей, которые не работают руками. Это верно, когда господин Доктор Штейнер говорит, что сверху не осуществляется социальная политика. Но мы должны сделать так, чтобы человек вступал с другим человеком в более тесную связь. Но, к сожалению, мы стали уже настолько однобоки и в культуре, и в государственном организме, и в мировом организме, что необходим возврат к исходной культуре, к исходному состоянию, - не в духовном смысле, а в смысле отношений между людьми. Нет больше никакого руля, стоящего над человеком. Все люди должны вступать в связь друг с другом, образовывать маленькие группы, своего рода, кристаллы, которые присоединяются к более крупным образованиям. Этот процесс образования кристаллов должен постоянно усиливаться, пока мы не придём к вершине, где ликвидация государственного организма придёт к своему завершению. Я думаю, господин Доктор Штейнер так представляет себе процесс, пока не появится трёхчленность. Но это займет продолжительное время [и возникнет проблема]: советы будут образовываться, но эти советы будут очень часто меняться, как люди уже теперь часто меняют свои посты, так что мы ввергнемся в хаос. Возникнут трения не только между мелкими организациями, но и конфликты внутри ликвидационного министерства. Это может привести к тому, что обрушится вся башня, которая должна быть возведена снизу. Я думаю, что наше общее народное образование как предпосылка [этого реформаторского дела] еще не позволяет надеяться на то, что возникнет подлинное доверие между людьми. Я думаю, что до этого должно было бы вступить в действие всеобщее народное просвещение, хотя охотно признаю, что и это народное просвещение натолкнется на препятствия как сверху, так и снизу. Тот, который должен позволить себя просветить, рабочий, рассматривает как своего врага не только работодателя, но и всех, кто стоит выше его духовно, потому что боится, что тот должен убедить его в чем-то таком, что противоречит его интересам. С таким опытом сталкиваются повсеместно. Я не думаю, что, даже если у Мольта был хороший опыт работы с производственными советами на его предприятии, то он таким и останется. Человек есть

человек, и насколько я знаю человека в его развитии в продолжении десяти тысяч лет, я должен сказать: Человек есть не просто продукт Земли, а существо, которое однажды придёт к точке культуры, где можно будет действительно сказать, что человек образовался культурно так, что его земное бытие будет счастливо. Однако, для того, чтобы добиться этого, должен был прийти человек, обладающий сверхчеловеческими духовными силами, чтобы захватить души людей.

Рудольф Штейнер: Я хотел бы сказать, что, ведь, для того, чтобы создать представление о ценности человека, можно использовать, собственно, всё. Но для того, кто практически думает о том, что можно сделать в это хаотичное время, речь, ведь, не может идти о том, достаточно ли человек культурно образован, или может быть образован, а речь идёт только о том, чтобы сделать из человека то, что из него можно сделать. И прежде всего, когда мы говорим об общественном организме, мы с самого начала должны отказаться от идеи, что мы хотим каким-то образом принести счастье с помощью социального организма, или принести людям счастье через социальные институты. Таким образом, что касается социальных преобразований, речь идёт совершенно не о том, чтобы сделать людей счастливыми, а о том, чтобы познакомиться с условиями жизни социального организма, то есть, создать способный для жизни социальный организм. То, что с народным образованием, какое оно есть сегодня, мы не может продвигаться вперёд, в отношении импульса трёхчленности привело к требованию тотальной эмансипации этого народного образования от прочих членов.

Ну, а тому, кто действительно хочет знать людей, следует говорить не о десятках тысяч или тысячах лет, а о том, что действительно поддается обозрению. Если охватить взглядом развитие народного образования в последние столетия, - достаточно взять только три-четыре столетия, чтобы увидеть то, что представляет собой сегодняшний ущерб, - то можно себе сказать: Из-за последовательного огосударствления всей системы образования, мы пришли к тому невежеству людей, которое мы имеем сегодня. Мы постепенно пришли к тому, что, благодаря нашим руководящим кругам, появилось образование, которое не приводит ни к чему, кроме ошибочных понятий. Подумайте только, эти руководящие круги загнали рабочего в рамки чисто хозяйственной жизни. Поскольку те огрызки народного образования, которые были ему брошены, он не понимает. Я был учителем в рабочей образовательной школе, и я знаю, что может понять рабочий и что делается неверно. Я знаю, что он может понять только то, что взято не из бюргерской⁵ культуры, а из общего человеческого существа. Вы сказали, что рабочий рассматривает как врага любого, кто духовно стоит выше его. Разумеется, он рассматривает как врага любого, кто представляет только духовную жизнь, которая, благодаря социальной культуре, является немногочисленной кастой и классом. Он очень хорошо ощущает это инстинктивно. Как только он сталкивается с духовной жизнью, черпаемой из всего человеческого существа, нет и речи о том, чтобы он был врагом духовно превосходящего; об этом не может быть и речи; напротив, он прекрасно видит, что он его лучший друг. Мы должны найти возможность, посредством эмансипации духовной жизни, прийти к действительно социальному народному образованию. Тут не нужно бояться определённого радикализма. Необходимо чувствовать, как понятия, представления, всё существо того, что является сегодня нашим образованием, если говорить тривиально, окрашено человеческим. Проходило множество дискуссий о гимназиях⁶. Сущность этих

⁵ Бюргерство — неоднозначное понятие. «В Российской империи до 1917 года — сословие, низший разряд городских обывателей. Мещане относились к податным сословиям, несли рекрутскую (после 1874 года – воинскую) и податную повинность, могли подвергаться телесным наказаниям вплоть до их отмены. Являлись более привилегированным сословием, чем крестьяне. Из противопоставления мещан дворянам как более образованному сословию развился переносный смысл слова мещане — простонародье, простолюдины — под «простотой» которых понимаются необразованность, узкий кругозор, неразвитые вкусы». Помимо этого есть связь с понятием «буржуазия»: «В русском языке слово «буржуазия» в прошлом нередко переводили как «мещанство» (калька с фр. bourgeois «горожанин», с учётом праслав. мѣсто «город»)» (Википедия, прим. пер.)

⁶ Средняя школа (после 4-го класса) (Прим. пер.)

гимназий, в чём же она? Мы создали их, выводя на сцену своего рода парадокс. То, что является духовной жизнью, есть нечто целое. Греки извлекали духовную жизнь из всего, поскольку то, что приспособлялось к условиям, в то же время было духовной жизнью. Мы ничего не учим в школе о том, что есть в мире, и то, что было для греков в мире, в нашей культуре является фантазией. Исходя из этого парадокса, мы теперь требуем: Мы хотим дать людям народное просвещение. Но мы можем предложить им это только в том случае, если сегодня в этой области полностью вернемся к себе, если мы будем подходить к другим, как человек к человеку. Не надо возвращаться к спекулятивному первоначальному состоянию; в рассмотрение должно входить только то, что требует время. Сегодня необходимо то, чтобы мы действительно учились на таких вещах. Когда я учил своих учеников - а этих учеников было очень много - тому, чего я не мог получить ни от одной отрасли гимназического знания или гимназического образования, а то, что надо было создавать с нуля, они учились с огромным воодушевлением. Конечно, - поскольку они, ведь, также внимают суждению образованных людей, которое [собственно, вытекает из гимназического знания], - они очень хорошо знали, что это культурная ложь; об этом они, конечно, знать ничего не хотят. Мы не сможем действительно продвинуться вперед, если не будем в состоянии принять радикальное первое решение провести в жизнь эту трёхчленность, то есть, действительно вырвать духовную жизнь и экономическую жизнь из государственной жизни. Я убеждён, что сегодня множество людей скажут, что им эту трёхчленность не понять. Они говорят это потому, что для них это слишком радикально, потому что им не хватает мужества действительно в деталях изучить и провести эту вещь в жизнь. Не правда ли, ведь, в действительности речь идёт о том, что мы имеем дело не со сверхчеловеком, а с человеком таким, какой он есть, и о том, чтобы делать то, что с этим человек можно делать. Тогда можно сделать очень многое, если не исходить из того или иного предубеждения. Необходимо однажды действительно поставить обучение на собственную основу, и позволить управлять им только тем, кто в нём занят. Но люди едва ли могут представить себе что за этим стоит, в то время как это вещь, которая, собственно, если есть желание её представить, уже дана.

Таким образом, надо представить школьное обучение, прежде всего, полностью отделённым от государства (Staatswesen). Это полностью исключено, что мы продвинемся вперёд, если мы не поднимемся к тому радикальному мышлению, что школа и всё образование должны быть выведены из-под контроля государства.

Господин Доктор Риебензам: Я хочу вернуться на реальную почву, к тому, что мы намереваемся. Я хотел бы говорить сугубо лично и возразить господину Мольту, что его видение, - хотя он и испытал это на своей фабрике, - я считаю чем-то нереальным. Оно опирается на опыт узкого круга. Уже двадцать лет назад на одной маленькой фабрике я реализовал принципы, о которых в то время никто даже не думал. Я открыто показывал, что я делаю на предприятии. У нас была система Тейлора⁷, что было неплохо. Затем я попробовал то же самое с гораздо более крупной фабрикой, - люди пошли со мной. Затем я попытался сделать это здесь, - отсутствовало доверие. По причине этих обстоятельств я высказал свои мысли и должен их придерживаться. Вернемся к тому, чего мы хотим. Был поставлен вопрос: С чего нам начать? Я предположу на минуту, что мы созываем рабочих с целью создания производственных советов. Как нам это это сделать? Возможно, что Вы, Доктор Штейнер, скажите мне, что мы могли бы даже предоставить рабочим право самоуправления. Тут я ещё не убеждён, что это получится. Я прошу привести конкретный пример формирования производственного совета на крупной фабрике.

⁷ Taylor-System - система Тейлора: Начало применению новых методов организации труда рабочих было положено Фредериком Уинслоу Тейлором (1856—1915), который изложил свои взгляды в монографии «Принципы научного менеджмента» (1911), это научная организация труда (НОТ) - процесс совершенствования организации труда на основе достижений науки и передового опыта (Википедия, прим. пер.).

Рудольф Штейнер: Я хотел бы предварительно заметить, что всё, что конкретно может быть сделано сегодня на каком-либо предприятии, в действительности может быть только подготовкой к тому, что означает институт производственных советов. Поскольку господин Доктор Риебензам исходит из этой вещи, я хотел бы сказать: Конечно, опыт, который был сделан в узком кругу, как это представил господин Мольт, не следует слишком рано праздновать как победу. Но не будем заблуждаться: То, что поначалу может быть доказано посредством этого опыта, так это то, что в определённом кругу можно установить доверие. И это, как раз, в основном и имел в виду господин Мольт. Это не может быть победой, потому что, если думать о систематической социализации, победа не может быть одержана на одном предприятии. Победа одного отдельного предприятия, даже если бы она состояла в повышении уровня жизни своих рабочих, - если бы этого в одностороннем порядке достигло одно предприятие, то оно могло бы это сделать только за счет всеобщего.

Отдельные предприятия вообще не могут заниматься социализацией. Поэтому я хочу обратить ваше внимание на следующее: вещи, которые при определённых условиях могут привести к чему-то оздоравливающему, при противоположных условиях могут привести к большому вреду. Применению системы Тейлора в нашей современной экономической системе я не могу предсказать ничего, кроме того, что благодаря всё более широкому применению этой системы в конечном счёте произойдет такой рост промышленной продукции, что этот рост сделает для нас невозможным ни при каких обстоятельствах прийти к какому-либо необходимому или даже только возможному формированию уровня цен на те товары в жизни, которые исходят не от промышленности, а, например, [от сельского хозяйства].

Господин Доктор Риебензам: Я не хотел бы детально обсуждать систему Тейлора.

Рудольф Штейнер: Я имею в виду только то, что эта система Тейлора при других условиях, если бы она была применена из других предпосылок, могла бы привести к чему-то позитивному; но при нашей же теперешней системе она только увеличит вред системы.

Конкретно к вопросу: Как мы делаем это относительно производственных союзов? - Не забываем, что мы хотим делать только то, что выступает перед нами как требование. Мы должны замечать эти требования и отличать в них существенное от несущественного. Система советов сегодня является действительно данной реальностью, то есть, возможно, она присутствует только в зачатке, но тот, кто правильно следит за социальными силами, действующими в нашем социальном организме, тот это понимает. Так обстоит дело с идеей советов и в этом специальном случае: производственные советы, транспортные советы и экономические советы будут образовываться сами по себе. Но пока относительно этого у нас есть только предощущение рабочих. Сейчас речь действительно идёт о том, что должно возникнуть социальное конституирование производственных советов, чтобы для них не могли быть установлены общие принципы. Фактически, речь идет о том, чтобы мы, наконец, привыкли к тому, чтобы делать возможными инициативы, и такие инициативы вы получите в тот момент, когда они будут высвобождены. Вам вообще не нужно делать ничего другого, как делать эти идеи о производственных советах популярными, - и сегодня от этого зависит очень многое. Тогда на самых различных конкретных предприятиях несомненно самым различным образом должен будет дан ответ: Как мы будем это делать? - На одном предприятии это будет так, на другом иначе, в зависимости от целей и людей. Мы должны прийти к возможности, чтобы производственные советы конституировались из предприятия, чтобы от предприятия выделялся институт производственных советов, который действует между предприятиями. Только тут, собственно, начинается работа института советов (Räteschaft). Вопрос, как мы это делаем, должен решаться по-своему в каждом отдельном случае. Мы должны в общем понимать только мысли, а исполнять их в конкретных ситуациях.

Весь тенор, который мы слышали здесь сегодня, что у нас есть опыт, что мы не завоёвываем доверия, - это нечто такое, о чём я думаю, что в каждом отдельном случае, если его рассмотреть, вы пришли бы к выводу, что эта вещь всё же должна была бы решаться по-другому. Вначале необходимо было бы полностью принять необходимость постановки экономической жизни на свои собственные ноги. Подумайте только, если это сделать, то внутри неё оказываются только товары и производство товаров; тогда, ведь, мы не имеем никакого дела с заработной платой. Конечно, это не может произойти с сегодня на завтра. Но рабочий поймёт, если вы скажите ему, что систему заработной платы (Lohnsystem) нельзя отменить сразу. - Но если есть тенденция к тому, чтобы упразднить систему заработной платы, передать рабочую силу рабочему правовому государству, чтобы решения о ней принимались там, - поскольку она не принадлежит экономической, - тогда есть только договор о распределении между администрацией и рабочим. Это конкретная вещь, которая должна сначала стать действительно реальной, это должно быть доведено до каждого отдельного предприятия; тогда наладится дело и с людьми. К сожалению, для этого отсутствует воля. Например, нет понимания [среди предпринимателей] того, что систему оплаты труда можно упразднить. Это рассматривается как *conditio sine qua non* (неотъемлемое условие) экономической жизни.

Господин Доктор Риебензам: Я говорю, что рабочие, вероятно, имеют [в виду] заводские советы, но не считают их [основной] целью. [Нужно было бы показать им это]. Вы делаете это здесь, читая лекции.

Рудольф Штейнер: Только не лидерам [рабочих], они думают по-старому, они думают по-бюргерски.

Господин Доктор Риебензам: Конечно, мы должны сказать все эти вещи рабочим, но сначала я должен прояснить это для себя, я должен обдумать это. Тогда я тоже могу попытаться поговорить с рабочими и повлиять на них. Но тогда я хотел бы спросить Вас, знакомы ли вы с производственными советами и на других фабриках?

Рудольф Штейнер: Я знаю только о системе Мольта, она была основана на этой идее [внесенной через производственный совет].

Эмиль Мольт: В один прекрасный день, поскольку мы видели, что в этом есть потребность, мы собрали людей, объяснили цель и задачу, а потом сказали: «Самые эффективные могут попасть в производственный совет, но они должны знать, что им всё же ещё предстоит учиться». Те, кто придут, должны учиться с первого же дня, но под руководством. Они должны учиться тому, что необходимо для ведения предприятия. Тогда приходит доверие, тогда люди видят, что вести бизнес не так-то просто, как сегодня теперь люди видят, что не так-то просто создать правительство. Люди тогда понимают, что директор является первым производственным советом в своем деле, потому что он единственный, кто знает бизнес снизу вверх. Затем с людьми прорабатываются фундаментальные вопросы, чтобы они чувствовали, таковы не поддающиеся учёту обстоятельства (*Imponderabilien*).

Господин Доктор Риебензам: Сколько человек на Вашем предприятии?

Эмиль Мольт: Семьсот.

Господин Доктор Риебензам: С кем я должен войти в контакт?

Эмиль Мольт: Они придут сами.

Доктор Карл Унгер (Carl Unger): Я мог бы поделиться опытом, хотя и специфическим, поскольку относительно нашего предприятия речь идёт о рабочих-металлистах, и их

менталитет немного отличается от менталитета других рабочих. Мой опыт направлен на то, что мы разработали программу, которая сама по себе программой не является, речь идёт просто о разработке основных положений для производственного совета до прихода правительства, потому что иначе из этого ничего не выйдет. Вы сказали, что считаете важным, чтобы производственный совет искал связь с внешним миром, связывался с другими производственными советами. Предпосылкой был возникший тогда призыв, циркулировавший на нашем предприятии. При наличии всех возможных вопросов, которые сейчас здесь разбирались, всегда искали точку зрения трёхчленности. [Но в нашей компании мы были вынуждены] делать это по-старому, - но здесь это, собственно, не подходит. [Всё это дело работа с производственными советами] должна осуществляться с правовой точки зрения. [И это, собственно, хорошо, когда] люди спрашивают о трёхчленности, поскольку именно так они получают инструкции и передают свои знания в своем кругу дальше, так как идея трёхчленности - это нечто, что должно действовать от человека к человеку.

Доктор Фриц Эльзас (Dr. Fritz Elsas): Господин Доктор Шмукер сначала задал вопрос господину Доктору Штейнеру, что бы он сделал, если бы он теперь согласно резолюции рабочих был призван в правительство. Я хотел бы говорить чисто лично, а не политически, поскольку с политической точки зрения я не считаю эту просьбу удачной, поскольку это означало бы ничто иное, как требование к правительству низложить само себя. Поскольку такое правительство, без того, чтобы себя дезавуировать, не назначит представителя современной мысли, не уйдя в отставку. Поскольку это было бы безответственно и поскольку такое значительное движение не должно было возникнуть в отношении чего-то, что [изначально] было неудачным, я никогда не скрывал этих опасений и сожалею, что такая резолюция вообще была принята. Однако это не должно помешать нам из этого неверного требования извлечь полезное. Насколько я знаю, Доктор Шмукер сидит в министерстве труда. Во время войны и после неё мы получили министров, которых раньше не было; это знак, что старое бюрократическое государство, старое лакейское государство не стало мастером этого уже 60 лет развивающегося и вынужденного искать другие формы хозяйства, хотим мы того или нет, потому что эти формы сейчас фактически потерпели фиаско. Сами государства показали, что это невозможно, если они таким образом выстраиваются в экономические государства. В этом смысл этой катастрофы.

Собственно, все господа правы, особенно господин Доктор Риебензам, исходящий из того, что мы находимся в чрезвычайно сложной ситуации, при которой может рухнуть все здание. Мы находимся на переходном этапе и прежде всего должны оставаться в области, которая имеет актуальность и которой необходимо заняться немедленно. Это не духовные вопросы, а экономические. Мистер Мольт завоевал доверие своих рабочих; но они не входят в структуру рабочих-металлистов. Как мы слышим, они фактически уже дошли до точки зрения нигилизма, что несёт серьёзнейшие опасности для Вюртемберга. Одна из этих опасностей заключается в том, Доктор Риебензам, что Вы слишком остро смотрите на дело с чисто индустриальной точки зрения, потому что вы забываете, что земля Вюртемберг имеет не только 8000 [Даймлера-] и 5000 Бош-рабочих, но и крестьян. И если придут они, то у нас будет гражданская война. Что тогда произойдёт, я не знаю.

Возникает вопрос: если рабочие необоснованно требуют того, что выходит за рамки нормы, и не только рабочие, но и служащие, если они ориентируются только на чисто потребительскую точку зрения, [что тогда]? Мы должны были бы попытаться сказать рабочим в смысле трёхчленности: Вы, рабочие-металлисты, - а именно, из всех предприятий - собирайтесь вместе, образуйте производственное товарищество, - это нечто совершенно новое, - вы внесёте все не денежные взносы вашей компании, вашу рабочую силу, и будет создана новая организация. Я не хочу сказать, что это необходимо, но я могу себе представить, что рабочего можно убедить поддержать отмену заработной платы как эквивалента труда без необходимости принятия окончательного решения, поскольку отдельное государство почти никогда не может отменить заработную плату. Если бы эти

предприятия, имеющие большое значение в Вюртемберге, учредили такое производственное товарищество и тем самым успокоили бы рабочих, мы бы выиграли время для осуществления идей Доктора Штейнера. Это объединение было бы организованным объединением, выраженным в какой-либо правовой форме. Это могло бы у Вас, господин Доктор Риебензам, быть организовано иначе, нежели на мелких предприятиях.

А теперь другой вопрос: может ли маленькое государство, среднее государство, вроде Вюртемберга, входящее в замкнутую экономическую область [со своими деньгами], вообще образовать для себя подобное членение? Будут ли зарубежные страны снабжать такие товарищества сырьём? Опасность заключается в том, что иностранные государства, которые являются гораздо более крупными и сильными «капиталистическими государствами», чем Германия, решат не вступать в экономические отношения с таким образованием. Но мы не можем прокормить себя. Таким образом, необходимо рассмотреть вопрос: С чего нам начать с этими организациями?

Рудольф Штейнер: Не правда ли, мы зашли бы слишком далеко, если я буду вдаваться в детали предыдущих резюме, я хочу лучше обратиться к вопросам.

Особой реализации того, что имеется в виду под трёхчленностью, ещё не могло бы считаться то, что, скажем, со всеми металлургами в Вюртемберге поступили так, как Вы сказали, хотя формально это вполне можно было бы осуществить. Но когда я говорю о трёхчленности, я должен настоятельно подчеркивать, что одностороннее отделение экономической жизни от государственной жизни при подчинении духовной жизни государственной жизни я вижу противоположностью желаемого, поскольку такую двухчленность я считаю таким же вредом, как считаю необходимостью трёхчленность. Если, благодаря таким вещам, отделилась бы отдельная хозяйственная отрасль, я ни в коем случае не рассматривал бы это в смысле трёхчленности. Правда, формально нечто подобное могло бы иметь место и в социальном организме, стремящемся к трёхчленности. Но, не правда ли, это, ведь, также было бы фундаментальной пробой, если бы можно было проследить такие вещи.

В качестве детали я только хотел бы отметить, что упразднение заработной платы, если её последовательно продумать, никак не ведёт к тому взгляду, что отдельное государство не может отменить заработную плату, поскольку отношение экономики в таком государстве, которое упраздняет заработную плату, ко всему хозяйствующему внешнему миру совсем не нуждается в изменении. Приходит ли рабочий к своему заработку внутри, в смысле экономического либерализма, или же он приходит к нему в иной форме, например, из доходов от того, что он производит, для чего он уже становится партнёром управляющего, это ничего не меняет в отношении прочих экономических отношений с внешним миром. Таким образом, это неверно, что отдельное государство не может упразднить заработную плату. Но таким же малосостоятельным является тот взгляд, что маленькое государство или большое государство не могут осуществить эту вещь сами по себе. Напротив, в маленьком или большом государстве вы определённо не сможете социализировать в том смысле, как думали старые социалисты. Я вообще считаю, что социализация в смысле старых социалистов не может привести ни к чему иному, как к абсолютной изоляции и сужению отдельной экономической области. Если сделать самые окончательные выводы из старой социализации, то, собственно, по сути, одна отдельная экономическая область является ни чем иным, как тем, что контролируется одной отдельной бухгалтерской книгой. В ней вы никогда не сможете прийти к какому-то положительному торговому балансу, а только к постепенному, полному обесцениванию денег. Тогда можно упразднить деньги. Тогда возможность внешних связей отпадает вовсе.

Таким образом, все эти вещи являются основанием для того, чтобы подумать над этой трёхчленностью, поскольку она даёт единственную возможность того, того, чтобы каждая отдельная область, - экономическая, юридическая и духовная, - могла осуществить это. Внешние отношения никак не изменятся, кроме того, что уже не будет возможности,

например, политическими мерами подорвать экономику. Экономическая область будет действовать вовне, и больше не смогут происходить такие вещи, которые, например, в проблеме багдадской железной дороги запутали в один клубок все три интереса, так что в конце концов багдадская железнодорожная проблема стала одной из важнейших причин войны. Тут вы видите эти три вещи, сплетёнными вместе.

Я хотел бы ещё раз обратить внимание на то, что трёхчленность мыслится вне политики, то есть, мыслится для того, чтобы дать возможность осуществлять экономическую жизнь за пределами политических границ, согласно чисто экономическим точкам зрения, так чтобы политическая жизнь никогда не могла ей мешать. То есть, в тех областях, где не осуществляется трёхчленность, были бы убытки, но, во всяком случае, для [отделённой] экономической жизни не было бы реальной причины для того, чтобы другие страны не вступали в [экономические отношения], если эта экономическая деятельность для них выгодна. Ведь, они будут зависимы от политики, даже если какая-то отрасль хозяйства не независима, только будучи полностью импульсированными политикой; поскольку все эти вещи, касающиеся границы, не затрагиваются трёхчленностью.

Сегодня присутствует большая озабоченность: Возьмём какой-нибудь конкретный случай. Предположим, Бавария осуществила бы сейчас свою социализацию, - тогда, с такой бюрократически-централизованной социализацией, большое количество свободных связей предприятий внутри земли с заграничной индустрией стали бы невозможными. Благодаря же трёхчленности, рабочая сила будет изъята из экономической области, что тогда даст рабочему возможность выступать перед промышленником в качестве свободного компаньона. Но, благодаря этому, рабочий сможет получать часть доли, даваемой этой отраслью производства, когда всё больше не сваливают в одну кучу. Сегодня, собственно, больше нет объективных цен, а внутри экономической жизни есть отношение заработной платы. Если вы уберёте его, то, с этой стороны, вы уберёте беспокойство рабочих. А если, [с другой стороны], вы уберёте отношение капитала (*Kapitalverhältnis*), посредством того, что у вас есть тут духовный организм, который постоянно должен заботиться о способностях тех, кто необходим для управления производством, - тогда вы изъяли из хозяйственного тела два главных камня преткновения, и всё же не затронули ничего, что разыгрывается в торговле с другими странами. Поэтому зарубежным странам нет причин отказывать в отношениях, поскольку они ничего не теряют, они могут вести экономическую жизнь точно так же, как и раньше.

Эта реорганизация [посредством института производственных советов] задумана именно с точки зрения хозяйственной жизни. Если иметь в виду Германию, то бесконечное число тонких нитей, соединяющих её с другими странами, будет организовано одним махом, из всех предприятий. Можно, фактически, не делать ничего другого, как предпринять такое перераспределение в социальной жизни, которое делает возможным то, что в будущем товары действительно будут регулироваться товарами, так что будет более точный индекс существования, вокруг которого будут группироваться товары по своей стоимости. Это создает возможность того, что то, что производит отдельный человек, будет иметь такую же стоимость, какую должны иметь все продукты, необходимые ему для устройства своей жизни. Ведь, в нашем организме с разделением труда, всякая социализация должна привести к тому, что то, что отдельный человек производит в течение года, равно тому, что ему нужно для поддержания своей жизни. Если мы уберём отношения заработной платы и капитала, мы получим чистое отношение товаров. Правда, это нечто такое, что нужно решиться полностью продумать. В этот момент вы обнаружите, что это очень легко.

Доктор Фриц Эльзас (Fritz Elsas): Я не против того, чтобы духовный организм управлял собой сам; я только говорю, что это займет больше времени и не является срочным.

Рудольф Штейнер: Это срочно потому, что у нас есть необходимость создать основу, как раз, для воспитания духовных (интеллектуальных) работников, которую в нашей теперешней государственной духовной жизни мы не создаём. Это, ведь, сегодня самое ужасное, что наша

отпечатанная государством духовная жизнь стоит очень далеко от действительно практической жизни. Даже в высших школах люди обучаются так, - они обучаются не практически, а лишь теоретически, - что они оказываются вне жизни. Не правда ли, я представляю себе, например, это образование в будущем так, что практик, который находится на предприятии, на фабрике, особенно подходит для того, чтобы быть учителем, и, возможно, я думаю, этот [учитель] будет постоянно сменять свою деятельность [в школе и на предприятии, и наоборот].

Господин Доктор Штадлер (Dr. Stadler): Я попал сюда случайно, и хотел бы позволить себе выразить своё мнение в качестве гостя. То, что вы делаете здесь, в настоящее время аналогичным образом делается также повсюду, во многих частях Германии. То, что я сейчас переживаю в Берлине, - это беспрецедентная духовная борьба немецкого народа с проблемами революции. В Берлине масса кружков, организаций, объединений, разрозненных групп, которые собираются так же, как и вы сегодня вечером, и говорят об этом. А именно, в Германии мы переживаем не только политический и экономический крах, но и духовное разложение всей старой системы. И с этим крахом немецкий народ снова зашел так далеко, что он пытается идти своим собственным путем. Практики создают трудности для теоретиков и своими практическими вопросами перечёркивают их цели. И они правы, поскольку живут в практике. Вообще, трудность состоит в том, что по всей Германии ставятся далеко идущие цели, для реализации которых потребовалось бы одно-два поколения труда, в то время как мы стоим внутри полного развала. В отличие от Рудольфа Штейнера и других, я констатирую, что господин Доктор Штейнер, собственно, выдумал идею, с которой большая часть присутствующих может эмоционально согласиться, но которая не может удовлетворить чистых практиков, - я говорю практиков, поскольку один из них советник правительства [господин Доктор Шмукер], а другой крупный предприниматель [господин Доктор Riebensam] - поскольку им приходится себя спрашивать: Каков будет завтрашний путь, поскольку это не продвинет нас дальше? Решение не может быть найдено [так легко]; оно является настолько чрезвычайно сложным, что с мыслительной системой мы остаёмся в нереальном, и для решения реальных вопросов она уже не годится. Все эти программы действий постоянно наталкиваются на сопротивление со стороны промышленников, политиков и юристов. К счастью в Германии люди думают и ищут, в отличие от России, где за весь период революции никто, собственно, ни о чём не думал. Поэтому Россия находится действительно в процессе крушения - в государственном и экономическом смысле. Я подозреваю, что то же самое будет и с нами в Германии, несмотря на все наши духовные усилия, поскольку ход вещей делает нам невозможным вовремя прийти к политическому синтезу. Есть, опять же, теоретики, которые придерживаются какой-то системы, в то время как есть практики, которые тормозят; следовательно, это может произойти только насильственным путём, поскольку немецкая политика движется только между двумя крайностями и позволяет случиться всему. Наши партийные политики понятия не имеют о духовном. Я имею честь лично знать видных государственных деятелей. Я уйду от них с печальной мыслью, что в них нет ничего от духа времени, нет никакой веры в будущее, - они думают только о том, как удержаться у руля с сегодня на завтра.

Вы должны были бы, однако, обдумать, нет ли способа быстро связать то, что вы пытаетесь сделать здесь, с аналогичными устремлениями, предпринимаемыми по всей Германии, чтобы вы не оказались в изоляции. Было бы правильным, если бы вы осознавали, что Германия – это не тот маленький кружок, который здесь собрался в данный момент. Если не удастся сформировать фалангу, то эта попытка обречена на провал, поскольку она может быть только локальной. Вы не можете что-то сделать в Вюртемберге, осуществить трёхчленность, если вся Германия идёт к чёрту. Вы не можете ввести производственные советы, если это будет врез со всей политикой. Или вы замкнётесь в некое духовное движение обновления и откажитесь от вмешательства в реальную политику дня, - тогда вам придётся смириться с разрухой, хаосом, - или вы хотите не только стремиться к обновлению,

но в то же время хотите действовать практически, в реальной политике сегодняшнего и завтрашнего дня, тогда вы должны выстраивать фалангу со всеми одинаково направленными силами немецкого народа и делать уступки реальностям жизни. Это значит, вы должны, [например], разработать совершенно конкретную систему производственных советов, сделать конкретные предложения в сфере внешней политики. Извините, что я критикую как посторонний, но я желаю добра и вам, и немецкому народу, сохранение которого для меня важно.

Господин Йегер (Jaeger): Я хотел бы быть кратким. В ходе обсуждения у меня сложилось впечатление, что тенденция к вопросу довольно общая: Как нам прежде всего практически вступить на путь, ведущий к цели, которую господин Доктор Штейнер провёл перед нашим взором? Этот вопрос занимает нас всех. Если даже создание производственных советов, как этого требует господин Доктор Штейнер, приносит столько трудностей, то мы не должны забывать, что этим делается лишь первый маленький шаг. Для формирования экономической жизни нам необходимы не только производственные советы для фабрик, а целую систему советов вообще. Но если мы говорим об этом сегодня, то нам всё же должно быть ясно, что ещё нет никакой системы советов, поскольку то, что до сих пор практиковалось как советы, ещё не является системой; это бессистемность. Нам надо было вначале обсудить отдельные вопросы и теперь уже постараться начать с этими советами.

А теперь конкретный вопрос: Представитель завода Даймлера очень много говорил о тамошнем производственном совете и об отношениях с рабочими. Господин Доктор Риебензам спросил, как ему следует действовать, чтобы правильно связаться с рабочими Даймлера и завоевать их доверие. Я думаю, что если мы хотим достичь большой цели, надо вначале осмотреться в малом, делая практический шаг, как господин Мольт. [Я хотел бы спросить так]: Нельзя ли, чтобы господин Доктор Штейнер вместе с господами, которые желают присоединиться к этой инициативе, сами практически задействовали себя в работе с рабочими Даймлера, чтобы вдохновить других? Нам надо не только доверие рабочих, но и сотрудничество производителей, руководителей производства, которые поначалу отвергают такие вещи.

Рудольф Штейнер: На этот вопрос можно ответить только в том случае, если этот практический эксперимент действительно можно было бы провести, - его, безусловно, можно будет провести, - но, ведь, для этого сначала нужно было бы оказаться внутри производства Даймлера.

Один из участников обсуждения: Когда ты внутри, то, как раз, не хватает доверия, вот в чём трудность. Руководящим личностям трудно завоевать доверие. Тех же, кого избрали рабочие, снова уберут, если они договорятся с администрацией. Речь идёт о том, чтобы объяснить рабочим: Благодаря этой трёхчленности мы сможем достичь практических целей; мы хотим быть только соединительным звеном, чтобы собрать вас, чтобы показать вам путь.

Рудольф Штейнер: Это можно было бы осуществить только, например, завоеванием рабочих для понимания какой-то общей цели, которая могла бы быть достигнута за пределами стен данного предприятия. Если бы захотели пойти дальше, - и только тогда это имело бы какую-то цель; ведь, необходимо было бы иметь возможность привести рабочих к этой цели, - нужно было бы попытаться как-то реализовать что-то самому. Это привело бы только к тому, что руководство Даймлера вас вышвырнет. Мне сказали, что это очень странно, что я получил доверие рабочих, и что я делал бы это, собственно, полностью по-другому, нежели обычно. Это делание по-другому основано на том, что я, по сути, ничего не обещаю рабочим, а просто объясняю процессы, и тому подобное. В этом большая разница: действительно, я ничего не обещаю, - я, ведь, действительно могу это сделать с рабочими Даймлера до того уровня, как я это делаю сейчас, - я не могу ничего обещать, поскольку знаю, что с

обещаниями меня вышвырнет руководство. Мы не должны забывать, что сегодня речь идёт не о каких-то туманных абстракциях, таких, например, как «вся Германия», а о приведении к пониманию действительно отдельного пункта, о том, чтобы работа велась, исходя из отдельного пункта. Если бы, хоть однажды, было пробуждено истинное понимание одного отдельного пункта из требований действительно реальных отношений и их удовлетворения, то никогда не возникало бы предубеждение: Это, мол, нечто общее идеалистическое, это не имеет ничего общего с практикой. - Если бы мы взяли на себя труд изучить собственно практический импульс этого не мыслительного, а жизненного принципа, тогда мы продвинулись бы вперёд. Что вредит нам сегодня, так это то, что эта, так называемая, система, которая является не системой, а на самом деле чем-то другим, основанным на реальной жизни, на каждом шагу воспринимается как мыслительная система. Я не могу делать ни что иное, как то, что коренится в реальных условиях. В них уже сегодня коренился бы верный импульс, состоящий в завоевании всех рабочих Даймлера. Следующим шагом, однако, было бы сотрудничество с руководством. Но оно выбросило бы вас вон. И это делает невозможным что-то реализовать для того, кто стоит снаружи. Важно, что мы работаем над тем, чтобы эти вещи были действительно поняты. Тогда дело продвинется. Но я не думаю, что мы продвинемся дальше с простыми абстракциями. Если кто-то говорит, что надо сделать практическую попытку, пока для этого нет подходящей почвы, то это тоже абстракция.

Господин Йегер: Я должен настаивать на том, что если понимания рабочих завоёвано, администрация не вышвыривала бы такую личность, и когда эта личность завоевала бы доверие, эти предложения были бы приняты обеими сторонами. Здесь речь идёт не об обещаниях, а только о том, что производственный совет сначала должен достичь согласия среди руководства и взаимопонимания между руководством и рабочими.

Рудольф Штейнер: Всё это безнадежно, если нет понимания настоящей трёхчленности. Это понимание вы найдете сегодня, как правило, среди рабочего класса, по той причине, что эти люди не привязаны ни к чему, что досталось им от старых отношений, и не имеют ничего, кроме самих себя и своей рабочей силы. Правда, этого понимания ещё не хватает сегодня другим [людям], которые, может быть, только благодаря тому, что попадут под колёса [времени], будут вынуждены отпустить то, что состоит только в привязанности к старым отношениям. Сегодня среди рабочих вы действительно обнаруживаете далеко идущее понимание трёхчленности, даже если руководители этих рабочих вообще не могут мыслить в смысле прогрессивного мышления, а мыслят, по сути, гораздо более бюргерски, чем само бюргерство (Bürgertum).

Если люди скажут, да, эти вещи понять нельзя, они слишком необычны, то причина этого в том, что люди разучились понимать вещи, исходя из жизни. На эти вещи, касающиеся жизни, люди должны отвечать опытом жизни. Сегодня они отвечают только тем, что у них есть из партийных суждений и понятий. Если же у кого-то ничего из этого нет, а есть только то, что исходит из всей палитры жизни, то говорят: это непрактично, это не отвечает на отдельные вопросы, неплохо было бы иметь ответы на отдельные конкретные вопросы. Мои «Основные пункты»⁸ написаны не для того, чтобы [социальные вопросы] направить в теоретическое или философское русло, а для того, чтобы где-то начать. Если начать, то будет видно, что получится дальше.

Господин Доктор Риебензам: Я не думаю, что я вышвырнул бы господина Доктора Штейнера, - у меня есть авторитет, но и коммерческое управление тоже имеет что сказать, - но нынешний рабочий комитет, наверное, вышвырнул бы господина Доктора Штейнера.

⁸ «Основные пункты социального вопроса, исходящие из насущных потребностей настоящего и будущего», ГА 23 (прим. пер.)

Выглядит так, будто я своими реальными мыслями хочу перечеркнуть идеи господина Доктора Штейнера. Это не было целью и намерением моего объяснения. Я хотел лишь обсудить эту вещь целиком. Моё намерение состоит в том, что нам необходим какой-либо путь, чтобы по возможности избежать борьбу с рабочими. Ну, факт состоит в том, что господин Доктор Штейнер завоевал сегодня доверие у большого числа рабочих. И в Штуттгарте этого, вероятно, было бы достаточно, чтобы предпринять дальнейшие шаги. Этим открывается путь, который, возможно, какое-то время сможет без борьбы вести дальше. Рабочие уже участвуют в этом, даже вместе с руководителями производства. Было бы очень неправильно не пойти по этому пути. Это моя личная точка зрения.

Господин Райтц (Reitz): Как же это сделать?

Эмиль Мольт: Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы и собрались. После того, как господин Доктор Риебензам высказал важные вещи, после того, как был ясно намечен путь, каким образом два класса могут объединиться в одно человечество, после того, как здесь были обозначены эти пути, теперь зависит от каждого, действительно ступить на этот путь. Смертью всех этих вещей всегда является то, что больше говорят, чем делают. Господин Доктор Штадлер (Stadler) прав в том, что если только собираются и говорят, не приступая к делу, то время проходит так, что события проходят мимо. Мы все придерживаемся мнения, что через три-четыре недели наступит великий крах, когда мы должны будем действовать, чтобы реализовать новое. Для этого нам нужен каждый отдельный человек, чтобы мысли могли ежечасно и ежеминутно претворяться в действие также и в повседневной жизни. Поэтому мы очень просим вас, в интересах народа, человечества, не только спрашивать, что об этом думает господин Доктор Штейнер, но совершенно ясно понимать, что путь начертан в нём самом, и что он должен только следовать ему. От такого неследования погибла старая Германия и погибнет нынешняя. Я думаю, что сегодня, когда мы пойдём домой, мы должны это сделать с твердой решимостью перейти от простого размышления к действию, даже если оно не может быть совершенным, - несовершенное действие всё же лучше, чем очень умное мышление, с которым мы просто снова остаёмся на поверхности, а не преобразуем эти вещи в реальность, поскольку, ведь, сегодня речь идёт о преобразовании вещей.

Вероятно, ещё есть потребность высказаться о культурной стороне проблемы. Для этого мы хотели бы создать возможность в ближайшее время; может быть, отдельно или вместе, могли бы быть рассмотрены отдельные области. Я хотел бы услышать ваше мнение по этому поводу, чтобы мы могли пойти домой с каким-то результатом.

Господин Доктор Вайс (Dr. Weiss): Я полностью за то, чтобы дискуссия была бы продолжена в этом направлении. Однако, я предпочёл бы, чтобы отдельные области рассматривались не отдельно; для нас, - поскольку мы не предприниматели или ремесленники, - важен охват всех вопросов. Должна быть создана возможность того, чтобы были рассмотрены все вопросы вместе, даже с риском проредить наши ряды. Мы должны не только говорить, но и попытаться задействовать прессу. Поэтому у нас должен быть очень свободно составленный пресс-комитет, - не для разжигания полемики, - занимающий позиции в различных партийных органах. Специальный орган союза для трёхчленности должен также быть готов проверять рукописи перед их отправкой в соответствующие редакции, чтобы не затруднять последующую процедуру. Этот союз для трёхчленности не должен, конечно, ограничивать свободу мнений, но нечто подобное нам необходимо создать; каждый должен использовать свою связь с прессой для того, чтобы занять свою позицию по отношению к соответствующему вопросу, но статьи должны быть отосланы заранее, чтобы мы могли действовать концентрированно.

Эмиль Мольт: Именно это от нас и требуется; мы должны, собственно, каждый день занимать определённую позицию.

Один из участников дискуссии: Мы пришли сюда сегодня для обмена мнениями. Было бы желательно, чтобы для обсуждения этого вопроса собрались вместе некоторое число промышленников, представляющих владельцев, управляющих и служащих, представляющих комитеты служащих.

Эмиль Мольт: Я думаю, что это надо действительно попытаться сделать; это был бы первый шаг к подготовке действующего института производственных советов.

Господин Доктор Риебензам: Я думаю, путь должен быть несколько иным; ваши производственные советы должны пригласить наши рабочие комитеты.

Эмиль Мольт: Можно сделать и то, и то; рабочие должны видеть, что инициатива исходит от фабрикантов.

Господин Доктор Риебензам: Они должны исходить от рабочих комитетов, а не от фабрикантов.

Эмиль Мольт: Но иначе фабриканты не придут; но лучше обсудим это после.

Один из участников дискуссии: Нельзя ли издать, так сказать, некие методические указания, чтобы у фабрикантов были ориентиры? Таким образом, руководство крупных заводов могло бы рассмотреть этот вопрос и обсудить его с рабочими комитетами. Таким путём можно было бы сократить всё это.

Было решено собраться снова в следующий четверг в семь часов вечера.

ВТОРОЙ ВЕЧЕР ВОПРОСОВ Штуттгарт, 30 мая 1919 года

Вопросы к трёхчленности социального организма - 2

Вильгельм фон Блюме (Wilhelm von Blume): Уважаемые присутствующие, от имени союза для трёхчленности социального организма я всех вас сегодня снова сердечно приветствую. На сегодняшней вечер мы запланировали ответить на вопросы, которые были или будут подняты из среды собравшихся, и вначале я хотел бы предоставить слово господину Доктору Штейнеру, чтобы он сделал некоторые вступительные замечания.

Рудольф Штейнер: Уважаемые присутствующие, сегодняшний вечер прежде всего должен быть посвящен ответам на вопросы, прозвучавшие из круга уважаемых слушателей в связи с импульсом, данным идеей социальной трёхчленности. Завтра, в проводимой здесь лекции, я займусь тогда одним из главных возражений, - тем возражением, что при рассмотрении импульса трёхчленности социального организма речь идёт о какой-то выдуманной идее, о какой-то идеологии или утопии, и завтра я попытаюсь доказать, что речь идёт действительно о самом практическом вопросе нашего времени. Сейчас же, в качестве введения, позвольте

мне сказать несколько слов относительно ответов на вопросы, которые составляют содержание сегодняшней повестки дня.

По сути, мои уважаемые присутствующие, ещё мало замечено, что импульс к трёхчленному социальному организму должен указать на наиважнейшую задачу, которая, исходя из условий развития, поставлена перед человечеством в новое время. Действительно, не из какого-то преувеличенного пессимизма сегодня высказывается мнение, что слишком мало, - действительно слишком мало - в самых широких кругах обращается внимание на серьезность требований времени. Мы действительно стоим воистину перед огромной задачей. Поскольку всё развитие человечества нового времени подходило к тому, чтобы эта задача однажды была бы поставлена, и она была поставлена перед человечеством в результате знаменательных событий этой мировой военной катастрофы. Но совершенно особенное значение этой задачи сегодня никак не понято в широких кругах, и хотелось бы надеяться, что само полное понимание серьезности этой задачи, в свою очередь, станет задачей. Ведь, эта задача выступает прежде всего в явлениях, в фактах времени. В отношении этих явлений, этих фактов времени занимают свою позицию люди из самых разных классов, из самых разных общественных кругов, а также из самых разных партий. Из всего, что вытекало из занятия таких позиций до сих пор, выступает, собственно, нечто двоякое, и это двоякое я хотел бы охарактеризовать парой вводных слов; более тесно я хотел бы заняться этим завтра. Я хотел бы охарактеризовать это лишь в качестве введения, поскольку, ведь, - что является также желательным, - сегодня на повестке дня должны стоять отдельные, конкретные, практические вопросы. Но сегодня необходимо, чтобы люди снова и снова обращались к крупным, всеобъемлющим сторонам этой задачи, хотя бы для того, чтобы возбудить в людях ответственность за великие вопросы современности.

Как я сказал, можно заметить нечто двоякое, если учесть позиции самых различных кругов в отношении этой великой задачи. Можно сказать: Одни люди, занимающие определённую позицию, прежде всего, заинтересованы в том, чтобы каким-то образом в какой-то форме, - в форме, которая представляется им приемлемой, - восстановить то, что было разрушено судьбоносной катастрофой мировой войны. Другие люди, подходящие совсем с другой стороны, имеют свой интерес, прежде всего, в том, чтобы всё, что было до мировой военной катастрофы, сделать полностью по-другому, - отчасти для того, чтобы такие ужасы больше никогда не произошли, а отчасти также, исходя ощущения и убеждения в том, что на основании старого хозяйственно-государственно-духовного порядка нельзя продвигаться дальше, что необходимо заняться новым строительством. Если один тип людей мы хотим назвать — по отношению к совершенно новым требованиям - более консервативными, то наш взор обращается ко всем тем кругам, которые более или менее принадлежат к старым социальным мировоззрениям, которые так или иначе переплетены с тем, что эти старые мировоззрения принесли человечеству прежде всего в отношении экономического порядка. На другой стороне мы видим стремящиеся вперёд партии, которые составлены из пролетариата, и тут мы видим то, что занимает совершенно другую позицию по отношению к великим задачам, что занимает такую позицию, что один тип людей больше не понимает другой тип людей. Если поискать причины такого непонимания, - я хочу упомянуть их лишь в общих чертах, - то обнаружится, что, с одной стороны, представители старого, которые хотели бы каким-то образом быть связанными с этим старым и дальше, в ходе нового времени утратили собственно культурную цель и сохраняли старую культурную практику, в русле которой продолжали работать. Эти люди, уважаемые присутствующие, имели практику, но эта практика не была больше пронизана наполненными целями импульсами. Эта практика всегда выражается в том, что если этих людей спросить: Каким образом вы хотите, собственно, теперь, когда возникают великие задачи, двигаться дальше? - то они отвечают чем-то таким, что означает лишь некое продолжение старого; они не ставят перед собой также никаких великих задач; по сути, они отвечают только тем, что даётся из рутины предшествующей практики. Они имеют практику без цели. С другой стороны - стоит пролетариат. У него есть цель, - цель, которую, ведь, можно выразить самым различным

образом, но она является целью. Но у пролетариата нет практики; этому пролетариату не хватает практической возможности реализовать на практике то, что он как-то формулирует как цель. Таким образом, с одной стороны, стоит принесённая из старого практика без цели, а, с другой стороны, новая цель без практики. Пролетариат держали вдали от практики, он призывался только к машине, был задействован на фабриках, был впряжён в капитализм. Из всего этого в нём выросла цель, когда он, я бы сказал, восстал против того, что он испытал, но сам он никогда не был связан с руководством, с управлением хозяйственных форм. Сегодня он требует новых жизненных форм; но он не знает ничего из практики. Откуда появился этот разрыв?

Этот разрыв возник, как раз, от того, что мы оказались поставленными перед величайшей проблемой нового времени, и эта величайшая проблема нового времени встала в тот период, когда индустриализация достигла своего пика. Эта проблема скрыта, прежде всего, в экономической сфере, но она распространяется своими различными ветвями и на другие формы жизни. Эта проблема так значительна, что даже такая ясная голова, как, например, Вальтер Ратенау (Walter Rathenau), в лучшем случае, лишь немного коснулся её, но не пришел к какому-либо ясному воззрению относительно этой острой проблемы современности, этой проблемы, которая делает нас больными, этой проблемы, которая настоятельно требует своего решения. Импульс трёхчленности социального организма хотел бы непредвзято и жизненно, по крайней мере, подойти к этой проблеме. И если обрисовать её парой слов, как бы, в качестве введения к завтрашней лекции, которая должна быть посвящена её специальным формам, то я должен буду сказать: Эта проблема должна была медленно проникать в человечестве, должна была, как бы, подняться на свой высший уровень ко времени всё более и более широко распространяемой индустриализации, и современной техники, и сегодня она стоит перед нами вопрошающе и угрожающе. Она состоит в том, что вся индустриализация в народном хозяйстве работает с неким пассивом, - это так, и никак иначе. Народное хозяйство должно быть настроено на то, чтобы знать: вся индустриализация, насколько она всё дальше и дальше развивается посредством своих средств производства, по отношению к тому, что представляет собой народное хозяйство человечества, работает с дефицитом (mit Unterbilanz). И, насколько индустриализм работает с дефицитом, он должен возмещать недостаток в человеческом народном хозяйстве с другой стороны. Это огромная проблема современности, что весь индустриализм работает с дефицитом и что ни я, ни другие не могут задать вопрос, покрывается ли этот дефицит, но жизнь постоянно призывает покрыть этот дефицит. Откуда же он покрывается? Он покрывается исключительно из земли, мои дорогие присутствующие, исключительно посредством того, что даёт нам земля. В новейшем народном хозяйстве мы постоянно находимся в этом процессе смены [между индустрией и аграрным производством], - прикрытом вторичными процессами, - когда дефицит индустрии в широком смысле должен быть компенсирован излишком аграрного производства. Всё то, что в современной жизни возникает как вопрос заработной платы, вопрос капитала, вопрос цены, - всё это просто производное от того, что излишек сельскохозяйственного производства должен мигрировать в дефицит в промышленности.

Но это, дорогие мои присутствующие, связано с чем-то другим. Это связано с тем, что, с одной стороны, всё то, что в человеке связано с землёй, склонно к определённому консерватизму. Это можно строго доказать, но сегодня я хочу только намекнуть на это в качестве введения. Если бы существовала только земля и её продукты, мы должны были бы оставаться более или менее в первобытном состоянии человечества в отношении культуры. Человеческий прогресс связан с тем, что индустриальное с его далеко идущим разделением труда способствует этому прогрессу. Но в то же время индустриальное стало носителем прогресса в самых разных областях, сначала либерализма, затем социализма. Таким образом, то, что выражается в существенном, я бы сказал книжном противопоставлении земли и индустриальных средств производства, переносится на человеческие убеждения. И когда человеческие убеждения в жизни вступают в спор друг с другом, то этот спор теснейшим

образом связан с тем, что лежит в основе: с противоположными экономическими интересами земли и индустриальных средств производства. Но в новейшее время вся эта проблема обострилась ещё и другим образом. Дело не только в том, что в парламентах либералы и социалисты сидят против консерваторов, - просто исходя из активов и пассивов всего мирового хозяйства, - не только в том, что в новое время в народные представительные органы человечества проник консервативный и прогрессивный элемент, но и в том, что прокрались экономические интересы, когда, с одной стороны, всё, что связано с землёй, работает на консервативное, а, с другой стороны, всё, что связано с промышленностью, работает на прогресс. Таким образом, получилось так, что, с одной стороны человека, духовный прогресс, а с другой стороны человека, экономические интересы, в новое время хаотично сплелись в нашем унитарном государственном устройстве.

Эта большая проблема, стоящая сегодня перед людьми, я бы сказал, огромная. Над этой проблемой дискутируют справа- и слева стоящие люди. Поскольку она такая огромная, и понимание её также сложно. Люди, с одной стороны, хотят цепляться только за самое близкое, и только это называть практическим, между тем как время ставит перед нами задачу привести к какому-то разрешению огромную бухгалтерскую противоположность между продуктами земледелия и продуктами промышленности, благодаря обоим которым человечество питается, одевается и удовлетворяет другие потребности. Всё, что произошло, в конечном счете, я бы сказал, почти численно, является результатом приведённого бухгалтерского следствия. Но требуется действительно добрая воля для задействования основной силы реальной практической жизни, чтобы хотя бы увидеть эту задачу. Сегодня мы находимся на том месте, где мы должны видеть эту задачу, чтобы снова развести друг от друга то, что хаотично смешано в одной куче. Эту задачу ставит себе импульс трёхчленности социального организма, который хочет правильным образом поставить здоровый социальный организм на свои три здоровых ноги: на духовное, правовое и экономическое. Проблема возникла просто из того, что лежит внутри развития новейшего времени. И пусть ближайшие результаты, к которым пришёл импульс трёхчленного социального организма, люди найдут, скажем, сомнительными, всё же без интереса к этим трём областям жизни для поиска их надлежащей организации, поиска их будущей формы, к этой величайшей поставленной перед нами проблеме нельзя приблизиться ближе; нельзя прийти ближе к тому, что только и может вывести из угрожающего хаоса и неразберихи.

Я хотел сказать это только в качестве введения по той простой причине, что, с одной стороны, следует видеть, как импульс трёхчленного социального организма действительно связан с высшей задачей исторического развития, поставленного человечеством, а с другой стороны, ответ на этот вопрос сможет показать, как много, исходя из наблюдений за реальной жизнью, можно уже сегодня сказать о том, что вытекает из поставленных сегодня вопросов практически в конкретных вещах.

Теперь я начну отвечать на вопросы, которые были мне переданы.

Вильгельм фон Блюме (Wilhelm von Blume): Сейчас мы подходим к ответам на вопросы, которые изначально были заданы в письменной форме.

Рудольф Штейнер: Уважаемые присутствующие, я постараюсь ответить на вопросы, которые были присланы мне в письменном виде, не слишком пространно, по той простой причине, что я полагаю, что многие другие вопросы от уважаемой аудитории могут быть заданы в устной или письменной форме позже.

Первый набор вопросов, лежащий передо мной, носит заголовок «К трёхчленности».

Первый вопрос:

Каким образом отдельные лица, ассоциации и предприятия подчиняются трём различным организациям? К отдельным пограничным случаям относятся, например, издательства газет, государственные учреждения здравоохранения, театры и кинокомпании.

Уважаемые присутствующие, из этого первого вопроса я хочу выделить прежде всего газетное дело. Поскольку именно на примере чего-то вроде газетного дела можно будет увидеть, как, с одной стороны, трёхчленность социального организма действительно может привести к полному преобразованию нынешних условий, - но органическим образом, - а с другой стороны, можно будет показать, что единство жизни при этом совершенно не нарушится. При этом можно будет также показать, что то, что люди говорят относительно трудности понимания троичного социального организма, основано, собственно, на том, что, исходя из старых привычек мышления, они пока не хотят заниматься тем, что, как раз, необходимо. Но это придётся сделать.

Вы видите, многоуважаемые присутствующие, что в газетном деле, по сути, сливаются вместе все три рода деятельности человеческой жизни. В газетном деле мы имеем, с одной стороны, издателя, - того, кто заботится о том, чтобы газета была напечатана, чтобы она была соответствующим образом распродана, и так далее, - это чисто хозяйственная задача. С другой стороны, у нас есть те, кто пишет статьи для этой газеты. Я полагаю, что многие люди сегодня, исходя из наших странных обстоятельств, привыкли к тому взгляду, что газеты нужно было бы писать по-другому, нежели их пишут обычно. Поскольку, видите ли, нечто полезное для человечества при написании газеты может произойти лишь в том случае, если то, что пишется, исходит только из интересов и потребностей духовной жизни человечества, а также из потребностей, возникающих из того, что духовная жизнь обращает внимание и на различные другие отрасли жизни. Корреспонденты и сотрудники редакции принадлежат к духовной жизни. И поскольку мы имеем дело с людьми с обеих сторон, как со стороны экономической части газетного дела, так и со стороны духовной части, которые, в свою очередь, как люди состоят в отношениях не только к своим подписчикам, но и к широкой общественности, то при этом мы имеем дело с отношениями, которые разыгрываются от человека к человеку, то есть, с правовыми отношениями. То, о чём тут идёт речь, многоуважаемые присутствующие, это то, чтобы, как раз, в таком деле, как газетное дело, в будущем не вмешивались одно в другое хозяйственное, правовое и духовное, культурное, иначе, в конце концов, в кульминации такого нездорового положения дел мы придём к таким вещам, которые, например, мы испытываем сейчас. Недавно по так называемому Blätterwald⁹ прошёл странный анонс. Там появилось требование, чтобы мир крупных промышленников и мир капиталистов объединился для создания новой газеты. То есть, рекламировалось создание новой газеты для капиталистов и крупных промышленников. Задачей этой газеты должна была бы стать борьба против социализации средств производства всеми духовными средствами. Таким образом, многоуважаемые присутствующие, интерес капиталистов и крупных промышленников должен поработить всё то, что, собственно, должно просвещать человечество, исходя из суждения, которое импульсирует духовный мир. Кто имел некоторый жизненный опыт, тот знает, что именно в газетном деле в последнее время эти вещи смешивались друг с другом и в условиях современности развивались особенно гротескно.

В будущем надо стремиться к тому, чтобы издатель газеты, типограф был простым экономистом и подчинялся управлению экономической части социального организма. Со всеми интересами, которые он может развить в своём газетном деле, он будет находиться в экономическом организме. Редакция же будет находиться не внутри экономического организма, а будет - вместе с другими отраслями духовной жизни, - полностью подчинена самоуправлению духовной жизни. Она будет составлять единое целое со всем, чем являются

⁹ Blätterwald (буквально - «лес листков»): шутовское обозначение большого количества газет и/или журналов различной (общественной, политической и пр.) направленности. Хотя не исключено и то, что это просто название какой-нибудь конкретной газеты (прим. пер.)

обучение, искусство и подобные им ветви духовной жизни. То, как определенный издатель газеты сможет связаться с определенным редактором, зависит от договора, который может быть заключен между издателем газеты и редактором, и согласно которому редактор, - поскольку он принадлежит к самоуправлению духовного организма, - относительно всей своей материальной жизни является независимым от издательства. Редактор будет иметь интерес только к тому, чтобы вообще иметь возможность осуществлять свою профессиональную деятельность. Если бы он не следовал этому интересу осуществлять свою профессиональную деятельность, он остался бы без средств к существованию. Но в тот момент, когда ему удастся заключить договор с какой-либо администрацией, он получит возмещение за эту профессию, исходя не из интересов этой администрации, а исходя из интересов самоуправляющейся интеллектуальной жизни. Если имеются какие-то вещи, посредством которых та или иная часть газеты нарушает закон, это нарушение будет регулироваться законами правового государства. Таким образом, для такой отрасли производства желательно, чтобы в ней были задействованы эти три большие административные ветви: духовной, правовой и хозяйственной жизни. В самых различных отраслях производства будут сливаться вместе те интересы, которыми управляют с самых различных направлений. И результатом такого сотрудничества людей будет то, что эти интересы, - которые в противном случае, когда они соединяются, когда они сливаются в один клубок, только мешают друг другу, - будут, как раз, морализировать, этизировать и поддерживать друг друга. Те, кто действительно обладает чувством практического, скажут себе: Нет никакого сомнения в том, что такое членение одного дела действительно может быть осуществлено на практике. И посредством членения всего социального организма, которое вторгается в отдельные отношения, мы получим тогда оздоровление всей социальной жизни. Просто люди сегодня ещё не привыкли думать о том, что приводит к такому выздоровлению. Для них это непривычно ещё и потому, что им приходится расставаться с некоторыми вещами, которые они считают почти необходимыми в силу определенных старых обычаев жизни. Сегодня считается неизбежным то, что тот, кто берёт на себя экономический риск для газеты, превращает также в свою собственность и тех, кто работает в редакции. В будущем он не сможет этого сделать. Возникнет грандиозная независимость писателя по отношению к экономическим интересам газетного издателя, и, как раз, в этой отрасли произойдет оздоровление, в котором мы воистину нуждаемся, и относительно которого мы должны признать, что мы в нём нуждаемся, если мы хотим понять условия жизни здорового социального организма.

В качестве второго вопроса передо мной лежит следующее:

Сохранится ли муниципальная администрация с её пронизанными трёхчленностью предприятиями в области этих трёх организаций, то есть, например, в школах, газовых заводах, юрисдикции?

Ну, многоуважаемые присутствующие, речь идёт не о том, что сегодня, в переходный период, в котором мы еще даже не находимся, а к которому только стремимся, - говорилось бы уже о величине отдельных духовных, правовых и экономических областей, о которых я говорил здесь в прошлой лекции. В отношении внешней структуры социальной жизни, при действительной социализации всей человеческой жизни, ничего особенно менять и не надо. Но то, что я только что описал для отдельного рода занятий (Gewerbe), также хорошо может быть проделано как любым государством, так и отдельной муниципальной администрацией. Школы, газовые заводы, судебная власть, у них будут свои разные стороны, частично правовая, частично экономическая, - в школах также духовная сторона, - и это будет действовать на отдельных предприятиях, будь оно духовное или более или менее просто материальное, экономическое, - такое, какое исходит из этих трёх организаций и их администраций.

Третий вопрос:

Кто решает о соответствующей принадлежности к одному из этих трёх организаций?

Этот вопрос, многоуважаемые присутствующие, возникает, собственно, - простите за резкое слово, - из определённого предубеждения, что все должно исходить от какого-то авторитета. В том, к чему стремятся как к здоровому общественному организму в будущем, эта принадлежность вытекает из самой этой вещи. Только что при обсуждении газетной индустрии мы видели, как эта принадлежность вытекает из самой вещи. Исходя из этой принадлежности, будет дан гораздо более исчерпывающий ответ, нежели полагают сегодня. И такой вопрос, как этот, - он будет признаваться таким, который вытекает, собственно, из настроения подчинения авторитетам настоящего, а не из действительного конкретного основания.

Четвёртый вопрос:

Планируется ли в дополнение к специальным представительствам трёх членов ещё один парламент, - состоящий, скажем, из их высшего руководства или избираемый, - (для отдельных земель? для рейха?).

Ну, многоуважаемые присутствующие, прежде всего надо иметь в виду, - как я, ведь, уже объяснял в своей книге о социальном вопросе, - что, то, что является управлением или представительством в каждом отдельном из трёх членов социального организма, должно, разумеется, каким-то образом быть связанным с остальными членами, и что эта связь, этот взаимный обмен должны осуществляться через людей. Но и в этом отношении сегодня во многом мыслят ещё слишком шаблонно. Например, - это не стоит в вопросе, - в одном длинном документе, который мне недавно передали, говорилось, что трёхчленность подразумевает необходимость трёх различных парламентов: парламента культуры, государственного парламента и экономического парламента. Ну, я, правда, склоняюсь к мнению, что если бы эти три парламента таким шаблонным образом сидели рядом с тремя министерствами, то в результате могло возникнуть только то, что все три саботировали бы друг друга. Это, как раз, то, что выходит из действительного знания реальных отношений: что этот парламентаризм - а только демократический парламентаризм является действительным парламентаризмом - может основываться только на том, что определено договорённостями между людьми просто потому, что эти люди являются взрослыми, совершеннолетними. Каждый, кто достиг совершеннолетия (mündiger), должен иметь возможность участвовать в демократической парламентской жизни. Поскольку на том, чем является нормальный, здоровый, совершеннолетний человек, на том, что он может знать, думать чувствовать и хотеть (wollen), - на этом может основываться всё то, что составляет правовую жизнь. Но в эту правовую жизнь вмешивается экономическая жизнь, то есть, то, что основывается не на ощущениях и мыслях взрослого, совершеннолетнего человека, а что основывается, во-первых, на экономическом опыте, который можно получить только в отдельной конкретной области, во-вторых, на действительных основаниях, я бы сказал, на кредите в самом широком смысле, - я имею в виду не денежный кредит, а кредит в широком смысле, который возникает в какой-либо человеческой группе благодаря тому, что эта группа находится внутри определённой производственной отрасли. А поскольку в этой хозяйственной жизни всё должно развиваться на основе реального опыта и реальной административной базы конкретной отдельной отрасли, - то, что существует в хозяйственной жизни как организация, тоже может развиваться только на такой основе, то есть, в хозяйственной жизни надлежашая администрация может развиваться только на основе экономического опыта и экономических фактов. Тут на вершине окажется не парламентское представительство, а некая структура из ассоциаций, коалиций, товариществ из профессиональных союзов, из сочленений процессов производства и потребления и так

далее, которые организуются, которые могут собой управлять. И такая структура будет также развиваться в направлении образования определённой вершины — я бы сказал, в направлении образования некоего центрального совета. Но это не может быть той же структурой, которая выражается в том, что должно быть самостоятельно отделено как правовая почва. Зато, конечно, то, что, в свою очередь, должно влиять на экономическую жизнь в виде права, будет правильно влиять как право только в том случае, если оно сможет возникнуть не загрязнённым со стороны экономических интересов, на почве права из сообщества всех ставших совершеннолетними людей. И как мало экономическая жизнь может управляться шаблонным, парламентским образом, так же мало может таким образом управляться и духовная жизнь, которая, в свою очередь, исходя из своих особых условий, на основе своих собственных законов, должно развить свою организацию, которая будет совсем другой, нежели организация экономической жизни. То, что в виде вершины образуется в духовной жизни, будет общим со всем тем, что стоит посередине, на почве права, что управляется через парламент и министерство, и со всем тем, что выступает как, своего рода, центральный совет в экономической жизни, который может улаживать общие вопросы. Я знаю, есть очень много людей, которые не могут представить себе нечто подобное; но на практике будет легче, прежде всего плодотворнее всего того, что есть сейчас.

Вторая связка вопросов стоит под заголовком «Об экономической жизни». Первое: *Что произойдёт с существующей собственностью состоятельных людей, особенно с сельскохозяйственной и городской недвижимостью?*

На этот вопрос дан ясный ответ в моей книге о социальном вопросе. То, что привело нас к отдельным кризисам экономической жизни, а теперь и к великому кризису, - поскольку такова нынешняя мировая катастрофа, - так это та организация современной экономической жизни, которую я попытался описать в своей книге «Основные пункты социального вопроса». В этой книге даётся ответ на то, как в будущем [необходимо рассматривать], с одной стороны, средства производства, которые состоят из земли, а с другой стороны, индустриальные средства производства. Индустриальным средствам производства позволительно высасывать капитал из хозяйственного тела только до тех пор, пока они не будут исчерпаны; когда они исчерпаны, прекращается и их высасывание капитала из экономического тела. Другими словами: индустриальные средства производства могут чего-то стоить лишь до тех пор, пока ими производится работа до их исчерпания; затем они должны переходить в процесс обращения средств производства; тогда они должны полностью становиться тем, что является общим достоянием. Но земля, которая не изготавливается, а уже есть, вообще никогда не может чего-то стоить.

Видите ли, многоуважаемые присутствующие, если мыслить здоровым образом, то это в определённой степени имеет место уже сегодня, но, как раз, только в отдельных случаях, там, где мыслят экономически здоровым образом. В качестве высшей школы для духовной науки в Дорнахе мы возвели здание, строительство которого ещё не закончено, что было обусловлено катастрофой мировой войны. Мы построили его, разумеется, исходя из современных экономических отношений, но относительно этого строительства можно поставить вопрос: Если мы все однажды умрём, если всех нас больше не будет, когда строительство закончится, кому тогда будет принадлежать это здание, кто сможет продать его кому-то другому? - Ответ на этот вопрос возникнет сам собой. Он не будет принадлежать никому; он будет принадлежать всем. Поскольку он построен на здоровом основании так, что однажды [в будущем] он, как общественная собственность, может быть передан всему человечеству, тому, кто, в свою очередь, может им управлять. Надо просто подходить к таким вещам практически. В современной экономической форме можно только приблизиться к этому, но можно видеть, что сказано в моей книге «Основные пункты социального вопроса», что всякое торговое отношение при каком-либо средстве производства прекращается, когда оно исчерпано (*fertiggestellt*), и что это средство производства, которое тогда больше не

продаётся, в других формах переходит в управление обществом. И вы увидите, что в этом есть нечто в самом выдающемся смысле практичное.

Второй вопрос:

Как организовать мелкое ремесленное предприятие и малое дело?

Они организуются так же, как крупные ремесленные и крупные торговые предприятия, по той простой причине, что из законов экономической жизни, - из законов, которые я описал недавно в своей лекции, - само выходит так, что слишком крупное предприятие вредит тем, и заставляет голодать тех, кто находится вне его, и что слишком маленькое предприятие вредит тем, кто находится в нём самом. Величина предприятия будет само определяться будущими экономическими условиями.

Третий вопрос:

Должна ли прекратиться торговля, особенно оптовая торговля для импорта и экспорта?

Конечно, это было бы полным бредом, если бы она прекратилась. Кто действительно с точки зрения практики вдумается в то, что изложено в моей книге «Основные пункты социального вопроса», тот увидит, что фактические условия на границах экономической, правовой и интеллектуальной областей совершенно не меняются. Не становится другой даже инициатива отдельного человека, которая, ведь, разумеется, направлена вовне. Изменяются только социальные условия внутри. Изменяются только вещи, которые не имеют совершенно ничего общего с тем, что происходит на границах, кроме того, что на этих границах взаимно гармонизируется то, что до этого мешало и выражалось в ужасных войнах. Благодаря тому, что экономические условия на границах будут оказывать уравнивающее воздействие на международные правовые отношения и на международные духовные отношения, - например, также и на языковые границы, - благодаря этому, именно в международных отношениях, как я показал в своей книге, так важен трёхчленный социальный организм. Тут только при импорте и экспорте больше не сможет смешиваться друг с другом то, что развивается, с одной стороны, из экономического, а с другой - из правового или духовного, к которому принадлежит и национальное. Правда, абсурд «национальной экономики» прекратится, по той простой причине, что решающее значение для экспорта и импорта через границы будут иметь только экономические условия, и больше не будет возможным возникновение таких мировых конфликтов из-за сплетения экономических и политических интересов. В таком сплетении политических, культурных, экономических вопросов, как они проявились в ситуации Санджака или Дарданеллы на Юго-Востоке европейского континента, или в проблеме Багдадской железной дороги, лежит большая часть того, что привело к сегодняшней катастрофе мировой войны.

Четвёртый вопрос:

Выступит ли для «зарплаты» на место денежного обращения натуральное хозяйство?

То, что, когда наступит, своего рода, обобществление, социализация (Vergesellschaftung) между рабочими ручного и духовного труда, понятие заработной платы больше не будет иметь значения, - я уже описал в своей книге и пояснил во множестве лекций. Таким образом, о возврате к простому натуральному хозяйству, конечно, не может быть и речи. Но деньги - даже если Англия, ведущее торговое государство, будет придерживаться золотого стандарта - по крайней мере, в обращении внутри страны, приобретут другое значение. То, что сегодня привязано к деньгам, - то, что это товары, - исчезнет. То, что будет существовать в денежной системе, будет лишь, своего рода, изменяющимся бухгалтерским учётом обмена товарами принадлежащих к экономической области людей. В качестве денежной базы мы будем иметь, своего рода, записанный счёт, актив (Guthaben). И вычёркивание этого актива

будет производиться при получении чего-то, в чём мы нуждаемся. Денежная система станет, своего рода, изменяющимся бухгалтерским учётом. Деньги, которые сегодня являются товаром, и их эквивалентная стоимость, золото, - это лишь фиктивные товары, в будущем они больше не будут товаром.

Пятый вопрос:

Предусматривается ли принудительный труд?

Ну, многоуважаемые присутствующие, всякий, кто проникнется духом моей книги «Основные пункты социального вопроса», увидит, что то, что должно казаться каждому более или менее человечески мыслящему человеку, - и говорю это совершенно не приукрашено, - самым отталкивающим, то есть, бюрократически организованный принудительный труд, - это в будущем [в трёхчленном социальном организме] может отпасть. Конечно, каждый, исходя из социальных условий, принужден работать, каждый имеет лишь выбор или умереть с голоду, или работать. [В социальной организации], где свобода человека является основным условием, не может быть иного принуждения к труду, кроме того, что таким образом вытекает из обстоятельств.

Шестой вопрос:

Планируется ли отмена всякого наследственного права?

Право наследования, насколько остаются его части, самое большее, ведь, может базироваться на том, что в переходный период приходится как-то считаться с отношениями пиетета и тому подобным. Но в будущем уже нельзя будет говорить о наследственном праве [в смысле прежнего наследственного права] по той простой причине, что, с одной стороны, больше не будет того, что что-то, что, собственно, не может быть продано, что не покупается, ещё имело бы для кого-то ценность. С другой стороны, в наследственном праве больше не будут нуждаться, поскольку при наличии учреждений здорового общественного организма люди, принадлежащие к ним, смогут находить удовлетворение для своего будущего совершенно иначе, чем это имеет место сегодня при наличии чисто материального наследственного права, - я высказывал это в своей книге.

Третья связка вопросов озаглавлена: «О практическом осуществлении». - Первый вопрос:

Не будет ли, благодаря персональным талантам (часто не делового (sachlichen) содержания, а благодаря индивидуальным способностям, таких как ловкость, ораторский талант и тому подобному) создан высший слой, относительно которого может существовать опасность злоупотребления вверенной властью, коррупции, и который будет вызывать зависть и неприязнь низшего слоя?

Ну, многоуважаемые присутствующие, никогда не сможет внести что-то плодотворное в организацию социального организма тот, кто не желает этой организации, если она не соответствует абсолютно идеальному состоянию. Величайшим врагом любого социального импульса является то, когда посредством этого социального импульса хотят принести счастье всему человечеству. Я хотел бы привести одно сравнение. Смотрите, многоуважаемые присутствующие, возьмём человеческий организм, предположим это, так называемый, здоровый организм. Ведь, он почти не чувствуется, и, как раз, благодаря тому, что он не чувствуется, он является здоровым. Радость, гармония, внутренняя культура души появляются только на основе такого здорового организма. Вы не можете требовать от врача, чтобы он, кроме здоровья, дал бы вам душевную радость или внутреннюю душевную культуру, а вы можете требовать только того, чтобы он сделал ваш организм здоровым. На основе здорового организма образуется тогда то, что является внутренней душевной

культурой. Если же организм больной, то душа принимает участие в болезни, тогда её внутренняя жизнь зависит от этой болезни. Так же дело обстоит и в социальном организме. Больной социальный организм делает людей несчастными; однако, здоровый социальный организм ещё не может сделать людей счастливыми, он только создаёт почву для счастья людей, на которой это счастье может возникнуть. Поэтому импульс для трёхчленности социального организма заключается в том, чтобы искать жизненные условия здорового социального организма. Разумеется, и там может возникать коррупция и тому подобное, - с этим нельзя не согласиться, - только такая коррупция может быть улучшена, и перспектива такого улучшения заключается в здоровье самого социального организма. Я твёрдо убеждён в том, что если социальный организм здоров, то профессиональный болтуны с их ораторским талантом будут просто вытеснены, они не найдут особого признания. В настоящее время, исходя из наших социальных условий, это ещё не так. Особенно там, где должна процветать духовная жизнь, иногда происходит так, что с лекций такого профессионального болтуна, занимающего должность, слушатели убегают, но они всё же должны платить за обучение, а также сдавать экзамены. И эта профессиональная болтовня со своей коррупцией, собственно, не оказывает никакого особого влияния на внешнюю реальную жизнь, на условия жизни общественного организма. Такие вещи, конечно, отпадут в будущем, когда в области строительства своей духовной жизни человек будет зависеть от того, насколько он завоевал доверие других людей, и что, например, только на доверии других людей основывается то, что он может достичь.

Второй вопрос, и это последний вопрос из этой связки вопросов:

Каковы есть основания для того, что коммунизм, который стремится не к равенству пролетариата с буржуазией, а к господству пролетариата, и который считает, что буржуазия добровольно не откажется от своего теперешнего положения, откажется от своей программы власти в пользу трёхчленности, и не будет рассматривать уступки собственников только как аванс?

На этот вопрос нельзя ответить просто, исходя из организации трёхчленного организма, а здесь надо сказать, что разрыв, созданный между пролетариатом, с одной стороны, и непролетариатом, с другой стороны, возник в основном по вине руководящих кругов, то есть, непролетариата, и что ближайшая задача этих руководящих кругов состояла бы в том, чтобы действительно понять требования пролетариата, найти возможность войти в их положение; поскольку пролетариат будет прежде всего нуждаться в силе духовных работников. Опасность надо видеть не в каких-либо невозможных претензиях с одной или другой стороны, а только в отсутствии доброй воли как-то перекинуть мост через этот разрыв.

Тут имеется ещё пара других письменных вопросов, например, следующий:

В трёхчленном социальном организме рабочая сила человека потеряет характер товара. Заработной платы в сегодняшнем смысле больше не будет. Работники предприятия будут получать оговоренную в договоре часть общего дохода данного предприятия, другая часть будет принадлежать служащим и руководителю предприятия. Каким образом позаботиться о том, чтобы работник сохранял своего рода прожиточный минимум, например, при низкой прибыльности отдельного предприятия?

Этот вопрос разбирается в моей книге, и здесь я должен заметить только то, что этот вопрос является в высшем смысле экономическим тогда, когда реально существуют три члена здорового общественного организма, и что, благодаря социализации экономической жизни, большой практический вопрос возникнет для тех администраций, которые будут задействованы в рамках хозяйственного органа. В существенном, я бы сказал, этот вопрос редуцируется до следующего: То, что сегодня называют прожиточным минимумом, всё ещё мыслится в связи с заработной платой. Такого рода мышление не может таким же образом

существовать в независимой экономической жизни. В ней вопрос придётся ставить, исходя чисто из экономической жизни. Тогда этот вопрос будет поставлен так, что человек, осуществляя какую-то работу, производя что-то, должен будет путём обмена получать за произведённое им столько из произведённого другими людьми, сколько ему нужно для удовлетворения своих потребностей и потребностей тех, кто ему принадлежит, до тех пор, пока он ни произведёт новый подобный продукт. При этом надо только обращать внимание на то, какую работу и тому подобное человек должен сделать для своей семьи. Тогда будет найдена определённая, я бы сказал, первичная ячейка экономической жизни. И то, что эту первичную ячейку экономической жизни сделает тем, что позволит человеку удовлетворить свои потребности, пока он не произведёт подобный новый продукт, - это действительно для всех ветвей духовной и материальной жизни. Это может быть организовано так, что ассоциации, коалиции, товарищества такого рода, как я только что описал, должны будут заботиться о том, чтобы эта первичная ячейка экономической жизни могла существовать. Это значит, что любой продукт имеет по сравнению с другими продуктами ту цену, которая равна другим продуктам, которые необходимы человеку для удовлетворения его потребностей, пока он не произведёт новый продукт того же вида. То, что эта первичная ячейка экономической жизни сегодня ещё не существует, объясняется, как раз, тем, что в предложении и спросе сегодняшнего рынка работа, товар и право сливаются воедино, и что эти три области в будущем должны быть разделены в рамках трёхчленного здорового социального организма.

Затем был поставлен ещё следующий вопрос:

Как господин Доктор Штейнер видит в будущем улучшение положения частных учителей и подобных профессий, чей необходимый для жизни доход зависит сейчас от числа осуществлённых ими лично рабочих часов? Как можно будет в будущем также и их рабочую силу лишить товарного характера?

Ну, это произойдёт само собой, поскольку каждый, кто в качестве учителя задействован в духовной жизни, когда он перестанет быть впряжённым к государственную машину, будет более или менее свободен, но тогда уже здоровым образом, как и всякая духовная культурная деятельность в трёхчленном организме. Это то, что можно сказать относительно такого вопроса. Такие личности, которых Вы имеете в виду, будут просто поставлены в равные условия с теми, кто имеет сегодня монополию из-за того, что в духовной области их положение вплетено в чисто государственные отношения.

Теперь я позволю себе прервать ответы на письменные вопросы, чтобы не оставить без внимания вопросы, которые должны исходить от почтенной аудитории. Вопросы, на которые я ответил в первую очередь, лежали передо мной уже долгое время, и сегодня я хотел сначала ответить на них, поскольку я считаю, что они действительно могли бы иметь значение для более широкого круга. Если рассмотрение этих вопросов сегодня довести до конца не удастся, то это можно будет сделать в другой раз. Таким образом, я думаю будет неплохо, если вопросы, которые могли бы быть заданы из круга слушателей, прозвучали бы сейчас.

Вильгельм фон Блюме: Итак, я прошу уважаемых присутствующих, если у вас на сердце ещё лежат какие-то вопросы, высказать их сейчас и, насколько это возможно, передать их сюда в письменном виде. Вы также можете задавать вопросы устно, только тогда мы попросим вас подойти сюда и задать вопрос отсюда, чтобы мы все могли вас слышать.

Возможно, тем временем я смогу ответить на один вопрос, который был задан до этого, словами, которые я хотел бы добавить к сказанному господином Доктором Штейнером, поскольку этот вопрос часто возникал и у меня самого, и поэтому я понимаю, почему он был задан. Это вопрос о положении общин (Gemeinden) в будущем трёхчленном организме. Вероятно, задавший этот вопрос хотел бы более точно узнать о том, каково же, собственно, в трёхчленном социальном организме в будущем будет положение общин (муниципальных

сообществ). Тогда был задан вопрос: Что, собственно, будет со школами общин, с газовыми заводами и так далее? За этим кроется вопрос: Да. Что же будет в будущем с общинами, если, скажем, не вызывает сомнения то, что газовый завод как организация экономической жизни должен будет вписан в общую организацию экономической жизни, то есть, не может больше считаться предприятием общины? Спрашивающий не упомянул кое-чего другого, что по крайней мере является таким же важным, - это вопрос о строительстве жилья. Кто в будущем должен заниматься строительством жилья? Строительство жилья, выразимся так, является экономическим процессом, поскольку при этом речь идёт о «производстве». И не может быть сомнения в том, что сдача квартир в пользование также должна рассматриваться как экономический процесс. Этим вопросом в будущем должна будет заниматься особая организация экономической жизни. Таким образом, можно было бы думать, что община, ведь, тогда потеряет все, или, по крайней мере, почти все задачи, которые у неё были до сих пор, - и что тогда, собственно, станет с этой общиной? И всё же: община остаётся, и также в будущем будет играть чрезвычайно важную роль, точно так же, ведь, как остаётся и государство, и также в будущем должно будет выполнять свои задачи. То, что переход газового завода от чисто муниципального управления к особому хозяйственному управлению всё же имеет и свои очень и очень хорошие стороны, я думаю, каждый почувствует сразу, когда скажет себе, что цена на газ, которую требует сегодня муниципалитет, устанавливается не с учётом того, чтобы как можно больше людей могли иметь этот газ по цене, соответствующей стоимости производства, а с учётом того, что газовый завод является приобретающим муниципальным учреждением, и что [посредством избытков] покрываются издержки муниципальных финансов. Точно так же обстоит дело с электростанциями, трамваями и так далее. Таким образом, это означает, что эти учреждения, которые, собственно, должны преследовать вполне определённые хозяйственные цели, должны служить также финансовым целям общины, и часто так, что сильнее всего от этого страдает собственно цель обеспечения членов общины этими важнейшими товарами. Так что это уже какое-то преимущество, если в будущем муниципалитеты больше не смогут использовать такие учреждения для своих финансовых целей, если они будут использоваться только в чисто экономических целях. Но община остаётся подчиненной государству организацией всей правовой и административной системы, то есть, в частности, полицейской системы и того, что называется благотворительностью, - благотворительностью, насколько она связана с сохранением сил отдельного человека. Это будет задачей муниципалитетов, и тут они будут иметь свои самые важные цели, как уже и сегодня. Общине, собственно, удавалось хозяйствовать только потому, что никто другой не брался за эту задачу должным образом, и я думаю, что это счастье для правильной муниципальной жизни, если в будущем муниципальная администрация перестанет заниматься чисто экономическими вопросами. Это счастье, если в будущем муниципальная администрация будет организована не так, что она будет следовать эгоистическим интересам правления, а так, чтобы там мог проявить себя каждый.

Что же, с другой стороны, касается духовной жизни, то и в отношении общины должно быть действительным то, что вообще является действительным для отделения этой духовной жизни от влияния государства. Понятно, что сегодня общины создали в этой области много хорошего, но недостатки вмешательства экономических интересов, - особенно в культурной сфере, которые проявляются снова и снова, - эти недостатки ощущаются в области общественной жизни достаточно отчётливо. Но, тем не менее, для муниципалитета остаётся ещё очень большое пространство, которое он имел и до того, как взял под своё управление такие муниципальные учреждения. Так что опасение, что община станет совершенно лишней, столь же неоправданно, как и другое опасение, что государство будет упразднено этой трёхчленностью. Это не так.

Других вопросов от собрания пока не поступало. Господин Доктор Штейнер продолжит отвечать на письменные вопросы.

Рудольф Штейнер: Есть ещё вопросы:

Штейнеровский экономический порядок должен будет в значительной степени подчиняться определенной государственной политике, например, национальному принципу, милитаристскому или пацифистскому мировому порядку. Будет ли, согласно этим руководящим принципам, нагрузка на экономику (помимо нынешних военных долгов и военных репараций) какой-то другой? Не будет ли, например, националистическая политика в русле старого мышления снова отягощать, прежде всего, экономику и подрывать общее благосостояние?

Что ж, многоуважаемые присутствующие, этот вопрос возник из-за ещё недостаточного понимания того, чем, собственно, является сущность трёхчленного социального организма. Видите ли, вред целостного государства (Einheitsstaates) возникает, благодаря тому, что, скажем, в правовую жизнь, то есть, в более широком смысле, в политику, вмешиваются экономические интересы, что, например, фермеры образуют какой-то союз и в качестве «Фермерского союза» заседают в государственном парламенте, и там, исходя из собственных интересов, оказывают влияние на правовую жизнь. Или, с другой стороны, [вред может возникнуть тогда], когда какая-то корпорация, преследующая чисто духовные интересы, - скажем, католический «Центр», - так же, в свою очередь, проникает в государственный парламент и там интересы права превращает в, я бы сказал, трансформированные духовные интересы. Теперь вы скажете: Хорошо, в будущем эти три члена будут разделены: духовный организм, который будет полностью самоуправляемым, исходя из духовных принципов; правовой организм, который будет являться продолжением сегодняшнего государственного организма, но не содержащего ни духовной жизни, ни экономической жизни, а только правовую и политическую жизнь; экономический организм, который является кругооборотом экономической жизни. Однако, скажите Вы, эти три области всё же имеют определённые общие вещи, определённые общие интересы, и они, ведь, связаны через самого человека; отдельный человек находится внутри какого-то предприятия, в котором действуют эти три самостоятельных области управления. Вы спросите: Да, но не может ли и в будущем на правовой почве парламента утвердиться какой-нибудь клуб или тому подобное, который на эту правовую почву в государственном парламенте будет вносить экономические интересы и отстаивать свои интересы так же, как, например, союз фермеров хочет создавать законы, исходя из своих экономических интересов, или католический Центр хочет, посредством коалиций с другими партиями, создавать законы, исходя из религиозных, из профессиональных интересов, то есть, исходя из духовной жизни?

Ну, многоуважаемые присутствующие, сущность трёхчленного социального организма, которое сегодня проглядывается ещё мало, состоит в том, что в области экономики могут быть предприняты только экономические мероприятия, не правовые мероприятия и не мероприятия, имеющие какое-то дело с развитием человеческих способностей, которое должно управляться духовной жизнью; и на почве правовой жизни должны развиваться только правовые вопросы. Предположим теперь, что в государственном парламенте, на правовой почве находился бы какой-то клуб, имеющий экономические интересы, - он никогда не смог бы предпринять что-то такое, что имело бы какое-то влияние на экономическую жизнь, поскольку в этом парламенте ставятся на повестку только правовые вопросы, связанные с равенством всех людей. То есть, они не смогут также и думать, исходя из экономической жизни. Об экономической жизни в правовом парламенте не может быть и речи. Это просто невозможно, прийти в правовой парламент и попытаться продвинуть там какие-то экономические интересы, поскольку на почве правовой жизни не может происходить ничего, что имеет экономический характер, - это может происходить только на почве экономической жизни. В том-то, как раз, и смысл, что не люди как-то разделяются на классы, а - отдельно от людей - расчленяется сам социальный организм. То есть, то, что

сейчас представляет собой единой государство (Einheitsstaat), распадается на три области, и в каждой из этих трёх областей интересы других областей отстаивать совершенно невозможно, поскольку такое отстаивание не сможет иметь никакого воздействия на эту область. Именно в этом следствии будет заключаться то, что будет полезно для социального организма в будущем; в нём также причина того, что этот трёхчленный социальный организм является социальной необходимостью.

Я полагаю, что большинство из тех, кто уже познакомился с импульсом трёхчленного организма, всё ещё считают то, что под ним подразумевается, слишком изощённо сложным, чем-то стоящим вне практики, чем-то, что снова пришло кто-то однажды подумал и заметил: с единым организмом дела обстоят плохо, ну так разделим его на три части. - Речь идёт не об этом, а о познании реальной жизни, реальных потребностей жизни, - вот откуда, как следствие, вытекает разделённый на три социальный организм. Сегодня часто можно слышать, что люди говорят: Да, что он, собственно, хочет, мы не понимаем. - Не понимают, что, собственно, от них хотят. Сегодня так много людей реагируют на такой импульс: Этого мы не понимаем. - На чём это основано? Видите ли, это снова основано на том, что посредством трёхчленного организма должно быть по-другому, и, опять же, лучше. Сегодня людям, если они должны вынести суждение о чём-то подобном, не хватает прежде всего связи с жизнью. Если сегодня говорят, исходя из какой-то теории, исходя из чего-то, что можно объяснить парой общих фраз, которые, в конце концов, сможет понять каждый нормальный совершеннолетний человек, [тогда люди это понимают]. Если же говорят о чём-то таком, что нельзя понять таким образом, а для чего необходима связь с жизнью, где надо апеллировать к жизненному опыту, - тогда люди говорят, что они этого не понимают. Откуда это, собственно, исходит? Это исходит из единого государства, которое мы имеем уже четыре столетия; Посредством этого единого государства люди были вброшены в жизнь, где они оказались внутри какой-то особой жизненной области и в ней приобрели определённую рутину. Эту рутину они называют своей практикой. Они знают, что они имеют, благодаря этой рутине. Кроме того, они воспитывались государством, начиная с начальной школы. И в это воспитание не входило то, что должно входить в воспитание в будущем, реальная жизнь, а в это воспитание входили предписания, законы и тому подобное. В мышление человека уже [с начальной школы] втекало абстрактное предписаний, законов, так что сегодня человек имеет только рутину каких-то отдельных ветвей, которой они владеют чисто механически. Того, кто с ними в этом не согласен, исходя из более обширного жизненного опыта, они называют глупцом или непрактичным человеком. И вместе с этим их головы полны абстракциями, поскольку они воспитаны на предписаниях, законах, учебных целях и прочем, что взято не из жизни, а из каких-то абстрактных образов мышления, которые обоснованы единственно и только на почве права, но ни на какой другой почве жизни. На почве права они обоснованы по той причине, что на этой почве права правомерно то, что каждый нормальный человек, просто потому, что он совершеннолетний, может извлечь из своей головы сам и использовать в качестве прав человека по отношению к другим людям. Однако, то, что должно влиться в управление экономической жизнью, в развитие духовной жизни, - это нельзя просто извлечь из своей головы. Поэтому, поскольку мы лишены свободы духовной жизни, самостоятельность духовной жизни, мы имеем сегодня странное явление, что люди могут понять только то, о чём они уже думали долгое время.

Недавно в соседнем городе я говорил о том же вопросе, о котором говорю здесь сейчас. Потом вступил в дискуссию некто, кто высказал нечто такое, из чего можно было видеть, что из моих лекций он воспринял и даже услышал только то, к чему привык в продолжении десятилетий, вплоть до построения предложений. Но то, что не было в его мозгу в продолжении этих десятилетий, человек даже не слышал, это настолько проходило мимо него как нечто чуждое, что он этого даже не слышал, вообще отрицал это в дискуссии. Это происходит потому, что нечто такое, как импульс трёхчленности социального организма, апеллирует не к тому, что вбито в нас воспитанием посредством абстрактных предписаний, законов, учебных целей, учебных процессов и так далее, а апеллирует к тому, что, исходя из

жизни, понимает сам человек. Вот почему сегодня образовался такой разрыв, если говорить, исходя не из утопического и идеологического мышления, а исходя из жизни. Чем более практично сегодня говоришь, чем более непрактичным тебя называют люди, поскольку у людей отсутствует жизненная практика, - в их головах только рутина жизни и абстракции. Это также то, что ведёт в страху, что в будущем, в трёхчленном социальном организме, каким-то образом, с той или иной стороны, может прийти тирания. Ведь, она совершенно не может прийти, поскольку такой тиранией, о которой я говорил, совершенно нельзя воспользоваться. Сколько бы вы ни принимали законов в правовом парламенте, вы бы никак не смогли коснуться экономической жизни, поскольку даже то, что было бы опасно для интересов экономической жизни, не могло бы повлиять на эту экономическую жизнь, так как она управляется самостоятельно.

Следующий вопрос:

Как будут, с другой стороны, регулироваться требования социальной политики, например, поддержка инвалидов войны, сирот, слабых и так далее? Особенно, в каком масштабе? Как будут использоваться результаты экономики? Не может ли, благодаря соответствующей констелляции правительства, социальная политика Доктора Штейнера сделаться иллюзорной? Даже если бы были устранены основные наросты капитализма, пенсионная экономика, не может ли распределение налогов (Lasten) остаться односторонним?

На последнюю часть вопроса ответ был уже дан тем, что я только-что сказал. А то, что действительно поставленная на саму себя экономическая жизнь только и может по-настоящему заботиться о вдовах, беспризорных и так далее, - это я подробно описал в своей книге «Основные пункты социального вопроса». Я даже указывал ранее, что в первичную экономическую ячейку должно быть включено то, что каждый должен по квоте вносить свой налог на то, что должны получить вдовы и сироты и вообще прочие не способные работать люди, - как поясняется в моей книге, а также и на детей, на воспитание которых я претендую. Масштаб для этого образуется просто, исходя из уровня жизни прочих людей. Поскольку первичная экономическая ячейка имеет масштаб для уровня жизни человека согласно существующему общему экономическому благосостоянию, то этим одновременно даётся также возможность создать стандарт для жизни тех, кто действительно не может работать.

Следующий вопрос:

Не могут ли всё же остаться, как и прежде, опасности, так называемого, буржуазного правительства? Не подкрепляются ли они тем, что в зависимости от состава ведущего политического течения распределение должностей (Ämter) может осуществляться таким образом, что, не смотря на все добрые слова, занятие должностей и управление заводами, кооперативами и так далее осуществляется путём, так называемого, "Феттерлес"¹⁰? Кто гарантирует, в по-старому правящем обществе, то есть, в парламенте, отстранение от руководящей или самостоятельной должности некомпетентных, ленивых? Не может ли кликовая экономика (Cliquenwirtschaft¹¹) в ближайшее время свести на нет преимущества Штейнеровской системы?

По сути, и ответ на этот вопрос исходит из того, что я уже сказал. Поскольку, многоуважаемые присутствующие, речь действительно идёт не о том, чтобы выдумать какое-

¹⁰ "Vetterleswirtschaft" - Семейственная экономика, кумовство. «Когда два кузена работают вместе, на швабском языке это называется «кузен-экономика»» (из одной из статей, прим. пер.).

¹¹ Словообразование «Cliquenwirtschaft» засвидетельствовано в немецких текстах с середины 19-го века. Это слово всегда используется уничижительно и относится в первую очередь к отрицательно оцениваемой работе клик в литературных и художественных кругах. В настоящее время слово кликовая экономика в основном используется в политическом контексте, связанном с осуществлением власти и влияния определенными группами (прим. пер.).

то идеальное состояние, в котором будет невозможно кому-то натворить что-то плохое, а речь идёт о том, чтобы найти наилучшее из возможных состояний, подходящее к конкретному человеческому обществу. То же, что здесь называют путём "Феттерлес" или ему подобные, если только Вы действительно продумаете эти вещи, - но продумаете практически, в соответствии с действительностью, - было бы совершенно невозможным. Поскольку, подумайте только о том, что в этом трёхчленном социальном организме циркуляция средств производства происходит в самом широком охвате, что к тому же сотрудничество рабочих физического труда с работниками умственного труда основано на совершенно свободном договоре о производимой работе (*über die Leistungen*), что поэтому в кумовском хозяйстве с таким кумовством должны были бы быть согласны все рабочие этого предприятия, рабочие как умственного, так и физического труда. Таким образом, тут созданы гораздо большие гарантии, чем где-либо ещё. Если вдуматься, какая коррупция и доноительство могут возникнуть, например, в тиранической, ставшей государственной, большой экономической кооперативной системе, то я хотел бы знать, как это можно сравнить с тем, что, благодаря слабости человеческой природы, то тут, то там, может в отдельных случаях возникнуть в трёхчленном организме, и что, однако, разумеется, скоро будет исправлено. Наибольшую гарантию того, что вред, который может лежать в человеческой природе, не заходит слишком далеко, даёт та жизненная сила, которая имеет место в трёхчленном социальном организме, потому что эти три члена социального организма, в свою очередь, сами себя контролируют. Единый организм, если он к тому же образован на основе просто материальной хозяйственной жизни, как раз, и несёт в себе опасности, которые характеризуются этим вопросом; и поскольку эти опасности можно предвидеть, возник вопрос, опять же, исходя из практической необходимости: Как избежать возможности возникновения этого вреда? Посредством отделения правовой жизни, то есть, посредством корректуры того, что может возникнуть как неправомерное. Как удалить вред хозяйственного производства в духовной области? Посредством того, что духовная область управляет собой сама; она должна основываться на доверии к ближнему, и негодный должен распрощаться с духовной жизнью и стать рабочим физического труда или кем-то подобным. Всё это проистекает, как раз, из трёхчленности социального организма, поскольку эта трёхчленность в то же время даёт возможность исправления вреда, возникшего в какой-то другой области.

Здесь имеется ещё один вопрос:

Как Вы себе представляете самоуправление духовной области, и какими организациями оно будет осуществляться?

Ну, многоуважаемые присутствующие, видите ли, если сейчас охарактеризовать это сложное самоуправление духовной области в подробностях, то это заняло бы очень, очень долгое время. Я могу только указать, что речь идёт о том, что в этом самоуправлении духовной областью в качестве управляющих стоят только те люди, которые сами заняты в этой духовной области. Например, таким образом, в области школьного образования в это самоуправление будет вливаться ни что иное, как то, что педагог надлежащим образом должен использовать для влияния на педагогов. Также и выбор личностей на определённые должности будет основываться не на экзаменах, предписаниях и тому подобному, а на реальных педагогических знаниях способностей и так далее, так что то, какое место я занимаю в духовном организме, - скажем, в специальной области школы, - будет зависеть только от педагогических точек зрения, то есть, от внутренних точек зрения. Никогда какой-либо другой орган, экономический или государственный, не сможет управлять школой в соответствии со своими потребностями. Школы будут руководствоваться только человеческими потребностям человека до возраста пятнадцати лет, а с 15-го года - потребностям социального организма, потребностям жизни этого социального организма. Сюда, однако, относится и то, что администрация в этих учебных заведениях зависит, фактически, точно от тех же точек зрения, что и само обучение. В будущем человек не может

быть поставлен государством на какую-то должность и затем также следовать предписаниям государства; но всё, что действует в духовной жизни, помещается только в такое управление, которое возникает с точки зрения самой этой духовной жизни.

Затем ещё следующий вопрос:

Планируется ли уже Союзом для трёхчленности основание культурного совета для духовной области? Если нет, то собрание должно было проявить такую инициативу.

Ну, многоуважаемые присутствующие, нам сегодня ничего не даст, если в области великих задач, которые возлагает на нас сегодняшний день, мы не будем говорить открыто и честно. Экономическая жизнь приняла такие формы, посредством которых пролетариат стал энергичным представителем своих экономических интересов. Ведь, благодаря различным обстоятельствам, известно, что пролетариат сегодня очень страдает от того, что у него, в большей или меньшей степени, есть теоретическая цель, но нет практики. Всё же, то, что живёт в пролетариате, так это определённая воля, которая является также результатом совершенно определённого политического обучения, проходившего десятилетия. Исходя из этой воли, сегодня есть возможность формировать нечто такое, что, например, является производственным советом или институтом производственных советов, состоящим из работников духовного и физического труда. Это будет сделать нелегко, а именно, если это не произойдёт быстро, то потом может быть слишком поздно.

Но, я хотел бы сказать, это связано сегодня ещё с не такой, борющейся со страшными препятствиями работой, чем создание культурного совета, поскольку тут перед нами встают самые разнообразные [препятствия]. Например, сегодня имеются партийные лидеры, которые считают, что мыслят социалистически, совершенно социалистически, совсем не в смысле старой духовной культуры высших классов, но на деле, они просто переняли эту духовную культуру. В их головах живёт ни что иное, как последние результаты этой духовной культуры. Эта духовная культура правящих, ведущих классов может быть охарактеризована тем, что в продолжении последних четырёх столетий она всё больше и больше впадала в такое отношение духовной жизни к экономической жизни, что эта духовная жизнь, теперь стала, собственно, следствием экономической жизни, своего рода надстройкой над экономической жизнью. Из этого опыта последних трёх-четырёх столетий пролетариат сформировал воззрение, соответствующее пролетарской теории, согласно которому духовная жизнь вообще может быть лишь чем-то таким, что вытекает из экономической жизни. В тот момент, когда то, что духовная жизнь должна вытекать только из экономической жизни, будет сделано практически, - в этот момент будет положен фундамент для полного уничтожения духовной жизни, для полного уничтожения культуры. Буржуазия (Bürgertum) не может сегодня требовать от пролетариата того, чтобы он стоял на какой-то другой точке зрения, кроме той, что всё благо надо ожидать от экономической жизни, - по той причине, что бюргерство само привело всё к той точке зрения, что, в конце концов, всё духовное как-то зависит от экономического.

Ход развития был таков, что историческим развитием прежде всего был преодолён тот вред, который был нанесён человеку внутри человеческого общества, исходя из аристократического порядка. В результате этого аристократического порядка был нанесён вред праву; буржуазия боролась за права на то, что раньше было аристократическим порядком. Затем, в ходе исторического развития, образовалась противоположность между буржуазией и пролетариатом, то есть, между имущими и неимущими. Великая борьба между буржуазией и пролетариатом направлена на то, чтобы рабочая сила больше не была товаром. Согласно тому, как обстоят дела сейчас, речь идёт о том, что пролетариат энергично требует, - и это требование историческое, а не только пролетарское, - что в будущем физическая рабочая сила больше не должна оставаться товаром. Буржуазия требовала либерализма, поскольку она больше не хотела старых аристократических привилегий, поскольку она больше не хотела превращать закон в предмет завоевания и продажи. Пролетариат требует

эмансипации рабочей силы от товарного характера. Если мы не хотим оставить после себя то, что привело бы всю Центральную и Восточную Европу в состояние варварства, то уже сегодня мы должны взглянуть и на кое-что ещё. Если бы сегодня не возникло требование пролетариата к сознательному сотрудничеству с работниками умственного труда, то, хотя пролетариат и лишил бы физический труд товарного характера, но в результате в будущем возникло бы состояние, благодаря которому всякая умственная человеческая сила стала бы товаром. Это состояние не должно быть достигнуто. Серьёзность задачи должна быть понята так, чтобы наряду с работой физической, в то же время правомерной была бы и работа духовная, действительно духовная. Старая аристократия вызывала отсутствие прав человека, старая буржуазия вызывает отсутствие собственности пролетариата. Если бы осталось просто материалистически-экономическое понимание пролетарского вопроса, то осталось бы обезчеловечивание духовной жизни. Мы окажемся перед этой опасностью, если те, кто обладает сердцем и смыслом для духовной жизни, не захотят освободить саму эту духовную жизнь. А эта духовная жизнь может быть освобождена только в том случае, если мы распрощаемся с [зависимостью] духовной жизни, которую я описывал самым разнообразным образом, и, посредством учреждения серьёзного культурного совета, действительно придём к реорганизации духовной жизни. Тут, однако, надо сегодня честно и открыто сказать: Интересы встать на эту почву ещё, к сожалению, слишком мало. Увидеть, что здесь лежит жгучий вопрос, - эта задача является самой ближайшей, самой жгучей. Культурный совет должен возникнуть.

Из наших попыток, в том числе и на вчерашнем собрании, не вышло ничего многообещающего, поскольку люди ещё не видят, что сегодня поставлено на карту, если мы не поставим духовную работу на собственные ноги и оставим её рабыней экономической и государственной жизни. Поэтому существует настоятельная необходимость в самое ближайшее время стимулировать сердца и умы, как раз, для совета по культуре. Аполитичность наших средневропейских людей, которая, к сожалению, так ужасно проявила себя в последние четыре-пять лет, - это то, что должно было бы привести к самопознанию, как раз, в духовной области. Это то, что должно раскрыть душевные глаза людей на то, что наша духовная жизнь до сих пор была лишь духовной жизнью малой клики, рассчитанной на то, что она развивалась на основе широких масс, которые не могли принять участие в этой духовной жизни, и что сегодня должна быть создана такая духовная жизнь, в которой каждый человек найдёт достойное человека бытие не только физически, но и духовно и душевно. Многоуважаемые присутствующие, если взглянуть на вред, причинённый этой духовной жизни, как раз, за годы, которые оказались десятилетиями подготовки к нынешней мировой катастрофе, то можно было бы действительно стать охваченными заботой о культуре.

Затем прозвучал следующий вопрос:

Как лучше всего воспитывать наших детей?

В то время, когда люди так гордились тем, что не хотят поклоняться никакому авторитету, дети всё же воспитывались так, что самым главным была самая слепая вера в авторитет существующего, и о связи этого существующего с жизнью вообще нельзя было больше выносить никакого суждения. Не было сердца и чувства для того, что, например, то, что человек усваивает как привычки мышления в последние юношеские годы своей жизни, пронизывает всё его существо, составляет всё его существо. Усваиваем ли мы здесь, относя себя, как раз, к духовно правящим сословиям, действительно живое для настоящего времени?

Многоуважаемые присутствующие, сегодня важно говорить об этом вопросе открыто, честно и подробно. Большая часть ведущих людей современности усваивает в гимназии формы мысли греков и римлян, они усваивают то, как греки и римляне думали о жизни, как греки и римляне становились частью жизни. Только те, кто занимался наукой, искусством, политикой или управлением сельским хозяйством, были достойны там быть свободными.

Остальные люди были осуждены на то, чтобы быть несвободными людьми, илотами или рабами. То, как люди живут, влияет на язык, вплоть до его структуры, которую мы усваиваем в юности, вплоть до строения предложений, а не только на форму слов. В гимназиях те, кто принадлежат к руководящим, ведущим кругам, впитывают то, что годилось для жизни греков и римлян, а не то, что годится для жизни сегодня. Кто говорит это сегодня, - а это необходимо говорить, поскольку только самая радикальная открытость может вести к действительному оздоровлению, - тот, разумеется, большим числом людей ещё принимается за глупца; но то, что сегодня ещё считается глупостью, принадлежит к тому, что нам необходимо для оздоровления социального организма. Нам нужны люди, которые мыслят в соответствии с современной жизнью, а не в соответствии с жизнью древних греков и римлян. Здесь социальный вопрос в духовной жизни начинается очень сильно.

Выкрик из зала: Совершенно верно!

О, эта духовная жизнь требует основательного преобразования, и в этой области сегодня очень трудно найти у людей открытые уши. Но пока не найдутся такие открытые уши, не будет и оздоровления. Нет какого-либо одностороннего решения социального вопроса, а есть только трёхчленное решение. Частью этого является то, что человек ставит себя на почву духовной жизни, которая действительно возникает из жизни. Сюда относится добрая воля, - не бессознательная злая воля. Поэтому срочно необходимо, чтобы, как раз, в этой области возникло то, что можно назвать советом культуры. Могу только сказать, что культурный совет кажется мне требованием самого первого порядка, поскольку он должен развивать деятельность, спасающую нас от того, чтобы умственная работа во внешней жизни получила бы характер товара.

Этот вопрос, как мне кажется, связан с другим поставленным вопросом:

Если можно ожидать, что преобразование экономической жизни в смысле её высвобождения из единого государства, посредством организации производственных советов, произойдет быстро, то как тогда можно было бы быстро поставить на саму себя духовную жизнь и заняться её перестройкой?

Как раз, посредством склонности к образованию культурного совета и исследования запросов в рамках этого культурного совета, необходимых для построения заново нашей духовной жизни. Это то, что можно сказать относительно этого вопроса.

Громкие аплодисменты.

Доктор Карл Унгер: Многоуважаемые присутствующие, поступил ещё целый ряд дальнейших вопросов, ответы на которые - я надеюсь, с вашего согласия - мы перенесём на вечер.

Однако, сейчас для нас должно быть чрезвычайно важным, чтобы последние слова уважаемого оратора действительно проникли в наши сердца. Как раз, сейчас, в эти дни, в нашей среде поднимается требование, несущее в себе действительно характер мумии заэкономизированной духовной жизни: требование гальванизации и консервации гуманитарных гимназий в старом смысле. Мы слышали, в каком направлении мы должны смотреть, когда смотрим на страшные последствия современной жизни, и мы слышали, на какую область духовной жизни мы должны воздействовать. И, как раз, в эти дни мы также заметили, как импульсу новой духовной, новой художественной жизни, было противопоставлено величайшее филистерство. Многоуважаемые присутствующие, исходя из только что услышанных нами слов, мы должны позволить возрастить в нас сильнейшие импульсы, которые будут высвобождать в нас силу и крепость, а также революционную волю к духовной жизни в направлении подготовки к основанию или образованию настоящего

культурного совета. Но он может быть основан только на свободе, на собственной инициативе отдельных личностей, которые, исходя из какой-либо позиции духовной жизни, желают и способны внести свой вклад в реальное переустройство духовной жизни. Пробудить эту собственную инициативу и работать над продвижением этих мыслей о трёхчленности социального организма среди присутствующих, - вот цель моих настоящих слов. Для начала мы хотим собрать адреса, - а именно, уже сегодня вечером, - персон, готовых в смысле мощного обращения, сделанного сегодня вечером нашим уважаемым оратором. Я прошу позволить мне обратиться к вам с этой просьбой, и хотел бы попросить вас, чтобы эти импульсы для перестройки духовной жизни действовали в вас как можно сильнее, а также доносились до других.

На этом позвольте мне закрыть сегодняшнее собрание.

II

УЧЕБНЫЕ ВЕЧЕРА СОЮЗА ДЛЯ ТРЁХЧЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА

ПЕРВЫЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР
Штуттгарт, 30 июля 1919 года

К истории социального движения

Рудольф Штейнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Сегодня вечером я не буду предвосхищать то, что, собственно, должно быть здесь организовано в виде учебных вечеров, которые будут проводиться на основе книги «Основные пункты социального вопроса», а попытаюсь сделать для вас, своего рода, вступление к этим вечерам. Посредством этого вступления я хотел бы вызвать в вас ощущение того, исходя из каких точек зрения, была написана эта книга. Прежде всего, она была написана, исходя непосредственно из настоящего, исходя из убеждения, что в результате событий этого настоящего должен принять новый облик также и социальный вопрос, и что об этом социальном вопросе необходимо сегодня говорить совершенно иначе, нежели с какой-либо стороны о нём говорилось до катастрофы мировой войны. Этой книгой до известной степени была сделана попытка, именно сейчас, на этом этапе развития человечества, когда социальный вопрос становится особенно актуальным, и когда, собственно, каждый человек, сознательно, а не в спящем, сонном состоянии переживающий сегодня жизнь человечества, должен кое-что знать о том, что должно произойти в смысле того, что обычно называют социальным вопросом. Тут, возможно, будет очень кстати, если мы сегодня оглянемся немного назад. При этом, я, возможно, должен буду упомянуть о вещах, - но мы представим их в несколько ином свете, нежели они были представлены до этого, - которые вам отчасти уже известны.

Вероятно, вы знаете, что то, что сегодня говорят о социальном вопросе, говорилось уже довольно долгое время. Ведь, и сегодня имена Прудона (Proudhon), Фурье (Fourier), Луи Блана (Louis Blanc) упоминаются как первые, кто до середины 19-го столетия занимался социальным вопросом. Вы также знаете, что то, как решался этот социальный вопрос до середины 19-го столетия, нынешними представителями, - по крайней мере многими нынешними представителями социального вопроса, - называется «временем социальных утопий». Хорошо бы себе прояснить, что, собственно, имеется в виду, когда говорят: На

своей первой стадии социальный вопрос выступил так, что он жил во «времени утопий». Но об этом нельзя говорить в абсолютном смысле, об этом можно говорить, собственно, только исходя из ощущений представителей социального вопроса в настоящем. А они ощущают так, как я это сейчас описал. Они ощущают так, что все социальные вопросы, выступавшие в этот период, находились на стадии утопий. И что же люди понимают под этим, когда они говорят, что в то время социальный вопрос находился на стадии утопии? Они понимают под этим, - и это, ведь, замечали уже тогда; это прекрасно замечали и Сен-Симон (Saint-Simon), и Фурье, - что и после Французской революции есть люди, принадлежащие к известному социальному меньшинству, которые владели средствами производства, а также и другими человеческими благами, и что есть большое число других людей, - и их даже большинство, - которые этим не обладали. Эти люди могут работать со средствами производства, только находясь на службе у тех, кто владеет этими средствами производства, а также землей, - по сути, у них нет ничего, кроме самих себя и своей рабочей силы. Было замечено, что жизнь этой огромной массы человечества полна страданий, что они в основном живут в бедности, в отличие от тех, кто находится в меньшинстве; и было указано на положение меньшинства и положение большинства.

Те, кто теперь как Сен-Симон и Фурье, а также ещё Прудон, описали это социальное положение человечества, исходили из определённой предпосылки. Они исходили из той предпосылки, что людям надо указать: Смотрите, огромная масса живёт в страданиях, несвободе, экономической зависимости, для большой массы это существование не достойное человека. Это надо изменить. - И тогда были придуманы всевозможные средства, посредством которых это неравенство между людьми можно изменить. Но при этом всегда присутствовала определённая предпосылка, и этой предпосылкой было то, что говорилось себе: Если знать, на чём основано это неравенство, и если иметь достаточное количество проникновенных слов, если иметь достаточное количество самого нравственного сознания, чтобы решительно указать, что громадное большинство людей живёт в экономической и правовой зависимости и являются бедными, то эти слова захватят сердца и души меньшинства, имущего, привилегированного меньшинства. И, благодаря тому, что это меньшинство увидит, что так продолжаться не может, что необходимы перемены, что должен прийти другой общественный порядок, что, благодаря этому, будет установлен другой общественный порядок. Таким образом, предпосылкой было то, что люди, исходя из своего сокровенного душевного побуждения, что-то сделают для освобождения огромной массы человечества. И тогда предлагалось то, что надо было сделать. Верили в то, что если это меньшинство, если ведущие, руководящие люди увидят, что то, что надо сделать, хорошо, тогда наступит общее улучшение положения человечества.

То, множество всего умного, что было сказано с этой стороны, - только того, что необходимо предпринять в этом направлении, - это сегодня большинством представителей социального вопроса ощущается утопичным. Это значит, сегодня больше не рассчитывают на то, что надо только сказать: Если организовать мир таким образом, то прекратилось бы экономическое, политической и правовое неравенство людей. - Сегодня бесполезно апеллировать к пониманию, к воззрению привилегированных людей, владеющих средствами производства и им подобным. Если бы мне надо было выразить, что было утеряно в ходе второй половины 19-го столетия, то я должен был бы сказать: Была утеряна вера в понимание и добрую волю людей. Поэтому представители социального вопроса, которых я сейчас имею в виду, говорят себе: Можно выдумывать прекрасные планы относительно того, как обустроить человеческий мир, но из этого ничего не выйдет; поскольку, проповедуя эти прекрасные планы, апеллируя проникновенными словами к сердцам и душам правящего меньшинства, ничего добиться нельзя. Всё это ничего не стоящие идеи, и эти идеи, описывающие будущее, в действительности, выражаясь популярно, утопии. Таким образом, не имеет смысла, как говорят, что-то планировать относительно будущего, поскольку не окажется никого, кто оторвётся от своих интересов, кто может прислушаться к своей совести, к своему нравственному воззрению и так далее. - Веру в совесть и нравственное понимание

широкие круги, в частности, представители социального вопроса, утеряли. Говорится, что люди поступают совсем не согласно своим воззрениям, когда они занимаются социальными учреждениями или, когда ведут свою социальную жизнь, - они поступают согласно своим интересам. И имущие, разумеется, имеют свой интерес в том, чтобы сохранить своё имущество. Социально привилегированные заинтересованы в сохранении своих социальных привилегий. Поэтому это иллюзия рассчитывать на то, что нужно только сказать, что люди должны делать то или иное. Они этого не сделают, поскольку они действуют не исходя из своего понимания, а исходя из своего интереса.

В самом широком смысле можно сказать, что мало-помалу, - но действительно только мало-помалу, - Карл Маркс признавал этот взгляд. В жизни Карла Маркса можно описать целый ряд эпох. В юности Маркс так же был мыслителем-идеалистом, и так же, - в том смысле, который я только что описал, - ещё думал об осуществлении утопий. Но именно он, а вслед за ним и его друг Энгельс, самым радикальным образом отказался от расчёта на это человеческое понимание. И если в общем охарактеризовать то, что, собственно, является великой историей, то я могу сказать следующее: Карл Маркс в конце концов пришёл к убеждению, что мир не может стать лучше никак иначе, кроме как посредством призыва к тем людям, у которых нет интереса в том, чтобы сохранить за собой имущество и привилегии. Рассчитывать на тех, кто заинтересован в сохранении своего имущества, вообще нет смысла, поскольку они никогда с этим не согласятся, в каких бы прекрасных словах им это ни проповедовали. В противоположность им есть огромная масса пролетарских рабочих, [которым нечего терять]. Сам Карл Маркс пришёл к этому убеждению в то время, когда в Центральной Европе ещё, по сути, только зарождалось то, что теперь называется пролетариатом; он видел, что пролетариат в Центральной Европе только возникает на основе других экономических условий. Когда он позже жил в Англии, ситуация была уже другая. Но в то время, когда Карл Маркс развивался от идеалиста к экономическому материалисту, современный пролетариат в Центральной Европе, собственно, только зарождался. И тогда он сказал себе: Этот современный пролетариат имеет совершенно другие интересы, нежели ведущее, правящее меньшинство, поскольку он состоит из людей, которые не владеют ничем, кроме своей рабочей силы, из людей, которые не могут жить иначе, как ставя свою рабочую силу на службу собственникам, а именно на службу собственникам средствами производства. Если эти рабочие оставляли свою работу, то они - и это в то время выражалось самым радикальным образом - выбрасывались на улицу. У них нет впереди ничего, кроме возможности каторжной работы на тех, кто владеет средствами производства. У этих людей совершенно другие интересы, нежели у имущих. Они заинтересованы в том, чтобы прежний общественный порядок был разрушен, чтобы этот общественный порядок был преобразован. Они нуждались не в тех проповедях, которые затрагивали бы их понимание, а в тех, которые затрагивали бы их эгоизм, их интересы. В этом можно быть уверенным. Проповедовать тем, на чьё понимание следует полагаться, ни к чему не приводит, поскольку люди действуют исходя не из понимания, а только исходя из интересов. Таким образом, нельзя обращаться к тем, к пониманию кого следовало бы апеллировать, а нужно апеллировать к интересам тех, кто не может ничего другого, как, исходя из внутреннего принуждения, выступать за новое время. Это тот эгоизм, до которого развился Карл Маркс. По этой причине он больше не верил в то, что прогресс человечества к новым общественным условиям может возникнуть из какой-либо другой человеческой деятельности, кроме деятельности самого пролетариата. Этот пролетариат мог, как полагал Карл Маркс, стремиться к обновлению человеческих социальных состояний только, исходя из своих интересов, своих отдельных эгоистических интересов. И этим пролетариат, но теперь не из человеколюбия, а из эгоистического интереса, освободит также и остальное человечество, поскольку больше не может быть ничего иного, кроме того, чего могут добиться люди, не цепляющиеся за старое, и которым при этих преобразованиях нечего терять.

Таким образом, говорится: С одной стороны, есть руководящие, правящие круги, у которых есть определенные права, которые были даны им в прежние времена или которые

они завоевали в прежние времена, которые они получили в наследство, и за которые они держатся. Эти руководящие, правящие круги обладают тем или иным, что, в свою очередь, передают по наследству дальше внутри своего круга, своей семьи, и так далее. При каких-либо преобразованиях этим кругам всегда есть что терять, поскольку, разумеется, если бы они ничего не теряли, не было бы и преобразований. Ведь, речь идёт о том, что те, у кого ничего нет, должны что-то получить, поэтому те, у кого что-то есть, могут только потерять. Таким образом, к пониманию можно было бы апеллировать только в том случае, если это понимание имущего, правящего класса придало бы ему импульс хотеть что-то потерять. На это он не пойдёт. - Это было воззрение Карла Маркса. Таким образом, надо апеллировать к тем, кому нечего терять. Поэтому также он в 1848-ом году завершает «Коммунистический Манифест» словами: Пролетарию нечего терять, кроме своих цепей, но они должны завоевать всё. Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»

И, смотрите, с момента публикации этого Коммунистического Манифеста, это в определённой степени стало убеждением. И сегодня, когда в большинстве пролетариата живут определённые ощущения, уже находящиеся под влиянием этого взгляда, сегодня уже больше нельзя представить, какой громадный перелом произошел в социалистических взглядах в середине 19-го столетия. Но было бы неплохо, взять что-нибудь вроде "Евангелия бедного грешника" Вайтлинга (Weitling), подмастерья-портного, написанного не так давно до того, как был написан "Коммунистический Манифест", и сравнить со всем тем, что было написано после публикации Коммунистического Манифеста. В этом одухотворенном действительно истинным пролетарским ощущением, «Евангелии бедного грешника», господствует, можно даже сказать, в определённом смысле, поэтический, пламенный язык, но язык, желающий апеллировать к доброй воле, к пониманию людей. Это убеждение Вайтлинга, что можно что-то сделать, исходя из доброй воли людей. И это убеждение исчезло только к середине 19-го столетия. И причина, по которой оно исчезло, является, как раз, публикация Коммунистического Манифеста. И с того времени, с 1848-го года, мы можем, собственно, проследить то, что сегодня называется социальным вопросом. Поскольку, если бы мы захотели сегодня говорить так, как говорили Сен-Симон, Фурье, Вайтлинг, - ну, мы проповедовали бы для глухой аудитории. Поскольку, до определённой степени, это совершенно верно, что в социальном вопросе нельзя ничего сделать, апеллируя к пониманию правящих кругов, которые чем-то владеют. Это верно. Правящие, руководящие круги никогда этого не признавали, вряд ли признают и теперь, - они совершенно не признают, даже делая это, поскольку тут в человеческой душе чрезвычайно большую роль играют бессознательные силы.

Видите ли, ведь, наша духовная культура в продолжении 19-го столетия почти полностью стала фразой. И то, что относительно духовной культуры мы живем во фразе, - это является гораздо более важным социальным фактом, чем полагают обычно. Таким образом, те, кто принадлежит к руководящим, правящим кругам, конечно, говорят всякие приятные вещи и о социальном вопросе, и часто сами убеждены, что уже обладают доброй волей. Но на самом деле они просто верят в это, это всего лишь их иллюзия; в тот момент, когда делается попытка сделать что-либо реальное в этом отношении, сразу же оказывается, что это иллюзия. Об этом мы поговорим потом. Но, как и было сказано, сегодня мы не можем больше говорить так, как говорили во времена утопий. Это действительно достижение, пришедшее, благодаря Карлу Марксу, что он показал, как человечество сегодня настолько запуталось в иллюзионизме, что бессмысленно рассчитывать на что-то иное, кроме эгоизма. С этим нужно считаться; поэтому ничего нельзя добиться, если пытаться как-то рассчитывать - я всегда имею в виду «в отношении социального вопроса» - на самоотверженность, на добрую волю, на нравственные принципы людей. И это изменение, которое привело к тому, что мы сегодня, как раз, должны говорить о социальном вопросе совершенно иначе, нежели, например, могли говорить ещё в первой половине 19-го столетия, - это изменение пришло, как раз, с Коммунистическим Манифестом. Но не всё пришло сразу, а было, ведь, ещё возможным, что даже после "Коммунистического манифеста", вплоть до шестидесятых

годов, как вы знаете, - некоторые молодые социалисты уже забыли это время - совсем другой вид социального мышления, вроде того, что был у Фердинанда Лассалья (Ferdinand Lassalle), завладевал сердцами и душами людей. А также после смерти Лассалья, наступившей в 1864-ом году, ещё продолжалось то, что являлось лассальянским социализмом. Лассаль полностью принадлежит к тем людям, которые, не смотря на то, что уже появился другой образ мышления, ещё рассчитывал на действенность идей. Лассаль ещё хотел достучаться до людей как таковых, до их понимания, прежде всего, до их социальной воли. Но этот лассальянский оттенок всё больше и больше ослабевал и над ним брал верх другой, марксистский, который хотел рассчитывать только на интересы той части человеческого населения, которая располагала только собой и своей рабочей силой. Но, в любом случае, всё проходило не так быстро. Такой образ мышления развивался в человечестве лишь постепенно.

В шестидесятых, семидесятых и даже ещё в восьмидесятых годах было так, что люди, принадлежавшие к пролетариату, или к политически или социально зависимым группам, - если не совсем к пролетариату, - судили о своей зависимости, так сказать, морально, и также морально осуждали независимую часть населения. Согласно их сознанию, это была злая воля правящих, руководящих кругов населения, то, что огромная масса пролетариата оставалась в зависимости, что ей мало платили и так далее. Если мне будет позволено выразиться тривиально, то я могу сказать, что в шестидесятые, семидесятые, вплоть до восьмидесятых годов, было вызвано много социального возмущения, и многое говорилось с точки зрения этого социального возмущения. Затем, в середине восьмидесятых по-настоящему возникло это странное изменение. Ведущие личности социального движения тогда полностью прекратили говорить о социальном вопросе, исходя из морального возмущения. Ведь, это было время, когда выросли и были ещё более или менее пропитаны огнём юношеского энтузиазма те социальные вожди, которых вы, те кто помладше, видели уже умирающими: Адлер (Adler), Пернерсторфер (Pernerstorfer), Вильгельм Либкнехт (Wilhelm Liebknecht), Ауэр (Auer), Бебель (Bebel), Зингер (Singer) и так далее. Эти более старые вожди, как раз, тогда, в восьмидесятые годы, всё более и более прекращали проповедовать этот социализм, исходящий из возмущения. Я хотел бы выразить это так, что эти вожди социализма высказывали своё сокровеннейшее убеждение, когда они тогда переводили старый социализм возмущения на рельсы нового социалистического мировоззрения. Вы обнаружите, что того, что я вам сейчас говорю, нет ни в одной книге по истории социализма. Но тот, кто тогда жил и участвовал в этом, знает, что люди, когда были предоставлены сами себе, говорили так.

Предположим, что в восьмидесятые годы такие ведущие люди социализма собрались бы для дискуссии с теми, кто был бы [чистыми] буржуа по своим убеждениям, и допустим, что были бы люди третьего сорта: буржуа, которые были бы идеалистами и желали добра всем людям, которые были бы согласны с тем, что всех людей надо сделать счастливыми. Тут могло бы случиться так, что буржуа заявили бы, что всегда должны существовать люди бедные и люди богатые и так далее, поскольку только тогда может существовать человеческое общество. Тогда, возможно, взял бы слово один из тех, кто был идеалистом, и возмутился бы тем, что так много людей должны жить в нищете и зависимости. Возможно, он сказал бы тогда: Ну, надо добиться того, чтобы этим собственникам, предпринимателям, капиталистам было разъяснено, что они должны расстаться со своей собственностью, что они должны принять меры, благодаря которым, широкие массы окажутся в ином положении, и тому подобное. - Тогда могли бы прозвучать прекрасные речи в этом тоне. Но затем, слово взял бы тот, кто тогда придерживался социализма и пути его становления, который сказал бы: О чём вы тут говорите, вы, как дети, несёте полную чушь! Люди, которые являются тут капиталистами, предпринимателями, - все они бедные наркоманы, которые не знают ничего, кроме того, что вдалбливалось им поколениями. Даже когда они слышат, что надо действовать по-другому, они не могут этого сделать, потому что не могут сообразить, как это сделать. Что-то подобное им даже в голову не приходит, - то есть, что можно сделать что-то по-другому. Этих людей нельзя обвинять, нельзя осуждать их морально, их вообще нельзя

судить нравственно; эти парни, эти бедные наркоманы выросли в свою среду, и они инспирированы идеями, которые у них есть. Осуждать их морально, значит совершенно не разбираться в законах человеческого развития, значит предаваться иллюзиям. Эти люди никогда не смогут желать того, чтобы мир принял другую форму. Говорить о них с возмущением, - это чистое ребячество. Всё это возникло из необходимости, и, в свою очередь, измениться может также только посредством необходимости. Разве вы не видите, что с такими инфантильными парнями, которые думают, что могут проповедовать богачам, капиталистам то, что должен быть установлен новый мировой порядок, - с такими инфантильными парнями ничего изменить нельзя; с ними нельзя установить никакого нового мирового порядка; они лишь предаются вере в то, что можно призывать этих бедных наркоманов-капиталистов к тому, что они должны создать другой мир. - Я должен высказывать эти вещи так, чтобы они были ясны, поэтому многое выглядит слишком резким, но всё же так, что такие речи, о которых я говорю, вы можете услышать повсюду. Если бы они были написаны, они были бы немного ретушированы, записаны немного по-другому, но в основе лежало бы это. Затем они продолжали бы свои речи: С этими парнями, - это были бы идеалисты, которые представляют себе мир в смысле некой идеологии, - ничего изменить нельзя. Мы должны опираться на тех, у кого ничего нет, и кто поэтому, исходя из своих интересов, хочет нечто другое, нежели те, кто связан капиталистическими интересами. И они также не будут стремиться к изменению своего жизненного положения, исходя из какого-либо нравственного принципа, а только, исходя из желания иметь больше, чем имели прежде, чтобы иметь независимое существование.

В восьмидесятые годы всё больше и больше распространялся этот образ мышления, который понимал развитие человечества не в том смысле, что не отдельный человек является ответственным за то, что он делает, а в том смысле, что он делает то, что должен делать, исходя из экономического положения. Капиталист, предприниматель сдирает кожу с других с предельной невинностью. Тот же, кто является пролетарием, будет революционизировать, исходя не из морального принципа, а из человеческой необходимости, и в полной невинности заберёт средства производства, капитал, из рук тех, кто ими владеет. Это должно происходить как историческая необходимость. - Вот такой появился образ мышления.

И смотрите, собственно, только в 1891-ом году на Эрфуртском партийном съезде всё лассальянство, ещё опиравшееся на человеческое понимание, перешло в веру в, так называемую, «Эрфуртскую Программу», призванную сделать официальным воззрением пролетариата марксизм. Прочтите программы готов, партийного съезда эйзенахцев¹², и вы найдете два требования, которые были тогда действительно пролетарскими требованиями того времени, ещё связанными с лассальянством. Первым требованием было: упразднение системы заработной платы; вторым требованием было: политическое равенство всех людей, отмена всех политических привилегий. На этих двух требованиях основывались все пролетарские требования вплоть до девяностых годов, вплоть до Эрфуртского партийного съезда, который привёл к огромным переменам. Всмотритесь внимательно в эти два требования и сравните их с главными требованиями Эрфуртского партийного съезда. Каковы главные требования Эрфуртского партийного съезда? Это: перевод частной собственности на средства производства в общественную собственность; управление производством всех товаров, всем производством, посредством, своего рода, большого товарищества, в которое должно было быть преобразовано прежнее государство. Сравните прежнюю программу,

¹² Готская программа (нем. Gothaer Programm) — программа немецких социал-демократов, принятая в городе Гота на партийном съезде, проходившем с 22 по 27 мая 1875 года, где Социал-демократическая рабочая партия Германии (эйзенахцы) и Всеобщий германский рабочий союз (лассальянцы) объединились в Социалистическую рабочую партию Германии (в 1890 году она станет Социал-демократической партией Германии). Идеи программы подверг критике Карл Маркс. В своей работе «Критика Готской программы» (нем. Kritik des Gothaer Programms) он, прежде всего, раскритиковал содержание лассальянской идеи построения социализма, которая и стала основой Готской программы. В 1891 году Готская была заменена Эрфуртской программой (Википедия, прим. пер.)

которая была пролетарской программой восьмидесятых годов, с тем, что вышло из эрфуртской партийной программы и существовало с девяностых годов. Вы увидите, что в старой готской и эйзенахской программах требования социализма остаются ещё чисто человеческими требованиями: политическое равенство всех людей, отмена недостойной человека системы заработной платы. В начале девяностых годов уже действовало то, что я охарактеризовал как настой, возникший в ходе восьмидесятых годов. То, что было еще скорее человеческими требованиями, превратилось в требования чисто экономические. Там вы уже больше ничего не читаете об идеале, упразднении системы заработной платы, там вы читаете только об экономических требованиях.

Теперь смотрите, эти вещи связываются затем с постепенным образованием идеи о внешнем привлечении лучшего социального состояния человечества. Людями, у которых ещё были идеалы, часто также говорилось: Ах, что плохого в том, чтобы разбить всё вдребезги, ведь, надо навести иной порядок; то есть, должна состояться революция, всё должно быть разрушено, должен наступить полный крах, поскольку только из этого может возникнуть лучший общественный порядок. - Так говорили ещё в восьмидесятые годы люди, которые были добрыми, идеалистическими социалистами. Им отвечали другие, стоявшие на высоте времени, которые стали вождями, те, кто, как я уже сказал, теперь похоронены, - которые говорили: всё это не имеет смысла, такие внезапные революции бессмысленны. Единственное, что имеет смысл, так это то, что мы предоставляем капитализм самому себе. Мы, ведь, видим, раньше были только мелкие капиталисты, потом они стали крупными; они объединились с другими, стали капиталистическими группами. Капиталы всё больше и больше концентрировались. Мы стоим внутри этого процесса концентрации капитала. Затем наступит время, когда фактически будут существовать только несколько крупных капиталистических трестов, консорциумов. Тогда останется сделать только то, чтобы пролетариат, как неимущий класс, в один прекрасный день совершенно мирным образом через парламент, перевёл бы капиталистическую собственность, средства производства, в общественную собственность. Это прекрасно можно сделать, нужно только подождать. А до этого вещи должны развиваться сами по себе. Капитализм, который, собственно, является невинным ребёнком, ведь, не виноват, что он такой кровожадный, - им движет историческая необходимость. Но он также работает на опережение, потому что концентрирует капитал; тогда не будет никаких раздоров, тогда капитал должен будет только быть переданным общественности. Не быстрая революция, а медленное развитие.

Видите ли, тайна воззрения, публичная тайна воззрения, лежащая в основе этого, была, ведь, прекрасно разъяснена уже Энгельсом в девяностые годы. Он сказал: к чему быстрые революции? То, что медленно происходит при развитии современного капитализма, это скупивание капитала, эта концентрация капитала, - всё это, ведь, работает на нас. Нам не нужно создавать общность (Gemeinsamkeit), это уже делают капиталисты. Нам нужно только перевести её в пролетарскую собственность. Поэтому, - говорит Энгельс, - роли, собственно, поменялись. Нам, представители пролетариата, совсем не надо жаловаться на развитие, - жаловаться надо другим. Поскольку эти парни, которые состоят в кругах имущих, должны сказать себе: мы собираем капиталы, но мы собираем их для других. Видите, эти парни, собственно, должны беспокоиться о том, что потеряют свои капиталы; у них впадают щеки, они худеют от беспокойства о том, что должно произойти. Мы, как социалисты, как раз, процветаем внутри этого развития. Мы обретаем, говорит Энгельс, упругие мышцы и сытые щёки, и выглядим как вечная жизнь. - Это Энгельс говорит в одном вступлении, написанном им в девяностых годах, когда он описывал, что это очень хорошо, то, что из этого развивается, и надо только выждать развития, о котором позаботится сам капитализм. Это развитие ведёт затем к переводу того, что сконцентрировал капитализм, в общественную собственность тех, кто до этого ничего не имел. - Таким, собственно, было настроение, с которым руководящие круги пролетариата входили в 20-ое столетие.

И так думали, особенно с того времени, когда марксизм уже не принимали таким, каким он был в девяностые годы, а когда он подвергся, как говорили, ревизии, когда появились ревизионисты, то есть, старые люди, такие как, например, Бернштейн (Bernstein).

Тогда, таким образом, пришли ревизионисты. Они говорили, что всё развитие можно несколько ускорить, поскольку если рабочие будут просто работать до тех пор, пока капиталисты всё ни сведут воедино, то они всё же будут до этого страдать, особенно в возрасте, поскольку у них ничего нет. Тогда были введены страховки и так далее; и прежде всего следили за присвоением того, что руководящие классы имели в качестве институтов политической жизни. Вы знаете, что тогда, в частности, зародилась и профсоюзная жизнь. И внутри социалистической партии были две сильно расходящиеся тенденции: ярко выраженная профсоюзная партия и, как тогда говорили, собственно политическая партия. Политическая партия стояла больше на той позиции, что неожиданная революция ничего не принесёт, - развитие должно проходить так, как я его только-что описал. Поэтому речь шла о том, чтобы всё подготовить к тому моменту, когда капитализм будет достаточно сконцентрирован, и пролетариат будет иметь большинство в парламентах. Всё должно было бы идти по пути парламентаризма, по пути присвоения большинства, чтобы в тот момент, когда средства производства должны будут переводиться в общую собственность, было бы большинство для этого перевода. Именно в среде этой группы людей, которые всё ставили на политическую партию, в конце 19-го столетия придавали не слишком больше значение профсоюзному движению. Последние в то время занимались, своего рода, организованной конкуренцией с предпринимателями, чтобы время от времени добиваться от предприятия повышение заработной платы и подобные вещи. Короче, они заботились о том, чтобы система взаимных переговоров, существовавшая между самими руководящими кругами, путём подражания распространялась бы и на отношения между руководящими кругами и пролетариатом. Вы, ведь, знаете, что представителями собственно политической социалистической системы особенно критиковались те, кто в этом профсоюзном движении стал наиболее буржуазным. И в конце девяностых годов и начале 20-го столетия в среде тех, кто был более настроен на политическую систему, повсюду можно было наблюдать большое презрение к тем людям, которые полностью погрузились в профсоюзную жизнь, а именно, например, к печатникам, которые, в свою очередь, до крайности развили совершенно иную систему профсоюзной жизни.

Это были два совершенно разделённые друг от друга направления в социальной жизни: профсоюзные деятели и те, кто больше склонялся к политической партии. И в рамках профсоюзов печатники были, как раз, самыми образцовыми; они были теми образцами, которые получили также полное признание буржуазных кругов. И я полагаю, что насколько люди имели определённый страх перед политической социалистической партией, настолько они мало-помалу с большим удовлетворением увидели этих храбрых печатников. О них говорили: они обуржуазились, с ними всегда можно договориться. Если они добиваются повышения своей заработной платы, то мы повышаем цены. Это приемлемо. - И, не правда ли, это работало также в течение следующих нескольких лет, а дальше, ведь, люди не думают. Таким образом, тут с этим образцовым образованием профсоюзного развития все были очень довольны. Ну, опуская некоторые нюансы, можно сказать, что до времени, которое было огорошено катастрофой мировой войны, более или менее развились эти две тенденции. Но, к сожалению, из этой катастрофы мировой войны люди не вынесли всего того, что в отношении социального вопроса они, собственно, должны были вынести.

Не правда ли, пока рассматриваются условия на Востоке Европе, в Центральной Европе, если отбросить собственно англо-американский мир и отчасти также романский мир, если ограничиться Центральной и Восточной Европой, то можно сказать, что с этой историей, которая всегда определялась так: Капиталы концентрируются, и если имеют в парламентах большинство, то эти капиталы будут переведены в общественное владение и так далее, - что с этой историей, собственно, ничего толком не вышло. - О том, что сегодня нельзя ожидать того, что это пройдёт гладко, позаботилась катастрофа мировой войны. Тех, кто ожидал

какой-то революции, часто представляли инфантильными, но, по сути, что произошло за последние четыре-пять лет? Давайте ясно и отчётливо поставим перед глазами то, что произошло. Не правда ли, вы, ведь, часто слышали, что произошло за последние четыре-пять лет: В июле 1914 года правительства немного «свихнулось» - или сильно «свихнулось» - и ввергло народ в мировую войну. Люди думали, это мировая война с настоящими сражениями на полях, - но с современными средствами войны, с механизированными средствами войны, произошло нечто совсем другое, нежели в прежних войнах. Больше не было никакой возможности для появления какого-то особенно известного полководца, поскольку, в конце концов, всё зависело от того, было ли у одной стороны больше боеприпасов и других средств ведения войны, использовала ли одна сторона механические средства войны лучше, чем другая, использовала ли она газ и прочее, что не было у другой стороны. Вначале выигрывал один, затем другой очередное открытие делал другой, затем снова первый; всё было ужасной механической войной. И всё, что говорилось о том, что там или здесь происходило, говорилось под влиянием фразы, это была исключительно фраза. И мало-помалу современное человечество увидит, - также и в Центральной Европе, - что содержалось во всех этих фразах, когда тот или другой, который на самом деле был ни кем иным, как свихнувшимся средним солдатом, превращался в Центральной Европе в великого полководца. Такие вещи стали возможными только под влиянием фразы. Ну, да, так это было.

Но что же произошло на самом деле? Этого люди за чисто внешними событиями не заметили. В то время, как люди думали, что идёт мировая война, - что, собственно, было только маской, - в действительности происходила революция. В действительности в эти четыре-пять лет произошла революция. Люди просто ещё не знают об этом, они этого ещё не видят. Война - это нечто внешнее, маска; истина в том, что произошла революция. И, поскольку произошла революция, сегодня общество Центральной и Восточной Европы находится в совершенно другом состоянии, и с тем, что люди думали относительно прежних состояний, ничего начать нельзя. Сегодня необходимо, чтобы все мысли, которые были раньше, упорядочивались совершенно по-новому, чтобы о вещах думали совершенно по-другому. И это было предпринято в книге «Основные пункты социального вопроса»: верно оценить положение, в которое мы попали в результате самых последних событий. Поэтому неудивительно, что люди в социалистических партиях, которые не могут достаточно быстро поспевать за событиями, встречают её с полным недоразумением. Если бы люди просто позволили себе проверить свои собственные мысли, - немного проверить то, о чём они говорят, что они этого хотят, - тогда они увидели бы, насколько сильно они живут под влиянием идей, которые сформировались до 1914 года. Это старая привычка.

Не правда ли, эти идеи, которые были до 1914-го года, настолько внедрились в среде людей, что они теперь не могут выйти снова. И каков результат этого? Результат следующий: Не смотря на необходимость сегодня новых действий, несмотря на то, что в Восточной и Центральной Европе произошла революция, не смотря на необходимость строительства, - не согласно старым идеям, а согласно новым идеям, - несмотря ни на что, люди проповедуют старые идеи. А что сегодня с партиями, в том числе и социалистическими? Социалистические партии продолжает по-старому проповедовать то или иное социалистическое евангелие, как они проповедовали и до июля 1914 года, поскольку по сравнению с прежними программами этих партий в их программах нет никаких изменений, - в лучшем случае разница в том, что приходит извне. Для тех, кто эти вещи знает, для тех в отдельных партийных группировках говорится ужасно мало нового, практически ничего. Из старых залежей мыслей черпают и сегодня. Правда, есть небольшая разница: если взять медный чан и постучать в него, то он звенит; если же постучать по деревянной бочке, звучит по-другому; но сам стук может быть таким же. Всё зависит от того, по чему стучать. Так же обстоит дело и сегодня, когда люди берут свои партийные программы. То, что содержится в этих старых партийных программах, это, собственно, те самые старые залежи; и, поскольку сейчас другие социальные условия, сегодня это звучит несколько по-другому, так же, как по-разному звучат медный чан и деревянная бочка. Когда говорят независимые социалисты или

социалисты-большевики или коммунисты, - все они говорят старые партийные фразы, но они звучат по-другому, потому что теперь у них не медный чан, а деревянная бочка. В действительности люди во многом совершенно ничему не научились. Но важно, как раз, чему-то научиться, важно, что эта ужасная мировая война, как её называют, которая, собственно, является мировой революцией, кому-то что-то скажет.

И тут уже действительно можно сказать: широчайшие массы готовы к тому, чтобы услышать нечто новое. Но с широкими массами дело обстоит так: Тут слышат то, что говорит вождь. В широких, не испорченных образованием массах есть хорошее понимание, и на это понимание, собственно, всегда можно было бы рассчитывать, если им приносится нечто соответствующее времени, - нечто, что в лучшем смысле этого слова может быть названо соответствующим времени. Отчасти это объясняется тем, что эти массы не испорчены образованием. Но как только люди получают, своего рода, обучение, которое можно было получить в продолжении последних трёх-четырёх столетий, это качество неиспорченности исчезает. Если посмотреть на то, каково сегодня буржуазное школьное образование, от начальной школы (Volksschule) до университета, - и будет ещё хуже, когда сейчас будет основана социалистическая единая школа, где будет взято всё плохое, что есть в буржуазной начальной школе, - тогда увидишь: то, что даётся в школах, уродует головы, делает их чуждыми жизни. Из этого болота надо выбраться, надо действительно поставить себя на ноги в духовной жизни, если хочешь выбраться из болота такого образования. Но, смотрите, ведь именно на таком образовании и выросли большие и малые пролетарские вожди. Они должны были усвоить это образование; это образование сидит в наших школах и популярных текстах, оно — повсюду. И тогда человек начинает получать такой засохший мозг и становится больше недоступным для фактов, а останавливается на партийных программах и мнениях, которые вкрапляются в его голову. Тогда, пусть будет хоть мировая революция, всё равно нависываются старые программы.

Видите ли, то, что во многих направлениях хотелось достичь этой книгой «Основные положения социального вопроса» и лекциями, по существу испытало ту же судьбу. Там действительно учитывалось то, что сегодня совершенно необходимо пролетариату, что необходимо, исходя из текущего положения. И это вначале понималось [в пролетариате], но потом этого не понимали руководители пролетариата в различных партийных группах. То есть, я, ведь, не хочу быть слишком несправедливым и не хочу утаивать правду; я не хочу утверждать, что, например, эти руководители не понимают эту книгу, поскольку я не могу быть уверенным, что они её читали, что они её знают. Я бы сказал что-то неправильное, если бы говорил: они не могут понять эту книгу. Но они вообще не могут решиться понять, [для этого] необходимо нечто другое, нежели то, что они думали десятилетиями. Для этого их мозг стал слишком сухим, слишком неподвижным. И потому они продолжают стоять на том, что они думали уже долгое время, и считать, что то, что является противоположностью всех утопий, тоже утопия. Поскольку книга «Основные пункты» полностью считается с тем, что сегодня больше нельзя продвигаться в смысле Сен-Симона, Фурье, Прудона и так далее, а также с тем, что больше нельзя оставаться на позиции: Всё будет развиваться и само собой. Поскольку то, что видели Маркс и Энгельс, что развилось [к их времени], то, на основании чего они принимали свои решения, - на основании этого сегодня принимать решения больше нельзя, поскольку это было сметено мировой войной, и в своём истинном виде больше не существует. Тот, кто говорит то же, что Маркс и Энгельс, тот говорит нечто такое, что Маркс никогда бы не сказал. Ему внушали страх и тревогу, как раз, его последователи, ведь, он говорил: Что касается меня, то я не марксист. - И сегодня он бы сказал: В то время факты были другими; тогда я делал свои выводы на основании тех фактов, которые ещё не были модифицированы и изменены так, как затем всё изменила мировая война.

Но, ведь, те люди, которые сегодня ничему не могут научиться из событий, они сегодня настроены так же, как старые католики были настроены по отношению к своим епископам и папам, они совершенно не могут представить себе, что что-то вроде марксизма тоже должно развиваться с изменением фактов. Они ещё видят перед собой старые факты, и поэтому эти

люди до сих пор насвистывают то же, что они насвистывали перед мировой войной. Это делают и социалисты, и буржуа. Широкие круги делают это так. Буржуа делают это, конечно, совсем сонно, с полностью уснувшей душой; другие делают это так, что, хотя и стоят внутри и видят крах, но не хотят считаться с открывающимися, благодаря этому, фактами. Сегодня нам необходимо то, чтобы среди людей появилось что-то новое. И потому необходимо понять нечто вроде трёхчленности, которая является не утопией, а считается с фактами. Если с той стороны то, что считается с фактами, назвать «Quertreiberei¹³», то, собственно, можно было бы быть вполне довольным. Поскольку, если то, что движет вперёд, люди называют прямой линией, то для того, чтобы сделать что-то разумное, надо сделать что-то «поперёк» (quer), чтобы неразумное привести в другое, разумное направление. Но, смотрите, тем, кто всё ещё видит разумное, надо углубиться в то, что здесь изложено. И этому, как раз, могут помочь эти вечера.

Не правда ли, то, что извлечено из фактов, уже давно пытаются применить на практике. И мы, таким образом, встречались неделями, - мне нет нужды повторять все эти вещи, вы, ведь, сможете задать вопросы или обсудить плюсы и минусы в конце этой лекции, - мы встречались неделями, чтобы поставить на ноги то, что мы называем институтом производственных советов. Мы попытались создать этот институт производственных советов на основе необходимых сегодня фактов, создать их действительно так, чтобы они исходили из чисто экономической жизни, чтобы они приходили не из политической жизни, которая не может дать основу экономической жизни. Поскольку, если смотреть сегодня в глаза фактов, то надо твёрдо стоять на почве трёхчленного социального организма. И кто сегодня не хочет этой трёхчленности, тот действует против исторической необходимости человеческого развития. Сегодня должно быть так, как я уже часто описывал: чтобы духовная жизнь была поставлена на саму себя, чтобы экономическая жизнь была поставлена на саму себя, чтобы правовая или политическая жизнь управлялась демократически. И в экономической жизни первое начало действительно социального устройства должно быть достигнуто производственными советами. Но посредством чего это может быть достигнуто? Только посредством того, что вначале будет поставлен вопрос: Ну, хорошо, у нас есть импульс трёхчленного социального организма, который является новым по сравнению со всеми прошлыми партийными мумиями; есть ли ещё что-то новое? Глупцы полагают сегодня, что эти идеи просто появляются из воздуха. Если послушать дискуссии, то они приносят кучу негативного, но они не приносят ничего, что можно было бы сравнить с трёхчленностью социального организма. Это всё галиматья, когда с социалистической стороны приходят утверждения, что идеи просто висят в воздухе, - как было сказано в одном новом журнале при обсуждении трёхчленности.

Прежде всего, речь идёт о том, чтобы поставить и прояснить вопрос: Неужели нет ничего другого? Тогда вначале придерживаются трёхчленности социального организма до тех пор, пока не удастся её объективно опровергнуть, пока не удастся поставить рядом с ней нечто объективно равноценное. О старых партийных программах больше нельзя дискутировать, о них высказалась мировая война; кто обладает действительным пониманием, тот знает, что эти старые мумии опровергнуты катастрофой мировой войны. Но затем, когда отвечаешь на этот вопрос постановкой рядом чего-то объективно равноценного и хочешь идти дальше, тогда можно себе честно сказать: Итак, мы работаем в смысле трёхчленности социального организма. Скажем себе честно: Все старые партийные связи утратили своё значение; необходимо работать в смысле трёхчленности.

Когда я говорил это вчера в Маннхайме, выступил один господин, который сказал: То, что тут сказал господин Штейнер, хорошо, но это не то, чего мы хотим; мы не хотим наряду со всеми старыми партиями иметь ещё одну новую. Люди, которые хотят чего-то подобного, должны вступать в старые партии и работать в них. - Я мог на это только сказать: Я

¹³ Quertreiberei: «quer» - поперёк, «Treiberei» - что-то делать. То есть, «делание что-то поперёк» принятому (прим. пер.)

совершенно точно прослеживал политическую жизнь ещё тогда, когда этот господин, который тут говорил, ещё не родился. И, хотя я в своей жизни познакомился со всем, что так или иначе функционирует как социальная сила, я никогда не работал внутри какой-либо партии и не мог состоять в ней, и мне не приходит в голову сейчас, в конце моих шестидесятих годов, каким-то образом становится партийным человеком: я не хочу иметь дело ни с какой-то другой, ни с основанной мною самим партией. То есть, также и с партией, основанной мной самим; не надо бояться, что мной будет основана новая партия. Поскольку тому, что всякая партия через некоторое время естественным путём глупеет, я научился, как раз, из-за того, что никогда не вступал ни в какую партию. И я научился жалеть людей, которые этого не видят. Поэтому никто не должен бояться того, что к старым партиям присоединится ещё и новая. Поэтому также нами основана не новая партия, а возник союз для трёхчленности социального организма, чтобы представлять идеи трёхчленного организма, чей не-утопический характер, чей характер реальности всё же просматривается некоторым числом людей. Люди, которые понимают это, однако, должны также честно и искренне признавать (bekennen) это.

Поскольку не позволительно произойти и следующему: Есть один театральная спектакль, так вот там по утрам кукарекает один петух, и всегда, когда это петух кукарекает, всходит солнце. Ну, петух, ведь, не может видеть эту связь, поэтому он думает, что солнце встаёт из-за того, что он кукарекает. - В конце концов, если кто-то, как этот петух, который кричит в навоз, чтобы заставить взойти солнце, предаётся такому заблуждению в не-социальной жизни, то ничего страшного не произойдёт. Но если бы при определённых обстоятельствах случилось так, что эта идея экономических производственных советов процветала бы на почве трёхчленного организма, и те люди, которые её культивировали бы, захотели бы отрицать её происхождение, а именно отрицать то, что эту идею привёл в действие импульс трёхчленности, и если эти люди думают, что производственные советы появились оттого, что кто-то прокукарекал, то это была бы та же ошибка, причём фатальная ошибка. Но этого не должно произойти. То, что происходит в этом направлении [производственных советов], чему здесь положено начало, не должно быть изолировано, оно должно оставаться в связи с правильно понятым импульсом троичного становления общественного организма. И те, кто в смысле этого импульса хочет реализовать институт производственных советов, никогда не смогут согласиться с тем, что односторонне будет создаваться только этот институт, и будут только кукарекать «производственные советы, производственные советы». Этого недостаточно. Это имеет смысл лишь в том случае, если одновременно стремиться ко всему тому, к чему необходимо стремиться посредством импульса трёхчленности социального организма. Вот что важно. Поскольку, если вы действительно хотите понять то, что стоит в «Основных пунктах», вы должны принять точку зрения, которую можно извлечь из фактов, предложенных за последние четыре-пять лет. Тот, кто понимает эти факты, на того они действуют так, будто он прожил столетия, а партийные программы действуют на него так, будто их носители проспали столетия. Сегодня это надо принять ясно и безоговорочно.

То, что я вам сейчас рассказал, могло бы, конечно, быть также записано как предисловие к этой книге. Только, ведь, лишь в последние несколько месяцев стало видно, насколько закостенелыми и бесплодными являются нынешние партийные программы. Но было бы полезно, если бы, как раз, стояло в предисловии к этой книге. Сегодня я рассказал вам многое, чего там не стоит, поскольку, как мне кажется, вы решили собраться здесь, чтобы, ссылаясь на эту книгу, как следует изучить серьезные социальные вопросы современности. Но прежде чем начать это делать, необходимо себе уяснить, что нельзя просто брести вперед без цели в старом стиле партийных программ и партийных шаблонов, а сегодня необходимо решиться относиться к фактам в соответствии с реальностью, и провести черту под всем тем, что не считается с этими новыми фактами. Только тогда вы правильным образом поймете то, чего нужно добиться, как раз, этим импульсом трёхчленного социального организма. А вы поймете это правильно, когда обнаружите, что

каждое предложение в этой книге написано там для того, чтобы иметь возможность стать действием, превратиться в непосредственную реальность. И большинству из тех, кто говорит, что они этого не понимают, или что это утопии и тому подобное, просто не хватает мужества, куража, чтобы думать сегодня так сильно, чтобы мысли могли вмешиваться в реальность. Те, кто кукарекает о «диктатуре пролетариата», «завоевании власти», «социализме», в основном думают при этом очень мало. Поэтому с этими словесными шаблонами невозможно вмешиваться в реальность. Но затем приходят эти и говорят, что то, что предлагается [в «Основных пунктах»], это нечто такое, что является всего лишь утопией. Утопией это становится только в головах людей, которые ничего из этого не понимают.

Поэтому следовало бы разъяснить этим людям то, что в несколько изменённой форме по поводу чего-то другого однажды сказал Гёте, высмеивая физиолога Халлера (Haller), который был закостенелым натуралистом. Халлер написал:

*Во внутрь природы
Не проникнет сотворённый дух
Блажен уж тот, кому она
Покажет хоть шелуху! (внешность)*

*Ins Innere der Natur
Dringt kein erschaffner Geist.
Glücklich, wem sie nur
Die äußere Schale weist!*

Этим возмутился Гёте, который написал в ответ:

*«Во внутрь природы» -
О, ты, филистер! -
«Не проникнет сотворённый дух».*

*«Ins Innere der Natur» -
O, du Philister! -
«Dringt kein erschaffner Geist.»*

*«Блажен уж тот, кому она
Покажет хоть внешность! (шелуху)»
Я слышу это уже шестьдесят лет,
Я поругиваю это, но не открыто.*

*«Glücklich, wem sie nur
Die äußere Schale weist!»
Das hör ich sechzig Jahre wiederholen,
Ich fluche drauf, aber verstohlen.*

*У природы нет ни внутреннего (зерна),
Ни внешнего (шелухи),
Она - всё сразу.
Проверь лучше себя,
Ты сам зерно иль шелуха!*

*Natur hat weder Kern
Noch Schale,
Alles ist sie mit einem Male.
Dich prüfe du nur allermeist,
Ob du Kern oder Schale seist!*

Тем, кто говорит о трёхчленности социального организма как об утопии, хотелось бы сказать то же самое: вначале проверьте себя, является ли само то, что выплывает ваш мозг, утопией или действительностью. - Тут обнаружится, что у всех кукарекальщиков внутри в основном утопии, и потому действительность в их собственных головах также становится утопией или идеологией, или как они это ещё назовут. Вот почему сегодня трудно проникнуть в действительность, - поскольку люди так заблокировали доступ к этой действительности.

Но мы должны сказать себе, что мы должны серьезно работать, иначе мы не сможем претворить нашу волю в жизнь; и важно, как раз, то, чтобы мы претворяли нашу волю в жизнь. И если бы нам пришлось распрощаться со всем, потому что мы признаем это ошибкой, то для того, чтобы иметь возможность перейти от желания к действию, нам всё же пришлось бы обратиться к истине, которую мы хотим понимать как истину, поскольку вести нас от воли к действию может ни что иное, как безжалостное, полного куража стремление к истине. Это, собственно, должно быть написано как девиз, как мотто, для этих вечеров. Сегодня вечером я хотел сделать вступление к этим учебным вечерам. Я надеюсь, что это вступление не помешает вам относиться к ним таким образом, чтобы, наконец,

действительно, пока не стало слишком поздно, мысли, несущие семена действия, смогли плодотворно войти в мир.

Даётся возможность для высказываний.

Рудольф Штейнер: Книга «Основные пункты социального вопроса» написана особым образом в двойном направлении. Во-первых, она написана так, что она фактически полностью исходит из действительности. Об этом люди, читающие эту книгу, не думают. И я могу понять это. Я уже как-то говорил здесь, в этом кругу, - но тогда присутствовали не все из тех, кто присутствует сегодня, - о том, как мыслят сегодня люди действительно. А именно, я ссылаясь на пример профессора экономики Луйо Brentано, который так прекрасно представил это в предыдущем выпуске «Желтого листка» («Gelben Blattes»); я хочу это кратко повторить, поскольку хочу нечто прибавить к этому. Там этот светоч учения сегодняшней университетской народной экономики, - он, ведь, является первым, - развил понятие предпринимателя и попытался, исходя из своего просвещённого мышления, охарактеризовать черты этого предпринимателя. Мне нет нужды перечислять первую и вторую особенности; в качестве третьей он даёт то, что предприниматель является тем, кто за свой счёт и на свой риск ставит свои средства производства на службу общественному порядку. То есть, он сформировал понятие предпринимателя, и теперь применяет его. И тут он приходит к странному результату, который заключается в том, что пролетарский рабочий является, собственно, предпринимателем, поскольку он соответствует этому его понятию предпринимателя согласно первому, второму и третьему признаку. Поскольку рабочий в качестве средства производства имеет свою рабочую силу; он обладает ею, и относительно неё он обращён к социальному процессу за свой счёт и на свой риск. - Таким образом этот светоч народной экономики прекрасно согласует понятие пролетарского работополучателя с понятием предпринимателя. Видите, так думают, как раз, люди, которые сочиняют понятия, не имеющие никакого смысла; они не имеют смысла, если требуются понятия, которые должны быть действительно применимы к реальности. Но как бы мало они ни были применимы, можно с уверенностью сказать: более девяноста процентов всего, чему учат или печатают сегодня, оперирует такими понятиями; если кто-то хочет применить их к действительности, то это удастся ему так же мало, как и с понятием предпринимателя Луйо Brentано. Так обстоит дело в науке, так обстоит дело в социальной науке, так обстоит дело повсюду, поэтому люди вообще разучились понимать то, что работает с понятиями, соответствующими действительности.

Возьмите основы трёхчленного социального организма. Не правда ли, их можно расположить самым различным образом, поскольку жизни нужны многие основы. Но одно из них то, что известно: в последнее время возникло то, что можно было бы назвать импульсом демократии. Демократия должна состоять в том, что каждое достигшее совершеннолетия лицо, может устанавливать свои правовые условия в демократических парламентах - прямо или косвенно по отношению к любому другому достигшему совершеннолетия лицу. Но, как раз, если честно и чистосердечно желать провести эту демократию в мир, то духовными делами нельзя управлять в духе этой демократии, поскольку тогда каждому ставшему совершеннолетним человеку пришлось бы решать то, чего он не понимает. Духовные вопросы должны регулироваться, исходя из понимания предмета, то есть, должны опираться на самих себя; таким образом, они вообще не могут управляться каким-то демократическим парламентом, а должны иметь собственное управление, которое может быть не демократическим, а должно исходить из самого предмета. Точно так же обстоит дело в экономической жизни; тут вещи должны управляться, исходя из экономического опыта, исходя нахождения внутри этой экономической жизни. Поэтому экономическая жизнь, с одной стороны, и интеллектуальная жизнь, с другой, должны быть исключены из демократического парламента. Из этого возникает трёхчленный социальный организм.

В Тюбингене есть профессор Хек (Hesk), так он, - я уже говорил об этом, - сказал, что вовсе не нужно позволять себе говорить, что обычные отношения с заработной платой, когда платят за труд, является чем-то унижительным для пролетария, поскольку Карузо (Caruso), ведь, тоже стоит в таких отношениях. Нет никакой принципиальной разницы: Карузо поёт и получает за это свою зарплату, и обычный пролетарий работает и тоже получает свою зарплату; и он сам как профессор тоже получает свою зарплату за свои лекции. По его словам, разница между Карузо и пролетарием состоит только в том, что Карузо за вечер получает от тридцати до сорока тысячи марок, а пролетарий несколько меньше. Но это, ведь, не принципиальная разница; разница состоит только в сумме зарплаты. И поэтому, как думает этот умный профессор, в зарплате вовсе не надо видеть нечто недостойное человека; он тоже не видит это так. - Это я привёл просто так, между прочим. Но теперь этот умный профессор написал также статью против трёхчленности. Там он исходит из следующего: Если мы разделяем на три, то приходим к трём парламентам. - И затем он показывает, что с тремя парламентами ничего не получится, поскольку он говорит: В экономическом парламенте мелкий ремесленник не поймёт точки зрения крупного заводчика и так далее. - Таким образом этот профессор составил себе представление о трёхчленности, и выступает теперь против этого представления, - которое я нахожу гораздо более глупыми, нежели это считает профессор Хек; я тоже раскритиковал бы его в пух и прах, - но он сам же его и составил. Ведь, речь идёт не о создании рядом друг с другом трёх парламентов, а об изъятии того, что не принадлежит никакому парламенту. Он просто делает три парламента и говорит: ничего не выйдет. - Так живут в чуждых действительности понятиях и, согласно им, судят о других.

И именно в национальной экономике, в учении о народном хозяйстве используется почти только то, что является такими недействительными понятиями. Но, смотрите, я не могу сейчас, когда совсем нет времени, написать целую библиотеку со всеми понятиями народной экономики. Поэтому в «Основных пунктах» вы обнаружите, конечно, массу понятий, которые должны пониматься в соответствии с предметом (sachgemäß). Мне, например, нужно обратить внимание лишь на следующее:

Не правда ли, во времена, которые уже позади, социальные условия возникли, по сути, единственно и только посредством завоеваний. Некая территория была занята каким-то народом или расой; какой-то народ вторгнулся и завоёвывал эту область. Те расы или народы, которые жили там раньше, были принуждены к работе. Завоевавший народ брал эту территорию в собственность, и, благодаря этому, возникали определённые отношения между завоевателями и теми, кого завоевали. Завоеватели, благодаря тому, что они были завоевателями, имели в своей собственности землю. Благодаря этому, они были экономически сильными, завоёванные были экономически слабыми, и отсюда образовывалось то, что становилось правовыми отношениями. Поэтому почти во всех предыдущих эпохах исторического становления, посредством завоеваний основывались правовые отношения, то есть, права привилегий и ущемление прав. Затем наступили времена, когда уже нельзя было свободно завоевывать. Вы можете изучать разницу свободного и связанного завоевания, если посмотрите, например, на раннее Средневековье. Вы можете изучить, как некоторые народы, готы, проникли на юг, но в полностью занятые области; там они должны были сделать нечто иное в отношении социального порядка, нежели франки, которые пошли на запад и нашли там области, занятые не полностью. Благодаря этому, возникли другие права завоевателей. В новейшее время действовали не только права, возникших в результате завоеваний, зависящие от земли, но и права тех людей, которые имели привилегии, исходя из собственности, и которые теперь посредством экономической власти могли присваивать средства производства. Тогда к тому, чем является право на землю в сегодняшнем смысле, прибавилось владение средствами производства, то есть, личная собственность капиталов. Это дало правовые отношения, исходя из экономических отношений. Вы видите, что эти правовые отношения возникли только из экономических отношений.

Теперь приходят люди и хотят иметь понятия об экономической силе, об экономическом значении земли, о средствах производства, о капиталах и так далее. Хорошо, но у них нет действительно глубокого взгляда на ход вещей. И они берут поверхностные факты и не видят, что, собственно, стоит за правами на землю, за властными условиями в отношении средств производства. Конечно, все эти вещи учтены в моей книге. Там мыслилось верно; там, когда говорится о правах, говорится из сознания того, как это право возникало на протяжении столетий; там, когда говорится о капитале, говорится из сознания того, как этот капитал был создан. Там тщательно избегается использование понятий, которые возникли не полностью, исходя из такого становления; поэтому эти понятия надо понимать иначе, нежели они понимаются в сегодняшних обычных учебниках.

Но надо учитывать также ещё нечто другое. Возьмём один определённый факт, не так ли, то, как однажды возник протестантизм. В исторических книгах, ведь, часто рассказывается так, что Тецель (Tetzel) бродил по Центральной Европе, что народ возмущался по поводу продажи им индульгенций и тому подобное. Но было не только это, это лишь поверхностное видение. Главное, что за этим стояло, был тот факт, что в Генуе был банк, от имени которого, - а не от имени папы, - этот продавец индульгенций бродил по Германии, поскольку этот банк давал Папе кредит на другие его нужды. Вся история была капиталистическим предприятием. На этом примере продажи индульгенций как капиталистического предприятия, где торговали даже духовным, вы можете изучать, - или лучше сказать, если это изучать, то постепенно приходишь к тому, - что в конечном итоге вся сила капитала сводится к превосходству духовного. Изучая, как, собственно, капитал пришёл к своей власти, вы повсюду обнаружите превосходство духовного. Это действительно так. Не правда ли, что у того, кто умен, кто находчив, больше власти, чем у того, кто не умен и не находчив. И таким образом оправданно - или также неоправданно - возникает многое из того, что представляет собой накопление капитала. Это надо учитывать, если иметь в виду понятие капитала. При таком реальном изучении обнаруживается, что капитал основывается на развёртывании духовной силы, и что к правам на землю, к правам завоевателя, с другой стороны добавилась власть старого теократического духа. Из старой церкви вышло многое из того, что затем перешло собственно в современный капитализм. Существует некая тайная связь между современной капиталистической властью и властью старой церкви. И всё это смешалось в одну кучу в современном властном государстве. Внутри него вы обнаружите остатки старой теократии, остатки старых завоевателей. И, наконец, пришли современные завоевания, а самым современным завоеванием должно теперь стать завоевание государства посредством социализма. Но в действительности это делать непозволительно. Должно возникнуть нечто новое, что полностью избавит от этих старых понятий и импульсов. Поэтому будет важно, чтобы при нашем обучении мы также имели дело с понятиями, которые лежат в основе этого. Сегодня каждому, кто хочет говорить о социальных делах, мы должны разъяснить, что такое право, что такое власть, и что такое в действительности [экономическое] благо (Gut), благо в форме товара, и тому подобное. В этой области делаются самые большие ошибки. В качестве примера, я хочу обратить ваше внимание на одно; если вы не обратите на это внимание, то многое в моей книге вы поймёте неверно.

Сегодня повсеместно господствует мнение, что товар есть накопленная работа, что также капитал есть накопленная работа. - Вы можете сказать, что это безобидно, иметь такие понятия. Это не безобидно, поскольку отравляют всё социальное мышление. Видите ли, как, собственно, обстоит дело с работой, - работой как затратой рабочей силы? Да, дело в том, что есть большая разница, использую ли я свою физическую мышечную силу, например, занимаясь спортом, или когда рублю дрова. Занимаясь спортом, я использую свою физическую мышечную силу; я могу уставать точно так же и должен восстановить мою мышечную силу точно так же, как и тот, кто рубит дрова. То же самое количество работы я могу затратить на спорт и на рубку дров. Разница здесь не в том, что мне надо восстановить эту рабочую силу, - конечно, она должна быть восстановлена, - а разница в том, что одна рабочая сила используется только для меня самого, в эгоистическом смысле, а другая, в

социальном смысле, для общества. Эти вещи различаются посредством социальной функции. Если я теперь говорю, что-то является накопленной работой, то я не учитываю, что работа, собственно, перестает быть внутри какой-то вещи в тот момент, когда работа больше не выполняется. Я не могу сказать: Капитал есть накопленная работа, - а я должен сказать: Работа является работой до тех пор, пока она выполняется. Но при нашем современном социальном порядке капитал сохраняет за собой власть призывать рабочую силу в любое время. Гибельное лежит не в том, что имеет в виду Маркс, что капитал есть накопленная работа, а в том устройстве, что капитал даёт власть снова и снова ставить себе на службу новую работу, - не накопленную работу, а новую работу. Многое зависит и многое будет зависеть от того, чтобы прийти к ясным, основанным на действительности понятиям об этих вещах. И из таких понятий, полностью погружённых в действительность, исходит эта моя книга. Она не рассчитывает на такие понятия, которые были весьма полезны для воспитания пролетариата. Но сегодня, когда надо что-то строить, эти понятия уже не имеют никакого смысла.

Видите ли, когда я говорю: Капитал есть накопленная работа, - то это хорошо для воспитания пролетариата; он получает чувства, которые он должен получать. Тут не важно, что это понятие в основе своей неверно, - воспитывать можно и неверными понятиями. Но нечто строить можно только с верными понятиями. Поэтому сегодня нам во всех областях народного хозяйства нужны правильные понятия, - дальше мы не можем работать с неверными понятиями. То, что можно воспитывать также неправильными понятиями, исходя из общеобразовательных принципов, - это я говорю не из фривольности. Смотрите, когда вы рассказываете детям сказку, не хотите же вы строить из тех вещей, которые вы там развиваете; в образовании вступает в рассмотрение нечто иное, чем при построении в физической действительности. Там необходимо работать с действительными понятиями. Такое понятие, как «капитал есть накопленная (aufgespeicherte) работа», не является понятием. Капитал - это власть, и он даёт власть в любое время ставить себе на службу вновь возникающую работу. Это действительное понятие с логикой фактов. В этих областях необходимо работать с истинными понятиями. Попытка этого была сделана в «Основных пунктах». Поэтому я считаю, что необходимо разработать многое из того, чего нет в определении понятий, в характеристике понятий. И тот, кто может внести свой вклад в разработку того, в чём мы нуждаемся для понимания образа мышления, лежащего в основе этой книги, сделает нечто очень хорошее для этих учебных вечеров. То есть, это важно, мои многоуважаемые присутствующие, это очень важно.

Да, не правда ли, нужно было бы написать целый лексикон, чтобы прояснить все понятия, - но что такое «капитал» можно решить сейчас за один-единственный вечер. Без понимания сегодня того: Что такое капитал? Что такое товар? Что такое работа? Что такое право? - без этих понятий двигаться дальше нельзя. Понимание этих понятий совершенно запутано в самых широких кругах; и прежде всего они должны быть исправлены. Сегодня просто впадаешь в отчаяние, когда говоришь с людьми об общественном устройстве; они не могут тебя понять, поскольку их не учили управлять реальностью. Это, как раз, то, что должно быть сделано.

ВТОРОЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР
Штуттгарт, 3 марта 1920 года

Как продолжить работу по трёхчленности?

Рудольф Штейнер: Мои многоуважаемые присутствующие! То, что я должен буду сказать в этих вступительных словах, будет, разумеется, немного выпадать из обычного хода этих вечеров, по той простой причине, что я, как бы, выпал из этого процесса, и потому не могу продолжать непосредственно с того места, на котором мы остановились в последний раз. Так что сегодня главный акцент, возможно, будет перенесён на саму дискуссию, в которой я прошу вас принять самое активное участие.

Когда здесь, в Штуттгарте десять месяцев назад мы начали популяризацию той идеи, которая лежит в основании социальной трёхчленности, тогда это предприятие мыслилось целиком в смысле тогдашних событий. Тогда, как принадлежащие к центрально-европейской государственной, духовной и экономической области, - непосредственно после страшного удара, который нанесли Центральной Европе страшные события последних четырех-пяти лет, - мы стояли перед всеми теми вопросами, которые должны были быть поставлены со следующей точки зрения: Как нам вести себя как жителям Центральной Европы, которые, - ну, скажем сухо, - оказались тогда «побежденными»? И тогда за основу надо было взять то представление, что - ввиду страшных переживаний не столько военных событий, сколько событий конца войны, которые, конечно, в других отношениях, являются не менее страшными, чем сами военные события, - нужно было пробудить понимание достаточно большого количества людей к тем идеям нового социального устройства, которые, как раз, из круга побеждённых, могли бы привести к восстановлению деятельности Европы.

Когда мы, мои дорогие друзья, имеем дело с пропагандированием какой-то идеи, мы часто слышим, что это очень важные, далеко идущие (*weittragende*) идеи. Говорят, что можно, надеяться на то, что такие далеко идущие идеи осуществляются когда-нибудь в далёком будущем, - и, соразмерно имеющемуся оптимизму, даются более ранние или более долгие сроки, - надо работать в этом направлении, чтобы приблизиться к таким идеалам, и так далее. Но ситуация в начале нашей работы, собственно, не заставляла нас думать в этом направлении. Тогда имелось в виду, что непосредственная необходимость состоит в том, чтобы в возможно большем количестве умов вызвать понимание импульса трёхчленности социального организма: самостоятельной духовной жизни, к самостоятельной государственной или правовой жизни, и самостоятельной экономической жизни. Можно было бы надеяться, что горькие события приведут людей к этому пониманию. Но выяснилось, что когда это было бы необходимо, это понимание достаточно большим количеством людей, фактически, достигнуто не было, - по причинам, которых мы сегодня касаться не будем. И сегодня по праву с некоторых сторон слышится вопрос: Можно ли, собственно, эту идею трёхчленности продвигать дальше таким же образом, как и тогда? Не слишком ли далеко мы продвинулись сегодня в демонтаже нашей экономической жизни?

Однако, тот, кто понимает современную экономическую жизнь, не может просто так - я намеренно говорю: «просто так», - отбрасывать этот вопрос в сторону. Поскольку, если мы выдвинем гипотезу о том, что тогда, когда мы в апреле прошлого года начали нашу работу, благодаря достаточно большому числу людей, - которые наверняка могли бы привлечь изменение обстоятельств, - мы действительно могли бы иметь необходимый успех: тогда наша экономическая жизнь, конечно, стояла бы сегодня на совершенно другом основании. Кому-то то, что я сейчас говорю, может показаться слишком претенциозным, но это правда. И различные статьи, появившиеся в нашей газете по трёхчленности, могут служить доказательством этого.

Если мы, - те, кто работает над продвижением идей трёхчленности в узком кругу, - всё же считаем, что работа должна быть продолжена, то, с другой стороны, мы также полностью убеждены в том, что начатый путь, - убеждение достаточно большого числа душ в необходимости трёхчленности, - не может сегодня привести к успеху достаточно быстро. Поэтому мы должны думать сегодня о непосредственно практических мероприятиях, форма

которых должна предстать перед нашими ближайшими современниками в ближайшем будущем. Мы должны думать о достижении нашей цели посредством определенных институтов, которые могут заменить то, что было бы достигнуто путём взаимодействия достаточно большого числа убежденных людей. Мы должны, по крайней мере, попытаться, посредством экономических институтов, создать первые образцовые институты, на примере которых можно будет видеть, что наши идеи в таких экономических институтах могут быть реализованы на практике. Последние могут тогда найти подражание в том смысле, что тогда люди будут верить не словам, казавшимся нам убедительными, а фактам. С другой стороны, эти образцовые институты действительно смогут иметь такие экономические последствия, что многое из того, что уже имеет место в смысле экономической гелотизации (*Helotisierung*)¹⁴, может быть снова исправлено. Фактически, ведь, большое количество людей в этой Центральной Европе дошло до того, что им совершенно всё равно, откуда они получают прибыль. При определенных обстоятельствах они позволяют себе принимать от победителей директивы, а также фактические материальные документы, если это только позволяет им иметь соответствующую прибыль. То, как люди в некоторых кругах думают сегодня о том, чтобы экономически подняться в Центральной Европе, ведь, прямо-таки постыдно. Поэтому надо думать, исходя из самой идеи трёхчленности, о создании практических институтов, которые могли бы доказать, - даже в ставших уже весьма трудными условиях, - что эта идея трёхчленности действительно является не утопической, а практической.

Видите ли, когда мы начали нашу работу, со всех сторон спрашивали: Хорошо, но можете ли вы дать нам практические точки зрения для отдельных учреждений? Как нужно делать то или другое? - Тот, кто поднимал такой вопрос, обычно совершенно не учитывал, что речь могла идти не о том, чтобы и дальше, благодаря хорошим советам, сохранять тот или иной институт, только что доказавший свою бесполезность, а о том, чтобы, посредством коренных преобразований, осуществить полностью новое социальное строительство, благодаря которому, тогда поддерживались бы отдельные институты. Это не потребовало бы советов для того или другого, но потребовало бы того, чтобы эти идеи были поняты в целом, то есть, достаточно большим количеством людей, - поскольку, всё же все институты создаются людьми.

Таким образом, мы стоим сегодня перед, своего рода, изменением курса, который вызван право не тем, что мы думаем, что мы ошибались в наших идеях. Идеи такого рода всегда должны считаться с явлениями времени. И если человечество не откликается на эти явления времени, то идеи должны измениться, должны, по крайней мере, изменить курс. Этим мы указали, что наше ещё совсем не старое движение трёхчленности, действительно имеет уже обоснованную в сегодняшних отношениях времени плохо говорящую историю, - историю, которая, возможно, могла бы для кого-то быть поучительной, если бы он только захотел обратить на неё внимание.

То, что я вам только что сказал, я хотел бы проиллюстрировать одним примером: кто просматривает книгу «Основные пункты социального вопроса», как она была написана год назад, на предмет экономических объяснений, тот найдёт там определённые рассуждения об организации хозяйственной жизни, которая должна обрести определённую необходимую самостоятельность, которая в будущем не должна зависеть от государственных институтов, государственного управления, которая должна полностью стоять на своих собственных основаниях и которая должна строиться, исходя из своих собственных оснований, на принципе ассоциаций. Конечно, сегодня я могу дать лишь несколько точек зрения, возможно, в ходе обсуждения их появится больше.

Что, собственно, должно быть смыслом таких ассоциаций в хозяйственной жизни? Смыслом этих ассоциаций должно быть то, чтобы вначале объединились профессиональные

¹⁴ *Helotisierung*: от илѳты или гелоты (*др.-греч. εἰλωται*, у спартанцев тж. δουλεῖται) - в древней Спарте земледельцы, находящиеся на промежуточном положении между крепостными и рабами (прим. пер.).

круги, так или иначе связанные между собой, которые должны объективно работать вместе, которые ведут свои дела совершенно свободно и независимо, не подчиняясь никакому государственному управлению, - чтобы они собрались вместе. И затем эти ассоциации профессиональных кругов должны ассоциироваться с соответствующими потребителями, так чтобы то, что вначале выступает как взаимодействие между родственными профессиональными кругами, затем также, в свою очередь, в ассоциациях вошло во взаимодействие с кругами потребителей. На место сегодняшнего хозяйственного управления должно вступить то, что образуется посредством свободного взаимодействия хозяйственных ассоциаций.

Само собой разумеется, что к этой материи хозяйственных институтов принадлежит - в отношении хозяйствования - также всё то, что иначе работает в правовой жизни, государственной жизни, что работает в духовной жизни. Духовная жизнь как таковая самостоятельна, поставлена на собственные ноги, но те, кто действуют в духовной жизни, должны есть, пить, одеваться; поэтому они должны сами, в свою очередь, также создавать хозяйственные корпорации, которые как таковые должны быть включены в хозяйственный организм, и которые в этом хозяйственном организме должны ассоциироваться с теми корпорациями, которые, в свою очередь, могут служить именно их интересам. То же самое должно произойти с корпорациями тех людей, которые стоят в государственной жизни. Таким образом, внутри хозяйственной жизни будет всё, что есть в человеке вообще в социальном организме, - так же, как и в обоих других членах, в государственной жизни и духовной жизни, в человеке есть всё, что принадлежит социальному организму. Только внутри трёх членов социального организма люди находятся с различных точек зрения. Важно тут то, что этот социальный организм расчленён не на сословия, а на точки зрения, и что внутри каждого члена социального организма каждый человек стоит своими интересами.

Что же можно достичь посредством такой стоящей на принципе ассоциаций хозяйственной жизни? - Достичь можно того, что вред, который постепенно наносился, благодаря способу производства последних столетий, а особенно 19-го столетия, будет устранен из экономической жизни и, вместе с тем, вообще из человеческой жизни в целом. Этот вред, - я бы сказал, что человек испытывает его сегодня, прежде всего, на собственном теле, - возник потому, что в течение столетий нового времени из прежних условий производства в хозяйственной жизни образовались другие условия.

Если оглянуться назад, на время с 17-го по 18-го столетия, то обнаружится, что способ производства ещё стоял в определенной связи с человеком и самой его организацией. Обнаружится, что при определении цены, эта цена зависела не от тех факторов, от которых она полностью зависит сегодня, а, например, от способностей людей, а именно, например, от того, насколько человек способен столько-то часов в день работать над той или иной продукцией с известной самоотдачей и радостью. Таким образом, цена определялась степенью сращённости (*Zusammengewachsensein*) человека со своим производством. Сегодня это случается ещё, в лучшем случае, в некоторых отраслях духовной жизни. Когда кто-то пишет книгу, ему нельзя предписать, сколько часов в день он должен работать и определить ему зарплату за столько-то часов в день. Если бы, например, для написания книг был введён восьмичасовой рабочий день, было бы прекрасно, потому что вполне могло бы быть так, что вы работаете восемь часов и получаете за это деньги, но в продолжении четырёх часов каждый из трёх рабочих дней вам в голову совершенно ничего не приходит. Как здесь существует тесная связь между человеческими способностями, между духовной организацией человека и производимыми продуктами, точно так же такая связь существовала и для гораздо более материальных отраслей - да, чем дальше мы уходим назад в человеческом развитии, тем увереннее мы можем сказать: вообще для всех материальных отраслей. Только в новейшее время эта связь между продуктом и продуцирующим была разорвана. Вообще говоря, желание поддерживать эту оторванность продукта от производителя - это, по сути, полная бессмыслица. В отдельных отраслях производства это может проявляться явно. Возьмите, - рассматривая сейчас чисто экономически, - например,

изготовление книг. Книги должны быть написаны; написание книги не может быть подчинено законам заработной платы, таких, например, как те которые представляет для производства сегодняшняя социал-демократия. Из этого ничего бы не вышло. Но книги надо ещё и напечатать, и тот, кто занимается их набором, может уже опираться на принципы сегодняшней социал-демократии, на профсоюзный принцип. Поскольку для набора нет необходимости, чтобы что-то пришло на ум; тут нет необходимости в интимной связи между производителем и производством. Но, возвращаясь к истокам, повсюду обнаруживается, что, как раз, той работы, которой такая связь не нужна, вообще бы не было, если бы сначала не было работы, от которой зависит вся эта внешняя работа. Если бы не было архитектора, то все наёмные рабочие, которые строят дома, работать бы не могли. Если бы не было писателя, наборщик не смог бы набирать текст. Всё это мысли, которые сегодня исключаются из рассмотрения, но которые при народно-хозяйственных рассмотрениях непременно должны быть положены в их основу.

Я не мог точно описать весь жизненный опыт, который вошёл в «Основные пункты», поскольку они, ведь, рассчитаны на думающего читателя. И я могу вас уверить, что сегодня было бы очень полезным немного думать при чтении, а не говорить сразу: О, это слишком сложно, тут надо думать, можно было бы написать это более популярно. - Но эта связь между производителем и производством, ведь, все более и более ослаблялась, как раз, в результате событий, с самых разных точек зрения освещенных в статьях нашей газеты для трёхчленности. И только потому, что в последнее время, под влиянием, прежде всего, материалистического образа мышления, обращалось внимание только на способ производства, а не на состояние и способности производителя, возникло то воззрение абстрактных, социалистических агитаторов и мыслителей, что производство как таковое и есть то, что господствует над всей историей, над всей человеческой жизнью. Это воззрение возникло по той причине, что, посредством современной техники и, благодаря определённым другим социальным условиям, фактически возникло господство продукта над производящим его человеком. Так что можно сказать: В то время как раньше, примерно три столетия назад, человек ещё господствовал над многим другим, [теперь] в социальной жизни решающим стал экономический человек, - экономический человек и экономический процесс. Такие люди, как Реннер (Renner), например, который даже успел стать государственным канцлером Австрии, говорили, что теперь мы должны говорить не о «homo sapiens», засевшем в головы людей в последние столетия, а о «homo oeconomicus», как о единственной реальности. Ну, а с 19-го столетия, поскольку в действительности вещи претерпевают преобразования посредством своих собственных законов, стал задавать тон не homo oeconomicus, экономический человек, экономический процесс, а можно сказать: примерно с 1810 года, - чтобы держаться какой-то даты, - правящим стал банкир. И гораздо больше, чем считается, в этом 19-ом столетии в экономической жизни цивилизованного мира господствующим стал банкир, денежный меняла, - тот, кто, собственно, просто управляет деньгами. Все события, случившиеся, начиная с того времени, стоят более или менее под влиянием этого исторического перелома: что в народно-хозяйственном отношении из экономического человека и экономического процесса постепенно возник банкир, меняла денег, прежде всего, дающий деньги займы, а из публичного социального процесса - управление финансами, управление деньгами.

Ну, деньги, однако, обладают вполне определёнными свойствами. Деньги являются неким репрезентантом для многих различных вещей, но сами по себе они остаются тем же самым. Я могу получить определённую сумму денег, продав музыкальное произведение - духовную продукцию. Или я могу получить определённую сумму денег, продав сапоги. Сумма денег может быть одной и той же, но то, что я продаю, может быть совершенно разным. Благодаря этому, деньги принимают по отношению к действительному жизненному процессу некий абстрактный характер. Таким образом, под влиянием мировой банковской экономики должно было возникнуть уничтожение конкретного взаимодействия в

человеческом социальном обращении (Verkehr), уничтожение конкретного взаимодействия [между продуктом и производителем, и возникло] обращение только репрезентанта, денег.

Это, однако, имеет совершенно определённые последствия. Это имеет те последствия, что три самые существенные составные части нашего хозяйственного процесса - земля, средства производства и предметы потребления, - которые, согласно их природе, стоят в народно-хозяйственном процессе совершенно различным образом, не просто мысленно, а реально, оказались под одной и той же властью, и с ними стали обращаться одним и тем же образом. Поскольку тому, для кого важно только получение определённой суммы денег или управление ими, может быть совершенно всё равно, является ли эта сумма денег репрезентантом земли или средств производства, то есть, машин и тому подобного, которые служат для другого производства, но созданы людьми, или они репрезентируют продукты потребления, непосредственные продукты пользования. Для него важно только то, что он получает за что-то определённую сумму денег, и, соответственно, проценты, всё равно посредством чего. Всё больше и больше распространялась точка зрения, что нужно уничтожить интерес к отдельным продуктам и отраслям производства, и заменить эти интересы абстрактным интересом к капиталу, который уничтожает все эти различия, то есть, к денежному капиталу. Результатом этого, однако, являются совершенно определённые вещи.

Возьмём землю. Земля - это, ведь, не просто нечто произвольное, а она находится в определенном месте и находится в отношениях с людьми этого места, и люди этого места, как раз, к этой земле, имеют интересы, которые можно охарактеризовать как моральные интересы, как интересы душевного характера. Например, важным пунктом для общекультурных и человеческих интересов может быть то, что на этой земле выращивается определенный продукт. Я хочу обрисовать эти отношения несколько радикально, ведь, в обычной жизни они не так радикальны, но, благодаря этому, можно представить главное, что тут важно. Тот, кто посредством всех своих жизненных обстоятельств сросся с землей, увидит, как, скажем, производство того или иного на земле связано со всеми жизненными условиями целиком. Он приобрёл свой опыт земли. Например, хорошо ли будет вырубить участок или нет; для этого могут иметь значение вопросы, о которых можно судить, только сросшись с местными условиями местности. Такие вещи можно обрести только через опыт.

Теперь вполне можно видеть, что для отношений между людьми в общем полезно, когда какой-либо участок земли используется совершенно определенным образом, но при таком использовании приносит только определенный доход. Эти точки зрения тотчас же отпадают, когда место связанного с землей человека занимает принцип денежного капитализма. Тут речь идёт о том, что землю можно передавать, как товар, из одних рук в другие. И тот, кто, приобретает землю просто за деньги, заинтересован только в том, чтобы эти деньги соответствующим образом возратить с процентами. Всё то, что раньше было конкретным человеческим интересом, теперь накрывается абстрактным принципом. И тот человек, который заинтересован только в деньгах, спрашивает себя, - в тех условиях, которые другой человек, сросшийся с землей, признает необходимыми, - достаточно ли много даст ему эта вещь; если нет, то эту землю надо будет использовать для чего-то другого. Этим разрушаются необходимые человеческие отношения, только с точки зрения денежного капитализма.

Так на все человеческие отношения натягиваются точки зрения денежного капитализма. В народном хозяйстве они увели людей от того, что может вырасти только в том случае, когда человек связан с производством, связан с землей и связан с продуктами потребления, которые циркулируют среди людей в какой-либо области. Однако, это имело место в предыдущих столетиях. Это исчезло уже под влиянием экономического человека, но в основном под влиянием банкиров в 19-ом веке. В то время, как приблизительно до 1810-го года народное хозяйство было зависимо от торговцев и промышленников, в 19-ом столетии и торговцы и промышленники, что бы ни говорили они сами, стали существенно зависимыми от национального и интернационального денежного хозяйства, от банкиров.

Полностью загнать себя в экономический эгоизм можно только посредством такого рода денежного хозяйства. Но такое денежное хозяйство нельзя путать, как это сегодня часто

происходит, с просто капитализмом. Просто капитализм, - подробности вы найдёте в моих «Основных пунктах» - должен дать возможность, чтобы только тот мог иметь в руках массы капитала, - будь то средства производства или деньги, представляющие собой средства производства, - у кого для этого есть способности и кто поэтому срastaется с производством. И он должен оставаться с ним связанным лишь до тех пор, пока он может использовать свои способности на службе производства. Этот просто капитализм совершенно необходим современному народному хозяйству, и поносить его бессмысленно. Отменить его, означало бы похоронить всё современное народное хозяйство. В том-то и суть, чтобы взглянуть на реальность, увидеть разницу, например, в том, что управление большим комплексом земли, которому совершенно необходимо наличие как лесных, так и земледельческих участков, в руках компетентного человека означает нечто иное, нежели когда кто-то разделяет лесные и земледельческие участки, разделяет сами эти земельные участки на мелкие владения, и тому подобное. Для некоторых районов это могло бы быть хорошо, а в других районах это должно было бы разрушить всё народное хозяйство. Повсюду важны конкретные условия. И мы должны, наконец, найти путь назад, к этим условиям.

Но это проявляется не только в национальном хозяйстве, в отдельных народных хозяйствах, но и всё больше и больше в существовании интернационального хозяйства. Это проявляется в том, - и это совершенно ясно тем, кто изучает эти вещи, - что люди, даже если они капиталисты, когда они опираются на самих себя и заняты в какой-то отрасли согласно своим способностям, не мешают друг другу, а на оборот работают друг другу на руку. Плохое начинается только тогда, когда эти люди каким-то образом перерастают свою связанность с отраслями производства. Я хочу привести только один пример, где под влиянием денежного хозяйства 19-го и 20-го столетий это проявилось особенно сильно: при образовании трестов и картелей. Предположим, что несколько отраслей производства объединяются в трест, в картель. Что же последовало?

Трест, картель должны, ведь, иметь какую-то цель, и она, разумеется, состоит в том, что посредством треста люди получают большую прибыль, нежели без треста. Но это возможно только в том случае, если вы установите монопольные цены, то есть, продаёте свою продукцию по ценам, которые выше обычно образовавшихся конкурентных цен. То есть, надо создать возможность повышения цен, что означает договорённость по ценам, лежащих выше обычных конкурентных цен. Да, такие цены установить можно, и это во многих случаях было сделано. Но так нельзя прийти к [здоровому] производству. То есть, под влиянием такого рода профита нельзя производить здоровым образом. Не правда ли, если вы не хотите вызвать диспропорцию в отношении стоимости оборудования (Einrichtungen), которое стало бы слишком дорогим, если бы вы производили только то, что вы производите выше конкурентной цены, тогда вы должны производить так много [больше], чтобы покрывались затраты на машины и все оборудование, а именно столько, сколько производилось бы, если бы вы получали только конкурентную цену. Но можно продавать только столько, сколько продаётся по монопольной цене. Поскольку, если бы вы производили согласно конкурентным ценам, вы бы сбыли (absetzen) гораздо больше и, следовательно, должны были бы производить гораздо больше, чем вы продаете по монопольным ценам. Это опыт народного хозяйства: Вы сбываете меньше, если продаете по монопольным ценам, но вы не можете производить меньше, потому что иначе производство не окупается. Каково следствие этого? Надо идти в соседнее государство и организовывать сбыт там; и там продают по цене ниже производственной цены. Но теперь вы входите в интернациональную конкуренцию. Эта интернациональная конкуренция играет огромную роль. Если принять во внимание только фиксирование цен, обусловленное денежной экономикой, то создается конкуренция, которой в противном случае, если бы продавались различные вещи, не было бы: в непосредственной области сбыта [выше производственной цены], а в соседней стране ниже производственной цены. Это можно сделать; если калькулировать соответствующим образом, всегда можно заработать больше, но тогда вред наносится соответствующим производственным кругам соседней страны. Если вы будете искать причины тех настроений,

которые привели к причинам войны на Западе, вы найдете их в этих вещах. Тогда обнаружится, какой огромный шаг в направлении социальной дисгармонии делается на пути от капитализма к образованию трестов, картелей и монополизации посредством этих картелей. Капиталист как таковой, как тот, кто производит для сбыта по конкурентным ценам, никогда не интересуется защитными таможенными пошлинами. Таможенные тарифы (Schutzzoll) - это, в свою очередь, нечто такое, что играет свою роль в причинах войны. Тут вы получаете вред от денежной экономики в интернациональной жизни. Всё это настолько ясно для того, кто изучает современную экономическую жизнь, что против этого, собственно, нечего возразить. Поэтому необходимым образом должен возникнуть вопрос: Как нам избавиться от этого вреда? - Избавиться от него нельзя никак иначе, как посредством того, что мы снова соединим человека с продуктом, что мы снова создадим непосредственную связку между человеком и производством.

К этому стремится экономическая идея социальной трёхчленности: то, что раньше в совершенно иных условиях существовало между отдельными людьми и производством в виде такой связки, сегодня может быть осуществлено только посредством объединения друг с другом производителей близких отраслей, и посредством того, что эти, объединившиеся на профессиональной основе люди, в свою очередь, объединятся в круги, в ассоциации, с производителями прочих отраслей производства и с соответствующими потребителями. Благодаря этому, ассоциации, объединенные в ассоциации люди, будут знать, как осуществлять циркуляцию продукции, - а не только денег, которые вливаются в производство как нечто однородное. Таким образом, однако, существенным образом могло бы быть вызвано то, что только и даёт возможность существования процветающего народного хозяйства.

Видите ли, это было необходимым сегодня внимательно взглянуть на действительность, поскольку, ведь, все эти социально-экономические вещи, о которых болтали в последнее время, рассматривались, по сути, без всякого учёта действительности. Конечно, отдельные люди делали верные замечания относительно того или иного. Но большинство из того, что высказывалось, а особенно всё то, под влиянием чего развились мировой капитализм, с одной стороны, и борьба за заработную плату, с другой стороны; эти раковые опухоли современной жизни возникли, благодаря тому, что никто больше не обращал внимания на закономерные связи экономической жизни, и что также перед глазами того, кто как человек жил в экономической жизни, больше не стояло то, что как нити соединяло одно с другим, поскольку всё это было стёрто деньгами. Но когда появятся ассоциации, снова будет ясно и открыто проявлено то, как должно было быть произведено то или иное. Тогда тот, кто должен что-то производить, - поскольку есть ассоциации, - будет знать от людей, состоящих в соответствующих ассоциациях [что будет обсуждаться и определяться], столько должно быть произведено того или иного. Тут может нечто возникнуть и без принудительной экономики, основанной на болтовне Мёллендорфа¹⁵; тут, - где один в свободном общении учится у другого, - всё может быть организовано таким образом, что определяющим действительно станет потребление.

Вот что важно в идее трёхчленности: наконец, обратиться к человечеству, полностью исходя из действительности. Это сегодня так трудно понять, поскольку люди в настоящее время не привыкли обращаться к реальности; люди не привыкли обращаться к реальности. Что же люди понимают под экономической жизнью в целом? Архитектор что-то понимает в строительстве, плотник что-то понимает в столярном деле, сапожник - в изготовлении обуви, парикмахер - в стрижке бороды, каждый понимает что-то в соответствующей области экономики, с которой он связан. Но всё, что эти «практики жизни» так или иначе знают об экономической жизни, связано, ведь, только с их практикой, а не с практикой других.

¹⁵ Wichard Georg Otto von Moellendorff; 3 октября 1881, Гонконг — 4 мая 1937, Берлин) — немецкий инженер и экономист-теоретик. Он стал широко известен благодаря своей экономической и политической деятельности во время и после Первой мировой войны (Википедия, прим. пер.)

Поэтому оно так абстрактно. Необходимо, наконец, обратиться к человечеству, исходя из действительных взаимосвязей всей социальной жизни. Поскольку людям непривычно ориентироваться на жизненный опыт, то, как раз, в том, что рождается из реальности, они видят утопию. Но речь идёт о том, чтобы эта идея социальной трёхчленности была признана противоположностью всякой утопии, чтобы она была признана как нечто такое, что рождено из действительной жизни, и потому также может быть помещена в действительную жизнь. Речь идёт только об этом: чтобы люди увидели эти вещи. Тогда обнаружится, что любой человек, - какую бы позицию он ни занимал, - правильно поймёт идею трёхчленности социального организма, как раз, если он что-то понимает относительно связи его производства со всем хозяйственным процессом мира. Эта идея трёхчленности социального организма не боится детальной проверки тех, кто, благодаря своей связи с жизнью, что-то понимает о хозяйственной жизни. Но сегодня очень немногие вообще понимают хоть что-то об экономической жизни или социальной жизни; они позволяют собой руководить, и для них лучше всего, если им самим не нужно принимать участие в каком-либо [решении о социальном порядке], они хотят, чтобы это делало за них правительство. Поэтому люди приходят к таким запутанным идеям, что то, что является жизненной действительностью, они считают утопией. Правда, сегодняшняя ситуация несколько затемняется тем, что, благодаря своей победе, западные силы завоевали себе возможность не соответствовать высоте времени. То, что востребовано сегодня в идее трёхчленности, востребовано временем. Человеческое развитие достигло сегодня этого пункта. Победа западных сил означает ни что иное, как получение отсрочки для того, чтобы остаться в старых социальных условиях. Западные силы могут позволить себе этот люкс; они его завоевали. Но центральные власти этот люкс позволить себе не могут; они зависят от удовлетворения требований времени. Если они их удовлетворят, то это повлияет на весь мир. Если не удовлетворят, - они погибнут.

Это, наконец, нужно сказать сегодня со всей ясностью, поскольку сегодня речь идёт о том, быть или не быть. Поэтому также выглядит так фривольно, когда снова и снова выступают очень умные люди и говорят, например: Ну, вот, теперь снова возникнут разногласия между французами и англичанами. Поскольку англичане, исходя из своих старых традиций, не хотят заключать военный альянс с французами; они также не хотят давать кредиты; они также не совсем согласны с намерениями французов относительно рейнской границы и так далее. - Это продолжение того, что так разрушительно действовало уже во время войны и до войны. Тогда тоже постоянно спекулировали: Теперь враги снова не могут найти общий язык; может нам заключить с кем-нибудь сепаратный мир. - С такой дипломатией, в конце концов, дошло до того, что почти весь мир оказался против них. Если сегодня, люди такого калибра будут продолжать извращать идеи людей и дальше спекулировать о том, что французы и англичане снова будут враждовать, то это настоящий сон; это неведение реальности. Это продолжение того старого дипломатического образа мышления, который Чернин¹⁶ так прекрасно описал в своей книге¹⁷, в которой он требует того, чтобы была признана исключительная важность дипломатов. Эта исключительная важность дипломатов, однако, состояла в том, что они могли посещать соответствующие салоны, наблюдать там за настроением людей и потом писать об этом настроении длинные письма, и так далее. Во время войны это прекрасно продолжалось, насколько это было возможно, только тогда о настроении судили не так открыто. В том числе и, исходя из этого суждения о настроениях перед войной, возникла военная катастрофа. И вот, теперь, люди снова начинают спекулировать таким же образом. Но если эти люди проснутся, они увидят,

¹⁶Оттокар Чернин фон унд цу Худениц (нем. Ottokar Theobald Otto Maria Graf Czernin von und zu Chudenitz; 26 сентября 1872, Богемия - 4 апреля 1932, Вена) - австро-венгерский дипломат и государственный деятель, граф (прим. пер.)

¹⁷Граф Чернин опубликовал свои мемуары в Вене в 1919 году под названием «Im Weltkrieg» («В мировой войне»). Рудольф Штейнер подробно прокомментировал Чернина и его книгу в своем эссе «Новый чернинизм не должен заменять старый», опубликованном 3 февраля 1920 г. в еженедельнике «Трёхчленность социального организма» (Jg. 1, No. 31).) (в ГА 24).

что в действительности они довели ситуацию лишь до того, что оказались сидеть между двумя стульями. Говорят о глубоком разрыве между французами и англичанами; сегодня об этом говорят вполне умные люди. Если они проснутся, они увидят, что, хотя этот разрыв и существует, но над этим разрывом люди [французы и англичане] находятся в согласии, и они сами сидят внутри этого разрыва. То, что на место этого разрушительного для человечества образа мышления, стремится образ мышления, соответствующий действительности, - это является собственной основой импульса трёхчленности социального организма. И когда это будет видно, люди с внутренней необходимостью обратятся к этой трёхчленности.

После этих вступительных слов Рудольфа Штейнера открывается обсуждение; слово берут различные участники:

Георг Герберг (Georg Herberg) считает, что ввиду роста цен в последние годы, - в качестве примера он приводит цену тонны железа, которая раньше стоила 13 марок, а теперь стоит 1700 марок, - необходимо более подробно рассмотреть вопрос о цене. При этом особо обратить внимание на противоположный полюс потребителей, то есть, на производителей.

Зигфрид Дорфнер (Siegfried Dorfner), прежде чем начнется собственно обсуждение, хотел бы обратить внимание присутствующих на три основополагающих обстоятельства, которые можно считать типичными для всей ситуации в работе по трёхчленности: во-первых, на этот вечер приглашены партийные лидеры; но их нет. Во-вторых, если бы они пришли, то по большей части они бы молчали; не было бы желающих выступать. В-третьих, среди последователей антропософии очень часто можно наблюдать позицию: «Антропософия мне нравится, а трёхчленность - нет». Так что безуспешность всех стараний в отношении трёхчленности неудивительна.

Карл Унгер (Carl Unger) хотел бы вернуться к сказанному выше и указать на важность трестов в современной экономической жизни. Был упомянут пример с железом; тут, как раз, надо исходить из того, что в этой области имеешь дело со сталелитейным трестом. Аналогичное монопольное положение занимают и немецкие сахарные заводы; Несмотря на то, что в Германии бесконечно много свекольных полей, цена перед лицом такого огромного предложения слишком чрезмерна.

Вальтер Иоганнес Штейн считает, что положение в немецкой сахарной промышленности указывает на самую центральную проблему, на отношение земли к средствам производства вообще. Возникает вопрос, является ли, например, корова средством производства или же она принадлежит земле. Всё становится ещё сложнее, когда корову в конце концов забивают; не принимает ли она тогда характер товара. Поэтому он просит Рудольфа Штейнера всё же более подробно остановиться на отношениях между землей, средствами производства и товарами.

Рудольф Штейнер: Мои дорогие друзья! Что касается различия между землей и средствами производства, то здесь существенно то, что земля есть нечто ограниченное, не эластичное, что она в определенном смысле не может быть размножена, тогда как средства производства, которые сами возникают благодаря человеческому труду, могут быть умножены, и, благодаря такому умножению средств производства, может быть, в свою очередь, повышено производство.

Далее, когда проводятся такие различия, то речь, ведь, идёт о том, что, естественно, часто бывает необходимым исходить из различных точек зрения. Различая землю и средства производства, то, что присутствует изначально и не сделано руками человека, обозначают как «земля» («Grund und Boden»). Для рассматривающего с точки зрения народного хозяйства, корова, которую человек сам не производит своим трудом, принадлежит, пока её не забил,

просто к земле; после забоя она, разумеется, становится товаром. Но тогда она выступает на товарном рынке совершенно определённым образом, и тут мы имеем дело с двумя фактами: во-первых, с тем, что она извлекается из производительной силы земли, во-вторых, с тем, что она выступает как товар; корова является в некотором смысле граничным продуктом. Такие граничные продукты есть везде. Но речь идёт о том, чтобы, как бы, держаться того, что имеешь в виду, когда можно брать названия характерного представителя в каждом отдельном случае.

Не правда ли, в хозяйственном процессе, во-первых, имеют дело с тем, что необходимо для производства, что, однако, не может быть произведено самим. Сюда относится сама земля, а также некоторое другое; всё это просто объединяется под одним названием «земля». Во-вторых, к хозяйственному процессу относится всё, что служит для производства чего-то ещё, но что сначала само должно быть произведено, как, например, машины. При рассмотрении с точки зрения народного хозяйства, процесс работы, работа, которая должна быть использована для изготовления средств производства, в случае с землёй отпадает. Это существенный момент с точки зрения народного хозяйства: средства производства должны рассматриваться с точки зрения эквивалентов труда только до тех пор, пока они не будут готовы как средства производства для производства. В тот момент, когда средства производства готовы, они вступают в экономический процесс, собственно, точно так же, как земля. Пока производится работа над средствами производства и - чтобы иметь возможность работать над этими средствами производства, - используется народное хозяйство, до тех пор необходимо различать то, как средства производства и земля включены в народное хозяйство. В тот момент, когда средства производства готовы, они подпадают под ту же народно-хозяйственную категорию, что и земля. Пока я ещё работаю над производством локомотива, я должен оценивать экономический процесс изготовления локомотива иначе, чем в тот момент, когда он закончен. Когда же он уже стоит [как готовое средство производства] на рельсах и приводится людьми в движение для дальнейшего производства, он стоит в народно-хозяйственном процессе так же, как и земля. В этом состоит сложность различения, что готовое средство производства относится к той же категории, что и земля. Работа, которая должна быть затрачена на то, чтобы произвести какое-то средство производства, - вот что является существенным: она присутствует при производстве средств производства и отсутствует в отношении земли. Это, конечно, связано со следующим. Если бы земля была эластичной, если бы её можно было умножать, то либо она сама должна была бы умножаться, или её должны были бы иметь возможность производить люди. Но углубляться в это я сейчас не хочу. Но то, что земля в определённой степени имеется в наличии, отличает её от средств производства. Её только можно использовать в большей или меньшей степени, благодаря чему, она снова становится похожей на средства производства.

Теперь, конечно, нужно рассмотреть также и третий член, собственно товар. Он характеризуется тем, что он потребляется (*verbraucht*). Благодаря этому, в народно-хозяйственном процессе он представляет собой нечто существенно отличное от средств производства, которые сами непосредственно не потребляются, а только изнашиваются. Но это значит, что товар есть также нечто иное, чем земля, которая так же мало служит потреблению, и, в лучшем случае, должна быть улучшена и так далее.

Таким образом, эти три вещи следует различать как существенно различные в народно-хозяйственном процессе: 1) земля, которая [имеется в наличии] без того, чтобы на её наличие затрачивался человеческий труд; 2. средства производства, которые начинаются с применения человеческого труда; оба - и земля, и средства производства - не предназначены для непосредственного потребления; 3. товары, предназначенные для непосредственного потребления.

Но, видите ли, дело в том, что всё это, в свою очередь, также вопрос времени. Поскольку в тот момент, когда вы думаете о том, что средства производства, например - в виде машин, в течение известного периода времени изношены (*aufgebraucht*), в этот момент средства производства предстают перед вами как товары, - только как товары, которым

требуется больше времени для того, чтобы стать изношенными. Когда в жизни делаются различия, эти различия имеют то свойство, что они очень неудобны; они никогда не бывают такими, чтобы их можно было строго классифицировать. В этих вопросах нужно оставаться гибкими. Поскольку, фактически, средства производства до известной степени также носят характер товара. Этот товарный характер, так, как его могут иметь средства производства, земля таким же образом не имеет, поэтому здесь необходимо, в свою очередь, провести более строгое различие. Вообще бессмысленно с чисто денежно-капиталистической точки зрения придавать земле товарный характер. То есть, вы видите, что когда что-то применяется к действительности, то не позволительно останавливаться на абстрактных понятиях. Это, как раз, то, против чего возражают люди, когда читают «Основные пункты социального вопроса»: они хотели бы иметь красиво упакованные понятия. Тогда то, что они читают, хорошо; тогда, по крайней мере, знаешь, прочитав пол страницы то, что ты прочёл. В действительности же средства производства можно понять, только если знаешь: они. Прежде всего, не потребляются, но если ими пользоваться долгое время, они тут же становятся товаром. Таким образом, надо помнить, что средства производства обладают как свойством быть потребляемыми (Verbrauchtwerden), так и свойством быть не потребляемыми, и понятие должно соответствовать этому.

Необходимо иметь подвижные понятия. Этого люди сегодня не хотят; они хотят иметь упорядоченные понятия. Они вообще не хотят своим мышлением выходить в реальность. Иначе не могли бы возникать такие вещи, что люди, например, говорят: Антропософия мне очень нравится, но о трёхчленности я знать не хочу ничего. - Кто так говорит, подобен тому, кто говорит: Ну, меня интересует духовное, но это духовное не должно вторгаться в политику; это духовное должно быть независимым от политического. Да, мои дорогие друзья, но, ведь, этого, как раз, и хочет достичь трёхчленность. Поскольку это духовное сегодня нигде не самостоятельно, то это иллюзия, когда вы верите в то, что можете интересоваться просто духовным. Чтобы ваш абстрактный идеал мог стать конкретным, чтобы вы могли иметь нечто из того, что вас может интересовать без того, чтобы испытывать влияние политики, - для этого трёхчленность должна вначале завоевать такую область, чтобы была такая область, где не нужно интересоваться политикой. Трёхчленность борется, как раз, за то, в чём сонные души хотят себя чувствовать хорошо, но что они имеют перед собой только как иллюзию. Эти сонные души, - о, так хотелось бы их разбудить, - они чувствуют себя так чудовищно хорошо, являясь внутренними мистиками, когда они внутренне охватывают весь мир, когда они открывают Бога в своей собственной душе и, благодаря этому, становятся совершенными людьми! Но это внутреннее обладает какой-то ценностью, только если оно выходит в жизнь. Хотел бы я знать, имеет ли оно какое-то значение, если сейчас, когда испытывается давление со всех сторон, когда мир находится в огне, человек не находит пути для участия в общественных делах. Это прекрасно интересоваться антропософией, хотеть интересоваться только антропософией, и не находить возможности участвовать в том, чему антропософия хочет дать импульс. Те антропософы, которые хотят интересоваться только антропософией, а не тем, чем антропософия может стать по отношению к жизни, подобны человеку, который является благотворителем только на словах, но когда доходит до дела, быстренько прячет свой кошелек. Поэтому то, что можно обнаружить у людей, которые хотят интересоваться антропософией только по-своему, это антропософская болтовня. Действительностью антропософии, однако, является то, что переходит в жизнь.

В заключении состоялось обсуждение будущей работы с трёхчленностью с руководителями местных групп. Для обсуждения предлагались три основных вопроса. Первый: можно ли идти на компромиссы? Второй, нужно ли участвовать в выборах? Третий: в какой форме должна вестись пропаганда идеи трёхчленности?

Пауль Кречмар (Paul Kretschmar) из Кёльна выступает за то, что надо попытаться повлиять на существующий институт производственных советов и на парламент. Немалую роль в этом отношении сыграли бы газеты. Поэтому для написания статей для специализированных журналов пришлось бы создать нечто вроде журналистского бюро. Была бы важной также подготовка компетентных ораторов; последние должны были бы иметь возможность опираться на, своего рода, словарь по трёхчленности, - подобно тому, как Дамашке¹⁸ (Damaschke) издал земельный словарь. Также необходимо снование собственного издательства, чтобы эффективно поддерживать газетную пропаганду. В принципе, можно было бы даже подумать и об участии в выборах.

Господин Клюг (Klug), тоже из Кёльна, напротив, предостерегает от поставленного полностью на самого себя участия в выборах. Во всяком случае, можно было бы обсудить, можно ли действовать совместно с другими независимыми партиями. Также нужно было бы непременно обсудить возможность создания союзов потребителей.

Герман Гейслер (Hermann Heisler) считает, что должен был бы, собственно, существовать, своего рода, «катехизис трёхчленности»; последний должен был бы предоставлять руководящие принципы для того, каким образом трёхчленность внедряется в практическую жизнь, особенно в экономическую жизнь. В текущей ситуации были бы актуальными особенно три вопроса. Во-первых, как трёхчленность, если она действительно будет реализована в Центральной Европе, может противодействовать ожидаемому голоду в Европе? Во-вторых, какую цель нужно сейчас поставить рабочему классу? В-третьих, как далеко позволительно заходить в практической деятельности политических партий и отдаваться задачам трёхчленности?

Зигфрид Дорфнер (Siegfried Dorfner) убежден, что лучшее средство пропаганды трёхчленности - это выход из партии.

Вальтер Конрадт (Walter Conradt) считает, что в том, что касается обращения с прессой, нужно было бы исходить из того, что с противоположной стороны произошла децентрализация мнений. Что же касается обращения с пролетарской партией, то события последнего года, - особенно в связи с «плакатной миссией», - показали, что пролетариат, так сказать, «отложен» на год, то есть, на него пока нельзя рассчитывать.

Рихард Зеебом (Richard Seebohm) считает, что раньше уже часто случалось, что газета занималась отдельными вопросами, но не следует забывать, что, даже если теперь государственный контроль отменен, газеты по-прежнему находятся под давлением промышленности. И что не следует упускать из виду то, что существуют приверженцы трёхчленности, не желающие иметь ничего общего с антропософией. По этим причинам было бы важно поддерживать существующую газету трёхчленности.

Пауль Кречмар (Paul Kretschmar) упоминает кёльнский «Generalanzeiger», в котором точно можно было бы также разместить и статьи о трёхчленности.

Эрнст Ули (Ernst Uehli) упоминает друга-иностранца, который подтвердил ему, что прессу невозможно склонить к великим идеям; в целом можно установить, что идея трёхчленности подверглась в газетах широкой критике. Стремление к истинной «человечности» и сущность прессы несовместимы, как, ведь, уже установил немецкий философ Карл Кристиан Планк (Karl Christian Planck).

¹⁸ Адольф Вильгельм Фердинанд Дамашке (24 ноября 1865 года в Берлине - † 30 июля 1935 года в Берлине), был учителем и ведущим деятелем земельной реформы в Германии (прим. пер.).

Эмиль Мольт (*Emil Molt*) указывает на то, что «Союз для трёхчленности» намерен провести курс агитаторов - курс для ораторов - под руководством Рудольфа Штейнера.

После завершения дискуссии, несмотря на то, что установленное время уже подходит к концу, Рудольфа Штейнера просят прокомментировать различные поднятые вопросы.

Рудольф Штейнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Прежде всего, я хотел бы сказать только то, что необходимо, в очень краткой форме, и прошу вас это учитывать. Таким образом, подробнее говорить об отдельных поставленных вопросах сейчас нет возможности. Возможно, мы сделаем это в следующий раз.

Вначале возьмём относительно важный вопрос:

Как трёхчленность реагировала бы на грядущий голод в Европе?

Хотя многим это может показаться странным, я бы хотел сказать, что за этим вопросом стоит совершенно другой вопрос, на который очень трудно ответить. Но в общем в отношении этого вопроса должно быть действенным следующее. Не правда ли, скажем, десять лет назад мир не знал того, что называют голодом, во всяком случае, того, что в ближайшее время может прийти как голод, и, возможно, - если души будут продолжать спать, - придёт. Но надо рассуждать следующим образом, как бы просто и примитивно это ни казались: сырьё в земле сейчас не меньше, чем десять лет назад; полей тоже не стало меньше, чем десять лет назад; человеческой рабочей силы, тоже в основном не стало меньше, чем десять лет назад, - хотя миллионы и погибли на войне, но погибли не только производители, но и потребители. То есть, в общем, хозяйственные возможности, хозяйственные условия, остались точно такими же, как и десять лет назад.

Около восьми недель назад в газетах распространилось письмо известного политика, русского князя Кропоткина, в котором он сделал два достойных внимания сообщения. Во-первых, он сейчас работает над этикой, - интересно, что он сейчас начинает писать этику. Другое сообщение состоит в том, что сейчас важно только одно, что в Россию с Запада доставляют продукты питания, доставляют хлеб. Это, конечно, самое простое, когда при отсутствии хлеба его берут со стороны, оттуда, где он есть. Ну, другие люди, ведь, иногда тоже имеют такие взгляды. Две недели назад я получил одно письмо от адвоката и нотариуса из Центральной Германии. Письмо звучало очень юридически и нотариально, поскольку оно было грубым и глупым. Но внутри стояло также, что собаку из-за пещки никаким идеализмом не выманишь, если речь идёт о чистом выживании.

Но, смотрите, всё то, что я сейчас описал, не принимает во внимание самое простое, самое примитивное. Поскольку тот, кто это обдумает, будет знать, что единственное, что имеет значение, - это организовать людей таким образом, чтобы можно было и можно будет хозяйствовать, исходя из имеющихся сейчас и десять лет назад antecedentov¹⁹. Это совершенно определённо не будет достигнуто, если с людьми обращаться либо согласно с тем, в чём старые «Чернины²⁰» видят государственную и народную мудрость, либо согласно

¹⁹ Antecedent (лат. *antecedens* — «предшествующее») — на языке старых философов, особенно у логиков Кантовской школы, в их учении о суждениях, заключениях и доказательствах antecedent означает отчасти логическое подлежащее в его отношении к сказуемому, отчасти — причину в отношении к следствию. Вообще antecedentом называются предшествующие события, помогающие уяснению настоящего (прим. пер.).

²⁰ В своем эссе «Новый чернинизм не должен заменять старый», опубликованном 3 февраля 1920 года в еженедельнике «Трёхчленность социального организма» (1-ый год, № 31) (в GA 24), Рудольф Штейнер разъяснял, что он под этим понимал: «Чернины - наследники тех, кто когда-то дал Европе пару её идей. Но Чернины утратили свои старые идеи и не развили никаких новых. Если старые Чернины со старыми учреждениями будут сметены без того, чтобы на их место встанут люди, имеющие связь с духовными движущими силами человечества, то это не поможет. [...] Будет бесполезным, если старые Чернины будут

со старыми «Bethmänner²¹», написанными с «h» или без «h», и даже согласно с тем, что старые социал-демократы выдвигали как особый вид «негативных Bethmännern»; речь здесь идёт о том, чтобы людям снова дали цели, чтобы они видели к чему мы стремимся. И это, как раз, может быть дано, посредством движения трёхчленности. Важно, чтобы не говорилось то, что сегодня говорится многими, даже если это и относительно верно: У нас не будет голода, или мы можем его преодолеть, если люди снова будут работать. Да, как же! Если перед глазами людей будет стоять та безысходность, которая передаётся им из старых программ и старых махинаций, то они не будут хотеть работать. Но если внести в человечество что-то, что зажигает, чтобы люди видели перед собой что-то, что может привести их к достойному существованию [тогда они захотят работать], и тогда можно будет обеспечивать и хлебом. Если мы не обретём доверие, то голод придёт точно. Но чтобы возникло это доверие, для этого необходима трёхчленность. На это в этой связи я могу только указать. Но если вы последуете этим мыслям, вы увидите, что голод может быть существенно предотвращён уже только посредством пропаганды трёхчленности. Однако, необходимо следующее: чтобы эта идея трёхчленности, прежде всего, укоренилась в как можно большем количестве голов, чтобы эти головы не впали во всё то, что является лишь продолжением старой системы. Это продолжение старой системы распространяется с огромной силой, - только в новой форме. Поскольку во многих отношениях дело сегодня обстоит так, будто ведущие личности ставят себе задачу, как раз, вызвать этот голод. Сегодня цены на всё выросли фантастическим образом. Но цены имеют смысл только тогда, когда они соотносятся друг с другом. Сегодня же цены на самые важные товары искусственно удерживаются на низком уровне. Я не хочу сказать, что они должны расти, но они не должны быть непропорциональны ценам на другие вещи. Это несоответствие препятствует тому, чтобы люди хоть как-то хотели посвящать себя производству сырья, продуктов питания. Таким образом, создание голода стало правительственной мерой. Это надо понять. Во-вторых, следует подчеркнуть, что, ведь, это вопрос международный, и можно поставить вопрос:

Можно ли в Центральной Европе, просто внедрив трёхчленность, - или как её ещё хотят называть, - чего-то добиться?

Тут я должен сослаться на то, что я написал в газете по трёхчленности, а именно, с самых различных точек зрения: Если бы кто-то действительно имел мужество пропагандировать трёхчленность, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, даже при голоде, - это бы подействовало, если бы люди в западных или восточных регионах увидели в этом нечто положительное.

Так что сегодня мы ещё стоим там, где стоял мир, когда в 1916 году в мир было выслано мирное предложение, в котором перед миром не было высказано ничего конкретного. Попробуйте, какое воздействие это оказало бы на международную жизнь, если выступить с чем-то таким, что имеет пуки и ноги, что имеет субстанцию и содержание, - с чем-то вроде идеи трёхчленности социального организма. В настоящее время видно, как, например, как раз, английские государственные деятели с каждой неделей всё больше и больше боятся того, что происходит Германии. Это, собственно, нечто в высшей степени неизвестное для них. И, поскольку они из этого не могут сделать ничего правильного, они боятся, что здесь может возникнуть ещё даже более ужасный большевизм, чем в России. Но если бы они лучше знали Бауэра (Bauer), Эберта (Ebert) и Носке (Noske), то это было бы хорошим способом избавиться от их страха. Потому что правда состоит в том, что здесь ничего не происходит, что проходит месяц за месяцем и ничего не происходит. Попробуйте однажды, как бы это выглядело в международной жизни, если бы, как раз, из Центральной Европы в мир было бы внесено

заменены новыми, демократически и социалистически одетыми, которые, по сути, хотели бы сформировать новый мир из тех же душевных побуждений, из которых они хотели сохранить прогнившую Австрию»

²¹ Такие люди, как Теобальд фон Бетманн Хольвег (Theobald von Bethmann Hollweg) (1856-1929), который был канцлером Германии с июля 1909 по июль 1917 года.

нечто субстанциональное. Только прояснив для себя эти вещи, можно подходить к такому вопросу, как вопрос о том, как будет работать трёхчленность, когда разразится голод; относительно всего прочего это не вопрос. Действительно то, что единственно и только трёхчленность способна создать такую организацию, при которой снова будут работать и при которой снова может возникнуть доверие. Тогда может быть предотвращен и голод.

Для того, однако, чтобы действовать интернационально, идея трёхчленности должна действенным образом укорениться в головах. Тогда я не беспокоился бы, что она не будет действовать в международных отношениях. Пока переговоры строятся только на шовинизме, ничего не вырастет. Если бы здесь, в Центральной Европе, было изобретено нечто важное, то оно получило бы и международное признание. Если здесь закрепятся здоровые идеи, международные барьеры рухнут сами собой; поскольку люди действуют всё же согласно своим интересам и берут хорошее там, где могут его найти.

И ещё я хочу коснуться газетного вопроса: я не хотел бы отрицать, что многое из сказанного очень важно. И будет похвально, если тот или иной из наших друзей здесь или там поместит статью в какой-нибудь газете. Но самым существенным при этом остаётся то, что нахождением прикрытия (Unterkriechen) в других газетах можно добиться столь же мало, как и нахождением прикрытия в партиях. Это можно сделать, но это, собственно, то же самое, только в другом цвете. Я не осуждаю этого, я совершенно не против, если это происходит. Но позитивное я бы видел в том, что нашими друзьями пропаганда велась нашей газетой, нашей газетой для трёхчленности, - в том объёме, в каком это только возможно. Вы можете сказать: Хорошо, но газеты, в которых мы хотим опубликовать наши статьи, у людей уже есть, а на газету для трёхчленности надо вначале подписаться. На неё, как раз, и надо подписаться. Все этого не будут делать, но определённое число это сделает. Затем мы превратим газету для трёхчленности в ежедневную газету. Только тогда мы сможем разместить в статьях то, что мы хотим разместить; тогда это будет действенным. Таким образом, речь идет о том, чтобы так много работать для газеты по трёхчленности, - которая сейчас является ещё еженедельным листком, - чтобы, благодаря собственным доходам этой газеты, она могла быть преобразована в ежедневную газету. Тогда нам не надо будет «искать прибежища» у других; вот что важно. Почему это не могло бы быть возможным, - вещь, которая имеет такое важное значение, поставить на собственные ноги!

Далее, упоминались ещё другие различные вещи. Относительно участия в выборах я бы хотел сказать лишь следующее: Конечно, абстрактно можно сказать, что участие в выборах и вступление в парламент для участия в нём поддерживал бы существующее государство. - Однозначно этого сказать нельзя. Я не хотел бы настаивать на «за» или «против»; это зависит от различных конкретных условий, участвовать в выборах или нет. Но если строго следовать трёхчленности, то принципиально это не совсем верно, не участвовать в деятельности парламента. Принципиально верным, если последовательно держаться трёхчленности, было бы следующее: участвовать в выборах, избрать столько кандидатов, сколько это возможно, вступить в парламент и подвергать обструкции все вопросы (препятствовать всем вопросам), которые касаются духовно жизни и хозяйственной жизни. Это было бы совершенно в смысле трёхчленности. Речь идёт о том, чтобы выделить, обособить (abzugliedern) среднюю часть, государственную жизнь. Это можно сделать только посредством того, что другие, левая и правая части, будут отброшены. Сделать это можно никак иначе, кроме как действительно участвуя в выборах, вступая в парламент и подвергая обструкции все обсуждения и решения в областях духовной и хозяйственной жизни. Логично было бы мыслить это в терминах тройственной структуры социального организма. Это было бы результатом последовательного рассуждения в смысле трёхчленности социального организма. Эта идея является чем-то таким, что нужно мыслить последовательно, и её можно мыслить последовательно по отношению к конкретным обстоятельствам, поскольку она выводится из действительности. - Это то, что можно было бы сказать в отношении этих важных вопросов.

Что касается новой цели, которая сейчас должна быть поставлена перед рабочими, то я должен сказать, что, исходя из моего опыта работы с производственными советами, это вопрос скорее академический. Этот вопрос придется рассматривать по-другому; [необходимо спросить], следует ли вообще ставить такую цель. Был поднят вопрос о производственных советах. Повсюду были сделаны попытки и предприняты все возможные усилия для того, чтобы эти производственные советы заработали. Рабочие обещали всё возможное и ничего из этого не выполнили. Сначала они появлялись на собраниях, затем перестали. То же самое было бы и с очередными новыми целями, если бы они были внесены в нынешние рабочие организации.

ТРЕТИЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР Штуттгарт, 9 июня 1920 года

Пропаганда идеи трёхчленности

Рудольф Штейнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Вероятно, это лежит в природе такого учебного вечера, что я не читаю собственно лекцию, а сначала излагаю некоторые вещи афористически, чтобы затем можно было провести как можно более обширную дискуссию о том, что важно для того или иного из уважаемых слушателей и что кажется необходимым в интересах продолжения нашей пропаганды для трёхчленности социального организма. Мне дали понять, что сейчас важным вопросом является вопрос об особенностях того, как в ближайшем времени можно организовать пропаганду этой идеи трёхчленности. Я, ведь, не присутствовал на последних учебных вечерах, и поэтому то, что я могу сказать сегодня, может в некоторой степени выпадать из контекста. Но, как раз, этот вопрос о пропаганде представляется мне чрезвычайно важным.

Ну, вероятно, вряд ли будет плодотворным говорить сегодня о том, как пропагандировать трёхчленность, если только то, что мы при этом намереваемся сделать, не будет базироваться на том опыте, который был получен до сих пор. При обсуждении такой вещи я хотел бы всё же указать на то, что, учитывая сегодняшнее мировое положение, речь, ведь, действительно не может идти о том, как следует мыслить тот или иной конкретный вопрос, особенно в экономической области, - относительно мер в отдельных мелких случаях, действительно не следует обещать себе многого. Сегодня нужно усвоить представление о том, что в принципе чего-то можно добиться, только - я бы сказал - берясь за крупное. У нас, ведь, был странный опыт с нашей пропагандой. И основной тон, который снова и снова приходил к нам из этого опыта, это то, как, собственно, трудно сегодня, даже в эти трудные времена, достучаться до человеческих душ с тем, что абсолютно необходимо в интеллектуальном, политическом и экономическом плане.

В прошлый раз я указывал на то, как провалились некоторые планы, и как мы поэтому были вынуждены заняться некоторыми отдельными вещами, которые постепенно сосредоточились в нашем предприятии «Грядущий день»²². Разумеется, мы очень хорошо

²² Фирма «Грядущий День А.Г. (Акционерное общество)». Ассоциация различных предприятий, создана в Штуттгарте для развития хозяйственных и духовных ценностей. Ассоциация в смысле социальной трёхчленности, основанная 13 марта 1920 года. Председатель наблюдательного совета до 1923 года Рудольф Штейнер. Компания, в основе которой, согласно годовому отчету 1921- года, лежало намерение «составить зародыш новой хозяйственной жизни, развивающейся на ассоциативной основе», с начала 1925 года должна

знаем, что это предприятие, если наша общая пропаганда идеи трёхчленности не сможет действовать убедительно, по сути, может быть лишь очень неудовлетворительным суррогатом, - причём во всех отношениях. Поскольку, что сегодня особенно важно, - и это следует подчеркивать снова и снова, - так это то, чтобы в как можно большее количество голов вошло понимание несущей силы идеи трёхчленности. Без наличия достаточно большого числа людей, действительно понимающих эту идею трёхчленности, обойтись нельзя. И это понимание, ведь, касается многих вещей, мои уважаемые присутствующие. Я хотел бы указать на нечто конкретное.

Видите ли, когда мы начинали здесь свою пропаганду, мы, ведь, сначала старались работать в только что указанном направлении завоевания как можно большего количества понимающих душ. Действительно обсуждались конкретные вопросы, в том числе и экономической жизни. Тогда, например, - и не раз, а довольно часто, - мною поднимался очень определённый вопрос хозяйственной жизни: это был вопрос ценообразования. Я указывал на то, что вопрос ценообразования является кардинальным; речь идёт о том, что в народно-хозяйственном процесс определённые другие вопросы, - даже вопрос о заработной плате и тому подобные, - должны рассматриваться не первично, а только на основе вопроса о цене. Я указывал, что здоровым фактом хозяйственной жизни можно считать только совершенно определённую цену для какого-либо предмета торговли. Другими словами: определённый предмет торговли в пределах какого-то хозяйственного отношения должен быть доступен по определенной цене. Согласно этому должны быть урегулированы эти народно-хозяйственные отношения. Самым нездоровое - это считать цену чем-то, что можно повышать как угодно, а потом начинать взвинчивать без конца: подгонять заработные платы под произвольно возрастающие цены. Когда растут цены, растёт заработная плата; [растёт заработная плата, - растут цены] и так далее. Всё это берётся не с того конца. Я обсуждал тогда этот конкретный вопрос, исходя из основ хозяйствования. Каков был результат? В то время у нас были собрания, на которых по большей части присутствовали одни только пролетарии. Буржуазные круги держались в отдалении, поскольку считали, что мы будем организовывать всё так, чтобы это нравилось только пролетариям. Одним словом, мы нашли некоторое понимание в кругах пролетариев, принадлежавших нам в то время. Но это понимание полностью иссякло; люди постепенно уходили. Они поднимали вопросы о своих старых лавочниках, исходя из партийных шаблонов, затем постепенно исчезали. На этом один из кардинальных вопросов просто иссяк.

Я выделю один пример, можно было бы привести и много других. Недавно я имел возможность поговорить с одним основательно стоящим в хозяйственной жизни предприимчивым человеком из одного европейского государства, не из Германии. При этом выяснилось, что он уже просто из своей практики как практичный предприниматель пришел к выводу: Самое главное, за что нужно взяться, это проблема ценообразования. Да, мои многоуважаемые присутствующие, я убежден: с людьми, которые занимаются предпринимательством и одновременно думают, прекрасно можно иметь дело. Хотя, должен

была постепенно ликвидироваться в результате всеобщего экономического кризиса (инфляция). В состав компании вошли следующие компании: Штутгарт и Вюртемберг:

Издательство Central Stuttgart с книжным магазином по почте, типографией и офсетной типографией, Станкостроительный завод Carl Unger, Штутгарт-Хедельфинген Картонная фабрика Jose* del Monte, Сигаретная фабрика Waldorf-Astoria AG, Штутгарт Общая торговая компания, Штутгарт Bankhaus Adolf Koch & Co., с 1922 г. Hans Stammer & Co., Пансион Rütthling, Штутгарт Schieferwerk Sondelfingen Механическая ткацкая фабрика G. Wilhelm Tinney, Sondelfingen Guldesmühle Dischingen с фермой, мельницей и лесопилкой. Фермы Oelhaus, Unterhueb, Lachen, Dorenwaid и Lanzenberg в Вюртемберге и в Allgäu Gebrüder Gmelin, Reutlingen (мастерская сельскохозяйственных машин). Клинико-терапевтический институт, Штутгарт, с лабораторией и амбулаторная клиника. Научно-исследовательский институт (включая биологический отдел), Штутгартская свободная вальдорфская школа, Штутгартский филиал в Швебиш-Гмюнд: Химический отдел, производство лекарственных средств для Клинико-терапевтического института (из ГА 260а, стр. 720). Помимо этого были различные филиалы в Гамбурге, Арлесхайме (Швейцария) и пр. (прим. пер.)

признаться, до сих пор я встречал очень мало людей такого типа. Чаще я находил людей, которые в действительности не думают, для которых речь шла прежде всего о том, чтобы быть практиком. А практиком является человек, который исходит из того, что за него думает государство или ещё кто-нибудь; он думает: «Они как-нибудь сделают». Так, ведь, происходило и в Германии во время войны. Думали, что люди там, наверху²³, разберутся. Таким образом, как я уже сказал, я нашел немного людей, которые одновременно являются и деловыми людьми, и думают, но если вы найдёте таких людей сегодня, то они, в своих размышлениях, несомненно, придут к тем же выводам о практических деловых отношениях, что вы можете найти представленными в моих «Основных пунктах». Не надо сравнивать мои «Основные пункты» с тем, что содержится в запутанных партийных программах. Эти программы десяти партий, которые сейчас будут избраны в Рейхстаг, - что, ведь, будет невозможной структурой - все они одинаково бесполезны и невозможны. Речь идёт о том, чтобы то, что стоит в «Основных пунктах», сопоставить с действительной жизненной практикой, с тем, что действительно необходимо в реальной жизни. Однако нужно хотеть думать об этой реальной жизни, а не просто быть проповедником старых шаблонов. Но такого рода пропаганда не хочет распространяться, она не хочет действительно проверять то, что [в «Основных пунктах»], разумеется, можно было бы сказать только на нескольких страницах, поскольку, ведь, нельзя сразу же написать целую библиотеку; её читали бы ещё меньше, чем «основные пункты». Вместо того, чтобы сравнивать то, что стоит в «Основных пунктах», с тем, чему можно научиться на фабрике как предпринимателю, как технику, - вместо этого мы возимся со старым, со старыми партийными шаблонами и программами. А практическое, то, что имеют в виду «Основные пункты», это, - вместо того, чтобы сравнивать это с практикой, - сравнивается с чем-то, что как предрассудок гнездится в той или иной голове и считается практикой.

Чего мы должны достичь в первую очередь, так это того, что мы должны решиться работать с пониманием того, что действительно не так просто договориться о связях с общественностью. В то время я попытался написать эту книгу, исходя из требований времени, и должен сказать, что это является для меня горькой пилюлей, горьким опытом, что теперь выступают люди, которые требуют содержание того, что есть в «Основных пунктах», перерубить как капусту и просто процедить на лист бумаги. Поскольку люди хотят этого: они хотят получить на одном листе бумаги или, ещё лучше, просто на короткой листовке то, что уже и так, насколько это возможно коротко, было сказано в «Основных пунктах». Если вы спросите меня, в чем сегодня заключается беда времени, то я отвечаю: именно потому, что сегодня люди всё ещё хотят чего-то подобного. - Не хотят вдаваться в глубины. Но хотят на одном листе, на котором в выжатом, как из капусты, виде, - как это уже появился в виде выжимки из «Основных пунктов», - иметь всё, что нужно было бы тщательно изучить. Пока преобладает такое настроение, на том пути, на котором сегодня обязательно должно быть что-то достигнуто, не будет достигнуто ничего. Разумеется, скоро я опубликую «Основные пункты» таким образом, что в отдельном предисловии будет кратко изложено то, что в них содержится. Но тогда это должно служить, своего рода, подготовкой к чтению всего текста «Основных пунктов». Но тот, кто считает, что он может понять то, что необходимо сегодня, на меньшем количестве страниц [чем в предисловии], у того просто нет сердца для того, что сегодня действительно должно произойти. Это первое, что следует обдумать, если мы серьезно относимся к тому, что мы можем назвать вопросом пропаганды.

²³ Резиденция Верховного командования армией (ОНЛ) была обозначена как Главный штаб. Верховное командование армии было высшим командным пунктом в немецкой армии во время Первой мировой войны, представленным кайзером как верховным военачальником. Фактическим руководителем ОХЛ был начальник Генерального штаба действующей армии — сначала Гельмут фон Мольтке (1914 г.), затем Эрих фон Фалькенхайн (1914–1916 гг.) и, наконец, Пауль фон Гинденбург (1916–1918 гг.). Правой рукой начальника штаба был генерал-квартирмейстер; во времена Гинденбурга это был в основном Эрих Людендорф. Штаб-квартира менялась в зависимости от военной обстановки: Кобленц (1914 г.), Люксембург (1914-1915 гг.), Плессен (1915-1917 гг.), Кройцнах (1917-1918 гг.), Спа (1918 г.).

Ведь, возьмите конкретный факт: наш журнал «Трёхчленность социального организма»²⁴ до сих пор имеет сорок девять номеров. Сорок девять номеров! Возьмите эти сорок девять номеров, прочтите их один за другим, и вы увидите, как много, по сути, мы собрали там всего того, что человечеству прежде всего необходимо знать о вопросе трёхчленности. Мы издали сорок девять номеров. Там действительно есть всё, что надо знать прежде всего. Но нас все равно просят предоставить информацию по тому или иному вопросу. И что мы должны сегодня себе сказать? По сути, у нас есть эти сорок девять номеров «Трёхчленности», но весь материал на данный момент растратился впустую. Разве мы почти не стоим тут перед необходимостью начинать наш журнал с самого начала, что нам нужно снова издать номер один и последующие номера точно такими же, как они появились? После того, как, по сути, многое растратилось впустую, и в головы не вошло ничего, что мы говорили, нужно ли нам постоянно придумывать что-то новое? Ну, в конце концов, слишком много нового они, люди снаружи, требуют от нас не могут. Говорить можно было бы о том, чтобы идею трёхчленности, прежде всего, действительно пропагандировать так, как она есть. Против этого, конечно, стоит очень многое, но всё это многое зависит только от человеческой воли. Необходимо, чтобы души сегодня пробудились, и чтобы серьёзно воспринималось то, о чём, собственно, идёт речь.

Видите ли, это вопрос, который люди сегодня постоянно обходят стороной. Это тот вопрос, из которого с самого начала исходили «Основные пункты», на котором, по сути, должна основываться вся пропаганда трёхчленности, - не функционально, а относительно природы пропаганды. Это знание того, что в так называемом социальном вопросе мы действительно имеем дело не с тем, о чем говорит большинство людей. Ведь, большинство людей, говоря о социальном вопросе, спрашивают: Что нужно делать с тем или иным институтом? Что нужно организовать в той или иной области? Кто рассуждает таким образом, тот вообще не имеет никакого понятия о том, что происходит в наше время, - не имеет понятия по той причине, что он не видит, что вы можете сегодня учреждать самые блестящие организации, и, сделав это, затем очень скоро иметь точно такую же агитацию, которую вы имели до этого. Сейчас настрой человечества таков: Возьмите, к примеру, нынешнюю социал-демократию большинства, которая долгое время была оппозиционной партией. В тот момент, когда эти социалисты большинства пришли к власти, была образована так называемая Независимая социал-демократическая партия. Если бы она пришел к власти, была бы снова сформирована новая оппозиционная партия, - коммунистическая. Если бы пришла к власти последняя, появилась бы новая оппозиционная партия. Сегодня речь идет вовсе не о том, чтобы выдвигать какие-либо предложения для отдельных институтов, а речь идёт о том, что социальный вопрос является сегодня настоящим вопросом человечества, вопросом человеческого достоинства и человеческого сознания.

И будет видно яснее, в чём состоит социальный вопрос, если оглянуться вокруг на странах, где ещё не все рухнуло, но скоро рухнет. Там есть, одной стороны, бывшие правящие круги. Эти круги, прежде всего, видят, что вся деловая жизнь стоит на месте, что на складах скапливаются огромные запасы, что только с трудом можно наскрести достаточно денег для оплаты труда рабочих, и они думают: Если так пойдёт дальше, скоро нечем будут платить рабочим. Но невозможно также и избавиться от [товаров], которые лежат на складах. Ведь, всё это видно, но они думают: Случится какое-то чудо, и всё станет по-другому. Ждут чуда, чтобы не надо было думать о том, что, собственно, надо делать. С другой стороны, там стоят люди, говорящие совсем на другом языке, широкие массы пролетариата цивилизованного мира. Выше охарактеризованные правящие круги не имеют ни малейшего понятия о том, что происходит в этих широких массах. Но в этом пролетариате есть воля, воля, которая облекает свои вопросы в понятия, в идеи, и в тот момент, когда последние осуществляются, они погубят всё, что есть в человеческой цивилизации, всё сметут. И эти

²⁴ Выход первого номера этого журнала был намечен на 8 июля 1919 года; на самом деле, однако, он не появлялся до 11 июля 1919 года; изначально он задумывался как еженедельник.

правящие классы думают, что скоро они смогут вернуться в 1913-ый или в начало 1914-го года, чтобы тогда снова начать там, где они остановились, и тогда из среды этих широких масс охотно найдутся люди, которые снова будут делать ту же работу, которую они привыкли делать раньше. Нет, сегодня мы имеем дело не с вопросом институтов, а с вопросом человечества. И мы должны осознать, что мы уже очень давно не находим ни малейшего понимания среди правящих классов относительно того, в чём состоит их задача. Да, не думаете же вы, что из этой массы разовьется что-либо иное, чем то, что мы, к своему ужасу, должны были испытать здесь, в Штуттгарте, где мы начали пропаганду трёхчленности?

Видите ли, при двух условиях то, что мы начали в апреле прошлого года, очень хорошо могло бы продолжаться, - при двух условиях. Одно заключалось бы в том, что удалось бы, без учета пролетарских вождей, завоевать широкие массы пролетариата для полного понимания происходящего в жизни. Это продвигалось хорошо. С другой стороны, речь шла бы о том, чтобы те, кто имел известное влияние внутри бюргерства, буржуазии, протянули бы нам теперь руку, выказывая нам доверие и говоря себе: тут делается попытка навести мост между пролетариатом и другими.

Что должно было бы произойти? Вы можете себе представить, что дело это непростое, поскольку всем тем, кто говорит сегодня, как Штресеман (Stresemann)²⁵, или ему подобные, или что там ещё косится в ту сторону, - им пролетариат ни при каких обстоятельствах не будет доверять. Но, мои многууважаемые присутствующие, мы были всё же на пути к тому, чтобы иметь возможность просто на разумных основаниях говорить с пролетариатом. И стоило бы буржуазии проявить к нам лишь столько понимания, чтобы сказать нам: хорошо, мы хотим подождать и посмотреть, на что вы способны. Мы признаём, что среди нас есть много людей, которые не могут завоевать это доверие, потому что они его легкомысленно утерjali, но если действовать таким образом, можно навести мост.

Что же произошло вместо этого? Эти люди, которые должны были бы проявить такое понимание, упёрлись как ослы, и заявили: Это люди, которые почти или полностью ведут нас к большевизму! Это люди, которые держатся только пролетариата! - Ни малейшего понимания не удалось найти с этой стороны. И в этих условиях вожди пролетариата, с которыми непозволительно иметь никакого дела, легко сделали этот пролетариат снова нам чуждым. Это то, что привело к неудаче в то время.

И также всё то, что мы могли бы сделать в отношении пропаганды, должно было бы снова потерпеть неудачу, если бы, например, возобладало мнение: Да, то, что стоит в газете для трёхчленности, слишком сложно для понимания. Если мне кто-то это скажет, то я посчитаю своим долгом разъяснить ему это со всей вежливостью, - ведь, с такими людьми обычно надо быть вежливым, - разъяснить ему это со всей вежливостью: Как раз, потому, что всегда так долго пытались найти что-то непонятное вне реальной жизни и постоянно требовали: чтобы писать, надо снизить уровень, - вот поэтому мы так несчастны. И ты являешься представителем тех, кто привёл нас к этому несчастью. Требуя, чтобы писали в соответствии с уровнем понимания, до которого доросла твоя речь, ты проявляешь себя вредителем из круга тех, кто привёл нас к сегодняшней ситуации. - Пока мы не в состоянии, - при всей вежливости, конечно, когда дело касается единичного случая, - пока мы не в состоянии найти достаточно людей, у которых, наконец, хватит духу сказать: Должно прийти новое утро с новыми людьми: всё, что осталось от этих ужасных старых партий, должно быть сметено; должно возникнуть нечто совершенно новое! - до тех пор все речи о самых действенных средствах пропаганды просто коту под хвост.

Сегодня мы живем не в то время, когда как-то действуют мелкие средства, а мы живем во время, когда крайне необходимо, чтобы подключилось достаточно большое количество людей, говорящих на одном языке и имеющими одни и те же мысли, - а не просто

²⁵ Густав Эрнст Штресеман (нем. Gustav Ernst Stresemann; 10 мая 1878, Берлин - 3 октября 1929, там же) - немецкий политик (Немецкая народная партия), рейхсканцлер и министр иностранных дел Веймарской республики (прим. пер.)

воодушевлённые. Я думаю, мои многоуважаемые присутствующие, что многие задаются вопросом, почему, собственно, всё развивается так, в стиле крещендо, когда употребляются всё более и более сильные слова, в том числе и мною. Это имеет очень простую причину. Просто задумайтесь на мгновение: Если приняты меры для того, чтобы часть человечества пробудилась, и если заметно, как всё больше и больше людей погружаются в мягкую дремоту, то при том, что вы должны сказать, ваш голос усиливается, поскольку вы инстинктивно пытаетесь преодолеть потребность во сне у этих людей. И что касается необходимого понимания социальных вопросов современности, мы действительно не можем сказать, что потребность наших собратьев во сне в последнее время уменьшилась. Ведь, даже внутри нашего движения люди берутся за дело с неверного конца. Я недавно читал одну лекцию об идее трёхчленности, о необходимости поставить духовную жизнь на свой собственный базис. И мне необыкновенно доброжелательно, благонамеренно возразили: Здесь, у нас, собственно, нет надобности сетовать на несвободу в духовной жизни; мы обладаем высокой степенью свободы духовной жизни; государство, собственно, очень мало вмешивается в то, что мы предпринимаем в области школьного образования.

Мои многоуважаемые присутствующие, люди, которые так говорят, это лучшее свидетельство тому, насколько необходимо освобождение духовной жизни. Поскольку те, кто ещё чувствуют, насколько они несвободны, можно использовать ещё лучше. Но те, кто уже даже не чувствует своей несвободы, кто считает уже закаченные в голову государственные воспитательные идеи своей внутренней свободой и не имеют никакого понятия о том, как далеко заходит народно-педагогическое рабство, - это те, кто, собственно, всё останавливает. Эти вещи надо схватывать, как раз, с правильного конца. Те, кто бессознательно принимает рабство за свободу, это те, кто естественным образом не позволяют нам двигаться вперед. Таким образом, надо сказать: Прежде всего, речь идет о том, чтобы понять, что утеряно всякое взаимопонимание между широкими массами и теми, кто долгое время имел задачу говорить в мире так, чтобы эти широкие массы сегодня не представляли в своих газетах, и так далее, те взгляды, которые они представляют. А именно, нельзя полагать, что какая-либо [действительная духовная жизнь] придёт от широких масс пролетариата.

Недавно, на Пятидесятницу, в одной другой стране я читал социалистическую газету. Там были курьёзнейшие статьи о Пятидесятнице, где отклонялось всё, что касается духа, и указывалось, что единственный дух тот, что исходит из широких масс. Благодаря этой пятидесятнической статье в социал-демократической газете с большевистским оттенком, чувствуется такое воодушевление, что можно себе сказать: теперь я должен где-то принять этот дух, который, как дым, поднимается из широких масс. - Да, мои многоуважаемые присутствующие, если затем приняться что-то только думать, не говоря уже о том, чтобы постичь этот дух широких масс, то возникает чувство: Это гораздо худшее суеверие, чем то, что видит в каждом кусте, в каждом дереве какого-нибудь демона, эльфа или что-то подобное. Современные люди понятия не имеют, в каких формах суеверий они живут на самом деле. И к чему это в итоге приводит? Видите ли, это приводит к тому, что людям очень удобно думать о том, каким образом действительно должна быть построена новая духовная жизнь. Это стало можно основательно пережить только последние десятилетия. Если вы отважитесь призывать людей к тому, что теперь должна быть построена новая духовная жизнь, то в лучшем случае вы найдете людей, которые решат, что, помимо всего остального, что они делают в жизни, надо добавочно выделить для этого нового духовного движения воскресный день, или вечер работы в антропософской группе, или время на чтения антропософских книг. Но чтобы они решились искать связь между этим новым духовным движением и тем, чем они занимаются в жизни кроме этого, - такого не произойдёт.

Но есть также много, очень много других людей, которые приходят и говорят: Да, то, что ты хочешь, по сути, хотят также и лучшие католики, и лучшие протестанты; тут был один пастор, так вот, он говорил с кафедры вполне в антропософском смысле; по сути, то, что ты ищешь, можно найти и там, и здесь. - Людей, которые хотят пойти на компромисс до той степени, что, собственно, хотели бы позволить опустить антропософию в то, к чему люди

привыкли, - таких людей очень много. Людей, которые по отношению к тому, к чему необходимо стремиться, как раз, в духе вчерашней публичной лекции отдают дань уважения также и принципу: «Помой мне мех, но не на каплю не намочи», — таких людей сегодня особенно много. И до тех пор, пока мы не получим возможности донести до как можно большего числа голов, что прежде всего необходима новая духовная жизнь, - духовная жизнь, которая охватывает всё, - мы вперёд не продвинемся. Если у нас будет эта новая духовная жизнь, если нам не надо больше будет бороться с непонимающими интеллектуалами, тогда у нас снова будет нечто, что может говорить с людьми так, чтобы это могло воздействовать на социальные факты.

Мои многоуважаемые присутствующие, люди должны только представить себе однажды, какое воздействие может иметь слово. Вы смотрите сегодня на весь цивилизованный мир, насколько он доступен, когда вы едете поездом или автомобилем, вы повсюду видите деревни и города, и в этих деревнях и городах вы видите церкви, строящиеся церкви. Ещё совсем недавно всех этих церквей не было. В первые столетия нашего христианского летосчисления с этими рассеянными повсюду церквями в Европе было совсем иначе. Немногие тогда выступали среди человечества, хотя и среди более свежего, менее спящего человечества, и эти немногие своими словами сделали возможным сегодняшней облик Европы. Если бы люди, которые привели к этому, были настроены так же, как эта дюжина вождей наших четырнадцати партий, то совершенно определённо, не было бы построено даже дюжины церквей. В конце концов, именно внутренняя сила духа должна создавать социальные факты. Но тогда эту внутреннюю силу духа должны нести люди, которые действительно имеют мужество её нести. И сегодня мы стоим перед фактом, что старая духовная жизнь, основанная в своем содержании в то время, может поддерживаться только насильственными мерами, предрассудками, привычкой, и что, по сути, если взглянуть на неё честно, она удержаться не может, что она должна быть заменена новой духовной жизнью; мы никак не сможем продвинуться вперёд иначе, как посредством замены её на новую духовную жизнь. Любого рода компромисс сегодня невозможен. И пока мы не поймём, что на место всех этих старых вещей необходимо поставить нечто совершенно новое, что, однако, исходя из духа, развивает силу для социального формирования, мы не продвинемся дальше. Поэтому, мои многоуважаемые присутствующие, я рассматриваю в известном смысле как довольно маловажное то, что говорят о способах и интенсивности пропаганды, - всё это может, с известной точки зрения, быть и очень хорошим, и смехотворно плохим. Речь идёт не об этом, а речь идёт о том, - что я снова и снова повторял в нашей газете для трёхчленности, - чтобы найти достаточное количество людей, которые решат мужественно представлять наши идеи, а не приходиться снова и снова с рутинной старого.

Теперь, мои многоуважаемые присутствующие, мы стоим в центре оснований, которые сводятся вместе под этим «Грядущим днем». Что мне при этом чаще всего бросается в глаза, так это то, что приходят люди, причём с самыми благородными намерениями, и говорят: Да, вообще-то это надо делать совсем по-другому, тут тебе надо пригласить специалиста, тут надо позвать практика. - Это самое плачевное, что переживаешь, когда поддаешься на такое требование. Поскольку такое требование, собственно, показывает, что делается попытка насадить нам старую, непрактичную рутину. Речь идёт не о том, чтобы насадить в наши институты старых, так называемых, практикующих, а в том, чтобы понять: те, кто сегодня имеют лучшую репутацию в какой-то области, поскольку они знают, как обращаться со старой рутинной, для нас наименее полезны. И лучше всего годятся те, кто готов выполнять новую работу, исходя из самой непосредственной, внутренней инициативы, и кто не гордится тем, чему научился, исходя из старых условий. Не отбросив это представление того, что было верно при старых условиях, мы ни в коем случае не продвинемся вперёд. Это то, что мы сегодня должны понять. И, наконец, я скажу вам: Давайте пропагандировать, прежде всего, то, что мы действительно пытались создать больше года. Не надо всегда пытаться быть сверхумным, просто желая придать старому какой-то другой вид и, простите за выражение,

облизывать пальчики от того, какой вы умный, и думать: они всё начинают делать непрактично, тут надо поступать так-то и так-то.

Только попробуйте [представить], что это значит, что сорок девять номеров газеты для трёхчленности растрчены впустую. Почему они растрчены впустую? В действительности газета для трёхчленности сегодня должна была продвинуться так далеко, что мы могли бы издавать её каждый день как ежедневную газету. Почему я говорю это? Потому что сегодня я должен, фактически, стоять на той же точки зрения, что и в апреле и мае прошлого года, когда мы начали это дело. Думаете, это была фигура речи, фраза, когда я заканчивал тогда большое количество выступлений словами: Решайтесь на что-нибудь, пока не поздно! - Тогда речь шла о том, чтобы определить для некоторых вещей правильный временной пункт. Для многих вещей сегодня это уже поздно. Сегодня мы, конечно, не можем продвигаться теми путями, на которых пытались делать всё возможное в то время. Сегодня речь идёт совершенно не о том, чтобы пускаться в дискуссию со всеми хранителями старого, - принадлежат они к каким-либо верованиям, или партиям. Сегодня речь идёт о том, чтобы мы твердо стояли на почве того, что мы должны сказать, и донесли это до как можно большего числа людей. Иначе мы не добьёмся прогресса. Поскольку для многих вещей уже просто слишком поздно. И при известных обстоятельствах скоро будет слишком поздно для некоторых вещей, которые ещё могут произойти, а именно для распространения наших идей; если мы снова и снова будем заниматься только чем-то второстепенным, и не перейдём к главному: распространению наших идей.

Я говорил ранее: то, что мы основали как «Грядущий день», ведь, по сути, может быть лишь неудовлетворительным суррогатом. Почему же? Как раз, потому, что у нас нет иллюзий, что мы можем быть практичными, без опоры на практические дела. Мы пытаемся быть экономически активными, но тут приходят люди и спрашивают: Хорошо, а как же тогда организовать лавку для специй, чтобы он как можно лучше вписался в трёхчленный социальный организм? - Конечно, мы хотим в «Грядущем дне» создать хозяйственные предприятия, но тут речь идёт о том, чтобы действительно браться за дело практически. А как сегодня браться за дело практически, если говорится: Если я управляю предприятиями определенного типа, то для того, чтобы иметь возможность управлять им рационально, я должен иметь и другую группу предприятий, - например, наряду с определенной группой индустриальных предприятий я должен иметь определенную группу сельскохозяйственных предприятий. Да, можете вы это сделать? Ведь, всё это сегодня невозможно. Государство не позволит вам создать такое практическое предприятие. Настолько велика сегодня власть государства. Дело тут не в непрактичности, а в том, что насилие с другой стороны делает это невозможным.

Поэтому те люди, которые реально стоят в какой-либо сфере экономической жизни, должны говорить сегодня не о второстепенных вопросах, а должны говорить о том, как различные экономические профессиональные слои, экономические ассоциации вообще могли бы уйти от того, чем является политическое государство, как они могли бы выделиться из него. До тех пор, пока, например, техники, пока те или иные люди думают только о том, чтобы сделать всё возможное, чтобы наилучшим образом вписаться в текущую государственную жизнь, мы не продвинемся дальше. Мы продвинемся дальше, только если будем дискутировать о том: как нам освободиться? Как нам создать действительно свободную хозяйственную жизнь, в которой всё будет организовано не сверху вниз, а будет ассоциировано, где одни профессиональные слои будут практически интегрированы в другие? Ведь, сейчас в практических дискуссиях не содержится ещё даже самых начал трёхчленности, а продолжают вестись разговоры вокруг приспособления к существующим условиям. Но вся эта болтовня не ведёт сегодня ни к чему. Давайте защищаться от людей, которые снова и снова говорят: а как же насчет того или этого? - Мы сможем говорить разумно только тогда, когда продвинемся в трёхчленности немного дальше, когда мы действительно окажемся внутри этой пропаганды трёхчленности, что достаточно большое количество хозяйствующих людей будет знать: Мы вообще не можем говорить ничего

разумного, пока ещё рассчитываем на то, что хозяйственная жизнь будет осуществляться для нас государственными организациями. Только в той мере, в какой человек стоит в свободной экономической жизни, не имеющей ничего общего с политикой, можно говорить разумно, - до этого это бессмысленно. Точно так же нельзя говорить о реформах духовной жизни, пока не будет ясно, что о них вообще нельзя начинать говорить, пока не стоишь внутри свободной духовной организации. Нужно, по крайней мере, осознавать: пока находишься внутри духовной организации, зависящей от государства, до тех пор нужно говорить глупости, до тех пор реформироваться нельзя. Смотрите, этим я резко обозначил пункт, от которого всё зависит. Речь идёт не о мелочах, а о великом. И, чем больше это будет понятно, тем быстрее мы достигнем области жизненной практики.

Вы скажете: что же мы теперь имеем, после такой филиппики о том, как нам вести пропаганду? Но если вы поразмыслите над тем, что я сказал, вы обнаружите, что, пока люди, в том числе и в наших кругах, говорят о мельчайшей форме пропаганды, - я хотел бы назвать ее пропагандой «двадцати семи крейцеров²⁶», как говорят в Австрии, поскольку там когда-то были созданы магазины, где каждый товар можно было купить за двадцать семь крейцеров, - до тех пор мы вперёд не продвинемся. Мы продвинемся вперёд только тогда, когда мы обретём сердце и чувство для великих движущих сил, поскольку сегодня важны именно они.

Ну, мои многоуважаемые присутствующие, я уже много напрасно говорил в том направлении, что всё зависит от этих великих движущих сил. Но я никогда не устану снова опираться в главном на то, что я против всего того, что хочет сегодня идти на компромиссы и вязнуть в мелочах. Я буду не уставать снова и снова указывать на то, насколько сегодня необходимо эти огромные, движущие мир вопросы действительно доводить до понимания широчайших масс. Вот почему я всегда чувствую себя обязанным проводить публичные лекции в том же стиле, что и вчера, и возражать всем этим сверхумным людям, которые говорят, что нужно говорить с массами яснее. Они имеют в виду при этом самих себя, свой собственный уровень. Я буду всегда представлять мнение: эти люди, которые так говорят, являются, как раз, самыми вредными, - это те, кого мы должны преодолеть.

А для этого надо иметь мужество сказать себе: Да, надо основать нечто совершенно новое. Как я недавно писал в нашем журнале, старых партий, по сути, больше нет, они существуют ещё только в виде лжи и фраз, и состоят из людей, которые, не зная ничего нового, облачаются в драпировку лозунгов старых партий. Вся партийная деятельность, в том числе и последних дней, как раз, доказывает, насколько необходимо новое, в самом радикальном смысле.

После выступления Рудольфа Штейнера, с различными предложениями и вопросами выступают различные участники:

Зигфрид Дорфнер (Siegfried Dorfner): Из того, что произошло в последние дни, становится очевидным: то, что исходит от партий, - ни что иное, как мелочная бессмыслица. Нужна основательная критика всей прежней политики партий. Речь идёт о пропаганде истинного. В этом отношении примечательна бескомпромиссная позиция иезуитов. Они провозглашают: Даже если большое количество верующих отвернутся от церкви, главное, чтобы не была потеряна ни одна истина. Для иезуитов важно только сохранение своих истин, и больше ничего. Не нужно было бы и в отношении пропаганды трёхчленности занять подобную позицию? Нельзя, ведь, рассчитывать на мышление людей; в массах нет никакого мышления. Так или иначе, выход должен быть найден, исходя из жизни. Надо обращаться к людям, стоящим у машин. Можно рассчитывать на их доверие, но только до тех пор, пока сам стоишь в том же классе.

²⁶ Кре́йцер (нем. Kreuzer, [крóйцэр]; венг. Крајсáр, в стар. орф. Krajczár, [крóйцар]) - название медных и серебряных монет ряда стран Центральной Европы и Италии XIII—XIX столетий (Википедия, прим. пер.).

Господин Розер (Roser): Воздействие передаётся, фактически, только от человека к человеку. Люди хотят эту идею трёхчленности не читать в газете, а они хотят узнать о ней, исходя из личных связей. Прошёл год с тех пор, как были предприняты усилия по реализации идеи трёхчленности. Если тогда кто-то и потерпел неудачу, так это класс буржуазии; он ответственен за провал этих усилий. Нельзя винить обстоятельства; неудачу всегда терпят люди.

Один из участников: Что Доктор Штейнер думает о том, как трёхчленность соотносится к синдикализму?

Другой участник: Я хотел бы спросить, что Доктор Штейнер имел в виду, когда говорил, что трёхчленность может продолжать распространяться, исходя из организации «Грядущий день»?

Георг Герберг (Georg Herberg): Сначала к вопросу о правильной пропаганде. Надо разработать практические решения с точки зрения трёхчленности, например, по вопросу об одежде и жилье, чтобы у людей было что-то практическое. За решение жилищного вопроса отвечают, собственно, государственные архитекторы, дипломированные инженеры. Но здесь возникает другая важная проблема: в нашем обществе господствует дисбаланс между техниками и юристами. Юристы занимают ведущие позиции; они задают тон в политических решениях. От них исходят громкие слова, от них звучит назидательная речь. То, что представляют юристы, и то, что представляют техники, должно срастись. Цепь между производством, транспортировкой и потреблением товаров также должна быть замкнута; и именно техник отвечает за область производства. Для того, чтобы иметь возможность правильно воспринимать интересы и задачи техников в обществе, необходимо создать «Академический совет для техников».

Роберт Вольфганг Валлах (Robert Wolfgang Wallach): В принципе, это удручает, что в связи с трёхчленностью вообще существует пропагандистский вопрос. Мы должны были бы настолько живо нести в себе эту идею, что могли бы иметь возможность оказывать прямое влияние на людей, просто говоря с другими как человек с человеком. Дворнику нужен хозяин дома, а хозяину дома нужен дворник; оба зависят друг от друга. Поэтому не должно происходить так, что дворник косо смотрит на хозяина дома и наоборот.

Рудольф Штейнер: Мои многоуважаемые присутствующие! В этой дискуссии, к сожалению, слишком мало сказано о самой идее трёхчленности, - лишь о многих других вещах. Я хотел бы всё же вернуться немного назад к этой идее трёхчленности и к тому, что с ней связано, выделив отдельные вопросы, которые были рассмотрены, и, таким образом, вернувшись к лекции.

Так был поставлен вопрос о том, как я отношусь к синдикализму²⁷, или, как к нему относится трёхчленность.

²⁷ Синдикализм рассматривал себя как свободно-революционное профсоюзное течение, которое не только отличалось от традиционных профсоюзов, деятельность которых рассматривалась как стабилизирующее «капитализм», но и противостояло парламентскому представительству интересов рабочих социал-демократическими партиями. В качестве долгосрочной цели синдикализм выступал за социальную революцию, освобождение от господства капитала и государства через формирование самоуправляющихся рабочих коллективов. Он придерживался тактики прямого действия — забастовки, бойкота, саботажа — используя всеобщую забастовку как средство массовых социальных потрясений. Синдикализм впервые появился во Франции в начале 20 века; В Германии, начиная с 1908 года, очень маленькая профсоюзная организация «Свободный союз германских профсоюзов» основывалась на синдикалистских принципах. В 1919 году эта организация получила большое количество членов, особенно в Рурской области, и была создана по всему Рейху как «Союз свободных рабочих Германии (синдикалистов)», с 1921 года с новым дополнением «Анархо-синдикалисты» FAUD. Это должно было выразить тесную идеальную связь с

Смотрите, мы постарались - действительно - соотнести себя с самыми разнообразными течениями. Я сам должен был бы ещё и сегодня сказать то, что я часто говорил о синдикализме, что, ведь, в определённых синдикалистских кругах живёт сознание того, как сильно связаны отдельные профессиональные слои, отдельные профессиональные отрасли и так далее, то есть, синдикалистские мысли могут быть определенным путём, по крайней мере в хозяйственной жизни, к чему-то плодотворному. Всё это я полностью признаю, например, также то, что синдикализм стоит в менее рабском отношении к идее государства, чем, например, обычный марксистский социализм. Это я тоже полностью признаю, и часто говорил об этом. Только я хотел бы сказать: Все эти направления, - я не говорю современные, - ведь, все эти направления принадлежат не настоящему, а прошлому, и только проглядывают в настоящем, поскольку люди, называвшие себя так [согласно какому-либо направлению], определенно не могли переучиться. Можно сказать, что все партийные шаблоны, собственно, утратили свой смысл по-отношению к условиям современности. Только люди, которые раньше принадлежали к этим делам, которые характеризовались этими партийными шаблонами, ещё не дошли до того, чтобы называть себя как-то иначе, чем [именами] старых партийных шаблонов. Видите ли, до 1914-го года ещё был некоторый смысл в том, чтобы люди называли себя такими именами, как, например, господин фон Хейдебранд (Heydebrand) до сих пор называет себя «und der Lasa²⁸» и так далее. Но сегодня это не имеет смысла. Поэтому и сегодня удержание таких прошлых вещей, как синдикализм, больше не имеет никакого реального смысла.

И до тех пор, пока можно было попытаться достучаться до людей, чей мозг ещё можно было считать достаточно «мягким», чтобы преодолеть эти старые партийные стереотипы, это делалось. Но необходимо чему-то научиться и из обстоятельств. И сегодня действительно необходимо срочно научиться чему-то из обстоятельств. И поэтому я должен сказать, что сегодня я уже совершенно не чувствую остроты вопроса «Как я отношусь к синдикализму?», но поясню вам: Я пытался также занять позицию в отношении синдикализма, то есть, найти внутри синдикализма людей, которые, с помощью своего ещё «мягкого» мозга, были бы способны понять трёхчленность, - но и это было напрасно. Поэтому сегодня надо говорить так, - как я сделал это сегодня вечером, - чтобы стоять на твёрдой почве трёхчленности, и не заботиться о прочем. Поскольку речь сегодня идёт о том, что мы должны найти достаточно большое количество людей, которые понимают трёхчленность; из какого они лагеря, из синдикалистского или из другого, нам это безразлично. Сегодня нас больше не заботит то, как трёхчленность стоит к синдикалистам, а мы ждём, какую позицию синдикалисты хотят занять по отношению к трёхчленности. За последний год мы поняли, что всё остальное, - это нечто преходящее, и сегодня действовать могут только те, кто может чему-то научиться.

Затем был задан вопрос, как нам представлялось то, что трёхчленность может распространиться, отталкиваясь от организации «Грядущий день».

Тут я прошу вас всё же иметь в виду, как раз, при рассмотрении такого отдельного вопроса, что идея трёхчленности является в целом чем-то вполне практическим, а не парящим в каком-нибудь голубом тумане; здесь речь идёт о чём-то конкретном. «Грядущий день» был основан потому, что стало понятно, что сегодняшняя обычная банковская система в ходе 19-го столетия постепенно стала разрушительным элементом нашей хозяйственной жизни. На это я указывал также, когда присутствовал на учебном вечере в последний раз. Я

либеральным анархизмом Петра Кропоткина. Характерной чертой FAUD (AS) было неприятие политики социалистических партий, не только СДПГ и УСПГ, но и КПГ, чей авторитарный партийный коммунизм не встречал одобрения. Точно так же была отвергнута деятельность Всеобщей конфедерации профсоюзов Германии. В 1922 году в Берлине был основан синдикалистский интернационал «Международная ассоциация рабочих» (МАА). Но это никогда не могло бы приобрести большего значения; последний Конгресс МОТ проходил в Тулузе в 1951 году.

²⁸ Вильгельм Адам Сигизмунд фон Хейдебранд и Лаза (родился 26 августа 1849 года в Нассаделе; † 14 марта 1908 года там) был президентом правительства и членом немецкого рейхстага. Он происходил из старинной силезской дворянской семьи; нет четкого объяснения происхождения обозначения «und der Lasa» (прим. пер.).

показал, что начиная примерно с первой трети 19-го столетия деньги играли в хозяйственной жизни современной цивилизации такую же роль, как абстрактные понятия в нашем мышлении, что они постепенно стёрли всякое конкретное стремление, что они как завеса закрыли то, что должно переживаться в экономических силах. И поэтому сегодня возникает потребность основать нечто такое, что является не просто банком, а тем, что концентрирует экономические силы таким образом, чтобы они были и банком, и одновременно вели конкретное производство²⁹. То есть, возникает необходимость основать нечто такое, что объединяет действительно конкретное хозяйствование и организации этих хозяйственных отраслей, подобно тому, как иначе хозяйственная жизнь объединяется в банке, но только, не принимая во внимание экономические обстоятельства, только абстрактно. Это означает, что здесь, в «Грядущем дне», предпринимается практическая попытка преодолеть ущерб денежной системы.

Сегодня мы видим, что самые разные люди, товарищи (Gesell) и прочие, - ведь, в жизни бывают странные «товарищи», - машут сегодня руками и говорят о свободных деньгах. Это утописты. Это абстракционисты. Речь, ведь, идёт о том, чтобы посредством познания практической жизни понимать, где, собственно, лежит ущерб. И один из видов такого ущерба лежит в том, что банковская система экономически сформирована так, какова она есть сегодня. Внутри хозяйственной жизни банковская система стоит сегодня так, как мысли стоят в душевной жизни человека, который сразу всё превращает в абстракции, и который не заботится об отдельных конкретных вещах, с которыми имеет дело, а всё превращает в высокие абстракции. Человек, который всё превращает в высокие абстракции, - а это большинство сегодняшних людей, - такой человек никогда не придёт к настоящему пониманию действительности. Видите ли, подобные абстракции вы можете сегодня слышать каждое воскресенье с каждой кафедры. Такие абстракции, с которыми люди чувствуют себя так невероятно комфортно, поскольку на воскресное время они могут выпасть из жизни в сон, не имеют больше ничего общего с жизнью. И то же самое, что для индивидуальной душевной жизни есть лишённая существа абстракция, улетающая в заоблачную страну, - то же для хозяйственной жизни есть банковская система, которая изживает себя только в деньгах.

Поэтому, проведя эксперимент в малом масштабе, - который, я надеюсь, перерастёт в очень крупный, - можно было бы устроить так, что деньги, как бы, возвращались в хозяйствование, а хозяйствование приводило бы к деньгам, так что деньги снова стали бы тем, что служит облегчению хозяйствования и приведению его в движение. Как наши мысли должны служить не тому, чтобы возносить нас на абстрактные высоты и наслаждаться этим, а для того, чтобы мы приводили в движение конкретные факты жизни, точно так же речь идёт о том, чтобы мы вкладывали деньги в действительную экономическую жизнь. Мы хотим заниматься отраслями экономики, а не только сидеть в банке и проворачивать денежные дела, поскольку денежные дела сами по себе наносят величайший вред нашей хозяйственной жизни, начиная с 19-го столетия и начала 20-го. Таким образом, «Грядущим днём» просто была подхвачена практическая идея. И пока не осознаётся то, что здесь речь

²⁹ В ноябре 1919 года Рудольф Штейнер написал меморандум (в GA 24) относительно «предприятия, которое должно быть основано», в котором он более подробно объяснил эту идею. Он писал об основной направленности такой альтернативной компании: «Оно должно отличаться от обычных банковских предприятий тем, что оно должно служить не только финансовой точке зрения, но и осуществлять реальные операции, которые поддерживаются с финансовой стороны. Поэтому должно быть особенно важным, чтобы кредиты и т. д. осуществлялись не так, как это делается в обычной банковской системе, а, исходя из конкретных (sachlichen) точек зрения, которые входят в рассмотрение для предпринимаемой операции. Таким образом, банкир должен иметь характер не столько кредитора, сколько вовлеченного в дело бизнесмена, который может здраво оценить масштаб операции, подлежащей финансированию, и с чувством реальности принять меры для ее выполнения». В связи с созданием немецкого «Грядущего дня A.G. (Акционерное Общество)» и швейцарского «Futurum A.G.» были предприняты попытки претворить эту идею в жизнь.

идёт о совершенно практическом осмыслении идей, вплоть до мельчайших подробностей, не будет также понят и Союз для трёхчленности социального организма.

А теперь я хотел бы обратить ваше внимание на то, что немного связано со всем тоном, который я сегодня пытался задать, на ту сторону, о которой говорил господин Дорфнер, - на иезуитов. Тут, хотя и для дела, с которым я действительно не хочу иметь ничего общего, обнаруживается эффективный способ представления вещей. С этой стороны вы всегда можете услышать: И если отпадут тысячи и тысячи наших последователей, если мы потеряем тысячи и тысячи, нам все равно. Но нам не всё равно, если мы потеряем даже одну единственную истину! - С этой стороны, на которую указал господин Дорфнер вы постоянно можете слышать: Пусть отпадут тысячи и тысячи, но нельзя потерять ни одной истины. - То, что здесь, где говорится для дела, с которым я действительно не хочу иметь ничего общего, имеет место очень действенный вид пропаганды, - это можно видеть. Таким образом, можно было бы встать на позицию: не надо иметь много последователей, но надо уметь отстаивать свои истины, не идя на компромиссы, никуда не смотря ни на что [и не думая], и ты добьёшься того же. О такого рода пропаганде при трёхчленности речи не идёт. Здесь речь идёт о том, чтобы завоевать как можно больше людей для того, что содержит трёхчленность, - во истину не потому, что ты влюблён в трёхчленность или потому, что такой упёртый, а потому, что ты понимаешь, что это единственный путь вперед.

Ну, пожалуй, нет необходимости вдаваться в то, что господин Доктор Герберг говорил о «дипломированных архитекторах» и «государственных архитекторах» и их диспропорции с юристами. Это вещи, которые, благодаря самым элементарным дискуссиям Союза, давно улажены. И, не правда ли, это совершенно невозможно, чтобы, дискутируя в смысле трёхчленности, мы, как бы, целиком стояли вне почвы трёхчленности. Ведь, согласитесь, это произвело бы странное впечатление, если бы мы говорили, например, о свободной духовной жизни и затеяли дискуссию о том, не было бы теперь правильным заменить старые обозначения лиц, работающих в гимназии, такими званиями, таким титулом, как «Учебный ассессор³⁰» и так далее. Все эти вопросы уходят корнями в старую политическую систему. То же самое и с «государственными архитекторами»; вопрос не в их положении по-отношению к юристам. Поскольку в тот момент, когда мы входим в трёхчленность, уже больше нельзя говорить об «государственных архитекторах», а тогда мы стоим на почве того политического государства, которое строго демократическим образом охватывает то пространство, где каждый совершеннолетний человек рассматривается как равный любому другому совершеннолетнему человеку. Тогда не может быть речи том, как это демократическое государство будет вести себя по отношению к тому, кому будет дан такой титул и ему подобным. В общем, мы должны привыкать чуть больше входить в реальность.

Видите ли, ведь, с вами может происходить в жизни многое, и вы можете вспомнить множество переживаний. Например, я однажды встречался с одним социалистом, который был хорошим социалистом, и я говорил с ним об очень, очень высокопоставленном правительственном чиновнике. Я считал этого очень, очень высокого государственного чиновника совершенно неспособным, совершенно невозможным человеком. И я сказал, что, по моему мнению, [лучшее] для этого очень высокого государственного чиновника было бы, если бы он уволился с работы и стал дворником, - это была бы для него более подходящая работа. Вы бы видели, как ужаснулся этот социалист при мысли о том, что такая известная личность должна была бы стать дворником. Да, конечно, это была только мысль, но мне кажется, что она указывает на большую реальность, чем та мысль - уж, простите меня, - которая была только что высказана: хозяин дома не должен косо смотреть на дворника, а дворник - на хозяина дома! - Да, мы действительно не решаем социальный вопрос тем, что не смотрим друг на друга косо. Ведь, при нашем нынешнем социальном порядке домохозяин

³⁰ Ассэсор (лат. assessor — «заседатель») — в Древнем Риме и средневековой Европе должностное лицо, облечённое судебной властью. В современном мире ассессоры — это аттестаторы, которые участвуют в процессе независимой оценки соответствия: аттестации персонала, рабочих мест, процессов, систем менеджмента качества и других видах аттестации и оценки соответствия (прим. пер.)

действительно нуждается в дворнике, а дворник нуждается в домохозяйине, но если они просто не косятся друг на друга, социальный вопрос, всё же, решён не будет. А воображает себе человек что-то или нет, - это, в конце концов, вопросы, которые, по сути, не имеют абсолютно ничего общего с объективностью и серьёзными реалиями современной жизни. Речь действительно не идёт о том, чтобы просто объяснить людям, что домовладелец нуждается в дворнике, а дворник - в домовладельце. Тут у нас всё же всегда есть на заднем плане немного от идеи: дворник должен оставаться дворником, а домовладелец должен оставаться домовладельцем, они только не должны смотреть друг на друга косо, - что, безусловно, легче удастся домовладельцу, нежели дворнику. Но я считаю, что со всеми этими вещами, от которых сильно пахнет морализмом, мы сегодня не выйдем на правильный путь, поскольку дело не только в том, чтобы не смотреть друг на друга косо, а в том, чтобы приложить усилия, чтобы стало по-другому, чтобы мы снова достигли понимания [друг друга] вне всяких классов. И это понимание приведёт к тотальной трансформации жизни, не просто к переходу от того, чтобы коситься или не коситься, а к совершенно другим вещам. И просмотрите то, к чему стремится идея трёхчленности, и вы увидите, что, фактически, выйдет то, к чему человечество должно сегодня стремиться, если оно что-то понимает в том, что хочет реализоваться в мировой истории. И надо смотреть сегодня на такие вещи, а не на что-то просто морализирующее, что, в свою очередь, связано со старыми формами, ещё изживаемыми в современной общественной жизни. Нет, сегодня нам должно быть ясно, что мы нуждаемся в новой духовной жизни, которая вырастает из почвы самой этой духовной жизни. Как бы плохо ни была проведена в жизнь трёхчленность в деталях, нужно всё же снова и снова повторить, что эта трёхчленность стоит на земле: только переосмыслению, только преобразованию человеческих мыслей и чувств, вплоть до глубин души, мы будем обязаны улучшению, и ничему больше.

ЧЕТВЁРТЫЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР

Штуттгарт, 16 июня 1920 года

Вопрос земли с точки зрения трёхчленности

Рудольф Штейнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Сегодня я хотел бы говорить о трёхчленности социального организма таким образом, чтобы точки зрения, которым будут посвящены мои замечания, могли пролить некоторый свет на то, что, исходя из народно-хозяйственных фактов, в новое время было названо земельным вопросом. Ведь, особенность идеи трёхчленности состоит в том, что, благодаря ей, можно научиться видеть, что определённые дискуссии и агитации в старом стиле должны прекратиться, если мы вообще хотим плодотворным образом продвинуться дальше, - поскольку, ведь, эти дискуссии и агитации развились из обстоятельств, которые привели нас к упадку.

Земельный вопрос представляет собой нечто, что широкие круги очень интересуют, поскольку цена, а также возможность приобретать и использовать землю тесно связаны с человеческой судьбой, с условиями жизни человека. Не правда ли, то, как цена земли включается в то, что надо платить за квартиру, заложена в цену на продукты питания, - это, ведь, непосредственно чувствует каждый. Стоит только немного подумать, и вы обнаружите, что то, что исходит от земли, в хозяйственном отношении оказывает влияние на все другие условия. От цен на землю зависит то, сколько надо платить за продукты питания, то, какую

оплату должен получить человек определённой профессии и так далее. Однако не только эти непосредственно затрагивающие людей вопросы жизни связаны с отношениями человечества с землёй, но и многие, более далеко идущие культурно-цивилизационные отношения. Нам надо подумать только о том, как с землёй связаны отношения деревни с городом, как связано то, что затем обуславливает трудность или лёгкость жизненных условий в городе, с условиями в деревне. Из последних, в свою очередь, выходит то, что может развиваться в самом городе. В зависимости от того, насколько благополучно, относительно богатства и условий жизни, обстоят дела в городе, посредством определенных отношений деревни и пригорода с городом, преимущественно в городе развивается, ведь, также и то, что мы называем публичной духовной жизнью, - по крайней мере, в наших современных культурных условиях нового времени. Одиноким мистиком можно, конечно, стать и в деревне; но в целом, во всей связанности научной деятельности, технической деятельности, художественной деятельности нового времени, можно стоять, по сути, только если иметь какую-то связь с городской жизнью. Это, ведь, то, что непосредственно выходит даже из поверхностного наблюдения за жизнью. Можно было бы упомянуть и многое другое, что показало бы, как земельный вопрос, - а вместе с ним и вопрос об отношении города к деревне, - глубоко врежется во все наши культурные отношения. Поэтому и вопрос о земле должен быть каким-то образом связан с тем, что привело нас к упадку этих культурных отношений.

Ну, новейшее рассмотрение земельного вопроса связана, ведь, особенно с тем, что несправедливость повышения стоимости или цены земли стало замечаться большим числом людей. Просто было замечено, как мало человеческий труд имеет отношение к тому, может ли тот или иной участок земли увеличиться в цене в продолжении определённого периода времени. Я знаю, какое большое впечатление всегда производил один известный земельный реформатор³¹, когда он в своих фундаментальных лекциях³² преподносил своей публике следующее: Предположим, кто-то владеет каким-то участком земли, который он купил с учётом того, что поблизости от этого участка будет сооружена фабрика, или того, что город расширится, включив себя этот участок, или что через этот участок будет проложена железная дорога и тому подобное. То есть, он купил этот участок земли с учётом того, что, благодаря таким обстоятельствам, цена его в ближайшие годы существенно вырастет. Он купил участок, как раз, в тот момент, когда ему предстояла перспектива провести ближайшие три года в тюрьме. После покупки этого участка его сажают в тюрьму, он сидит там три года, и когда выходит оттуда, его участок оказывается в пять раз дороже, чем прежде. То есть, для того, чтобы его участок вырос в цене в пять раз, он не сделал ничего, кроме того, что отсидел три года в тюрьме. - Это вещи, мои многоуважаемые присутствующие, которые, разумеется, действуют чрезвычайно сильно, если, благодаря им, хотят сделать что-нибудь нагляднее. И тут нельзя сказать, что эти вещи оказывают воздействие не по праву. Здесь действует нечто, что совершенно справедливо даёт удобное объяснение, поскольку такое вполне возможно. И тогда - тут, я думаю, можно многое пропустить, - тогда из таких знаний следует, что весь [способ] включения стоимости земли в наш хозяйственный процесс есть нечто такое, что не может оставаться прежним, что каким-то образом должно быть подвергнуто реформе.

И теперь, ведь, самые разнообразные, но идущие в одном направлении реформы начались: Генри Джордж (Henry George), Адольф Дамашке (Adolf Damaschke) и между ними многие другие. Они начались, и всё, собственно, движется в том направлении, что земля - форма тут не столь важна - более или менее должна быть чем-то таким, что, так сказать,

³¹ Предположительно Рудольф Штейнер имеет в виду Адольфа Дамашке.

³² Дамашке исходил из того, что рента от эксплуатации и использования земли возникает из жизни населения в целом. Чем выше стоимость выгоды, возникающей в результате использования земли и почвы в результате развития экономической жизни, тем выше земельная рента и, следовательно, цена земли. Таким образом, владелец земли получает, например, в городской местности, увеличение дохода, не связанное с его собственным трудом. Поэтому Дамашке хотел добиться того же самого (за счет налогообложения) и передать это общественности.

принадлежит общему (Allgemeinheit). Это не значит, что все земельные реформаторы хотели бы немедленной огосударствления земли, но они хотят, чтобы от особенно сильного повышения стоимости земли обществу отходил значительный процент в виде «налога на увеличение стоимости», - процент, который, возможно, сводит стоимость земли почти к её прежней цене, если она увеличилась без заслуги владельца. Можно представить себе и другие формы, при которых земля переходит в, своего рода, общую собственность. Но несомненно ясно, что тот, кто навредил своим ближним настолько, что они посчитали себя обязанными запереть его в тюрьме, может теперь, когда он через три года вернётся, быть справедливо обязанным часть стоимости своей земли, на которую она за эти три года выросла, передать обществу.

Но, мои многоуважаемые присутствующие, Дамашке, ведь, даже подчеркивает, что он совершенно не предполагает распространять ту же судьбу, которую он уготовил земле, скажем, на какие-либо другие средства производства. Он доказывает, что другие средства производства увеличивают свою стоимость в пределах человеческой собственности совершенно иначе; он доказывает, что возрастание стоимости средств производства происходит в совершенно другой пропорции, которую совершенно нельзя сравнивать с часто происходящим повышением стоимости земли. Теперь можно сказать, что нечто подобное, безусловно, ясно и, собственно, не может рассматриваться иначе, как в некотором смысле согласием.

Но, мои многоуважаемые присутствующие, ведь, вы видели, что сегодня имеет место огосударствление, то есть, перевод того, что иначе производится чисто частным образом и за что в частном порядке получена эквивалентная стоимость, в управление определённой общности. Но, ведь, нельзя сказать, что опыт человечества в таких вопросах за последние годы был во всех отношениях удовлетворительным. Поскольку, я думаю, - по крайней мере, некоторые из вас, ведь, кое-что из этого замечали, - что не у всех людей дела обстояли так, как должны были бы обстоять в плане нормирования (Rationierung), то есть, в некотором смысле коммунизации, например еды и других вещей. Думаю, в те годы, когда многое было коммунизировано, некоторые люди что-то пережили от такого, своего рода, хомячества.

И тот социальный импульс, который должен быть дан трёхчленностью, - это никак не желание дать какие-то указания, указать другим, как надо делать (vorzumachen), а желание дать импульс тому, что не просто остаётся на бумаге и служит при этом определенному сорту людей, в то время как другие способны обходить соответствующие вещи, причём обходить в значительной степени. Импульс, который должен быть дан трёхчленностью социального организма, должен быть реальным импульсом, действительно реализующим те намерения, которые он имеет. Тот, кто знает жизнь, - и, собственно, только тот, кто знает жизнь, - может действительно понять, что хочет импульс трёхчленности. Любой, кто стремится понять жизнь, и кто действительно понимает жизнь, не будет сомневаться в том, что, если земля будет коммунизирована так, как этого хотят земельные реформаторы, мыслящие из старых представлений, то может произойти такое же хомячество и повышения цены на землю. То есть, вполне возможно, - как в ленинской государственной системе, так и в государственной системе Дамашке, - путём различных чёрных ходов сделать недействительным то, что приходит в мир в виде закона. Импульс трёхчленности социального организма, поскольку он хочет чего-то реального, просто не может закрыться от основного знания того, что социальная действительность воистину не может быть создана законами, которые возникают при продолжении действия старого социального и государственного образа мышления и представления. Это зависит от людей и от той социальной организации, единственно и только от того социального организма, который обеспечивает то, чтобы люди вообще не находили средств несправедливым или аморальным образом обойти что-либо, что отвечает интересам этого общественного организма, - по крайней мере, нужно максимально приблизиться к такому жизненному требованию.

Ведь, то, что мы называем трёхчленностью социального организма, можно рассматривать с самых разных точек зрения. Можно выдвинуть на первый план то, что я, -

чтобы дать, так сказать, первый толчок, - вначале высказал в «Основных пунктах». Можно также охарактеризовать необходимость трёхчленности и с другой стороны, как это уже больше года назад было сделано мною и некоторыми другими, как раз, здесь, в Штуттгарте. Но можно, например, также рассмотреть и следующие точки зрения; можно сказать: В ходе всего развития человечества нового времени мы подошли к тому моменту, когда, просто благодаря нашему теперешнему способу мышления, мы больше не можем терпеть наличие определенных институтов, и, в связи со всем нашим человеческим душевным состоянием, требуем другие институты. Ведь, хаос, который мы имеем сегодня во всём мире, возникает, как раз, просто благодаря тому, что определённые состояния, образовавшиеся из человеческого развития последних столетий, больше не могут выноситься современными людьми. У одного возникает неопределённое чувство: эти условия больше выносить нельзя; он слушает Дамашке и слышит, что огромное множество несправедливого зависит от того факта, что какой-то заключенный может за три года в пять раз увеличить своё состояние, без всяких усилий с его стороны. Другой слышит лекции о марксистских теориях и принимает их. Третьему говорят: если мы не будем охранять старые учреждения и старое, так называемое, юнкерство, то весь мир погрузится в хаос, поэтому надо бороться за это. Но, по сути, причины неудовлетворенности людей существующими условиями лежат просто глубоко внизу человека; а сегодня дела обстоят уже так: какие бы программы ни разрабатывались, это в основном только мечты, только иллюзии, которые вводят людей в заблуждение. Они совершенно не зависят от того, чего, собственно, хотят. И, таким образом, один, исходя из одних жизненных привычек, другой - из других, создаёт какую-либо теорию в социальной области, которую он называет логической. Сегодня дело обстоит так, что, по сути, всё зависит только от того, живёт ли человек в среде пролетариата, или он родился прусском юнкерском доме, является ли он, исходя из своих прежних жизненных привычек марксистом, или он консерватор в смысле господ фон Хейдебранда или Ласы. Эти программы, исходящие от левых и правых не имеют сегодня, собственно, ничего общего с реальностью. И можно сказать: если сегодня разыгрывается что-то, вроде выборов в рейхстаг, то об этом говорят примерно так, как будто видит сны какой-то злой мировой демон, и эти сны проникают в сознание людей, членов партии и партийных вождей, и люди говорят о чем-то, что не имеет, по сути, ничего общего с тем, что должно произойти. Поскольку человечество сегодня стремится к совершенно конкретной цели. Только ему ничего не понятно относительно этой цели.

Прежде всего, человечество чувствует, что с духовными вопросами, с организацией духовных дел, так, как это было до сих пор, далее продолжаться не может. Причина этого состоит просто в том, что, не смотря на весь материализм, - стиль которого полностью таков, каким я описал его вчера в публичной лекции, - отфильтрованная духовность содержится в абстракциях, которым сегодня отдаются люди, - пролетариат, например, больше всего. Несмотря на то, что она чаще всего кажется исходящей из «реальностей», из «производственных отношений», и тому подобного, она предается духовным абстракциям, и потому никогда не может привести ни к каким институтам, имеющим дело с реальностью. Люди чувствуют, что они должны держаться чего-то духовного, и что духовное тоже должно присутствовать, чтобы участвовать в общественной жизни, чтобы формировать социальную структуру социального организма, который, ведь, оживляется людьми. Что, по сути, вплоть до настоящего времени создало структуру нашего общественного организма? Дух? Нет, я думаю, это не дух. Например, если я унаследовал от своего отца большое имение с землёй, то тут нечто иное, чем дух; тут естественная связь, тут - кровь. И кровь - это то, что связано со всякими касающимися её другими отношениями, которые и сегодня могут привести человека в определённое положение. От этого положения, в свою очередь, зависит то, как он стоит в духовной жизни. Он может получить определённое содержание воспитания только посредством того, что, исходя из старых отношений, которые большей частью касаются кровных связей, он оказался в определённом социальном положении. По сути, человечество чувствует это в отношении духовной жизни, прежде всего, как нечто, что больше невозможно

переносить. Человечество инстинктивно чувствует: Вместо того, чтобы всё, как в прошлом, определялось кровью, в будущем в социальных институтах должен иметь право голоса дух. Не правда ли, ведь, Церковь, чтобы быть товарищем того, что развилось [таким образом в прошлом] и того, что больше нельзя терпеть сегодня, прекрасно подчинилась решению, принятому в 869 году на Восьмом Вселенском Соборе в Константинополе, где был, так сказать, упразднен дух, где было определено, что, хотя душа человека и имеет отдельные духовные качества, но что человек состоит только из тела и души, а не из тела, души и духа. При том, что в виде мировоззрения распространялась по всему цивилизованному миру, - поскольку требования духа сдерживались, - во всей практике духовной жизни могло развиваться то, что не определяется духом.

И сегодня человек из самых глубин своей души хочет, чтобы этот дух принимал участие в определении социальной культуры. Но это может произойти только, если духовная жизнь больше не будет оставаться придатком вышедшего из старых кровных завоеваний государства, а будет предоставлена самой себе, - если духовная жизнь будет следовать только импульсам, заложенным в ней самой. Тогда можно предположить, что ведущие люди в этой духовной жизни будут делать то, что вменяется в их обязанности, - мы сейчас ещё поговорим о некоторых других вещах, которые вменяются в их обязанности; ведь, в "Основных пунктах" описано многое, - а именно, включать людей в социальную структуру, согласно знаниям их талантов, трудолюбию и так далее, чтобы они действительно делали это не по закону, а чисто посредством знаний фактических условий. И придётся сказать: в области духовной жизни, которая стоит на самой себе и действует из своих собственных импульсов, знание этих фактических условий будет определяющим. Таким образом, скажем кратко: Духовная жизнь, духовная часть социального организма, по праву требует знания [фактических сил], являющихся, однако, знаниями сил, способных что-то произвести (Tatkraft).

Взглянем теперь на второй член социального организма: правовой или государственный. Здесь мы подходим к чему-то такому, что в определённой степени не так подчинено вне мировому, как духовная жизнь. Мои многоуважаемые присутствующие, ведь, вплоть до самых что ни на есть фактических обстоятельств, весь наш социальный организм, насколько в нём действует духовное, связан с тем, что появляется с каждым новым поколением, - да, что с каждым новым человеком из неопределённых глубин вносит в социальный организм новые силы. Возьмите сегодняшнее время. Можете ли вы каким-то образом, исходя из условий сегодняшнего времени, - если воспринимать человечество объективно, - создать какую-то организацию, которая совершенно определённым образом определяет совместную жизнь людей? Нет, не можете! Поскольку с каждым отдельным человеком из неопределённых глубин рождаются новые силы; мы должны их воспитать, и мы должны подождать и посмотреть на то, что они внесут в жизнь. Мы не должны, посредством существующих законов или уже существующих организаций, тиранизировать то, что вносится в жизнь этими духовными задатками; то, что привносится к нам из духовных миров, мы должны принимать непредвзято, мы не должны это тиранизировать и догматизировать посредством того, что уже есть. Поэтому мы нуждаемся в таком члене социального организма, который действует, полностью исходя из свободы, из свободы всегда новых, рождённых в человечестве человеческих задатков.

Второй член социального организма, государственно-правовая жизнь, - это уже нечто такое, что меньше зависит от того, что приходит из духовных миров. Поскольку, как вы знаете, в области правовой жизни, государственной жизни, действуют ставшие совершеннолетними люди. И, мои многоуважаемые присутствующие, когда мы становимся совершеннолетними, на нас уже в большой степени лежит печать усреднённости. Тогда, собственно, нашу шею уже, как бы, сжимает нивелирующий элемент филистерства. И, насколько мы, как ставшие совершеннолетними людьми, равны, настолько - и это говорится совсем не в плохом смысле - мы уже в определённом смысле немного находимся в ножнах филистерства. Мы внутри того, что может регулироваться законами.

Вы скажете, однако: Да, но не можем же мы всю духовную жизнь ставить в зависимость от детей; ведь, духовные способности и духовное усердие должны действовать и после возраста совершеннолетия. - В принципе, нет, как бы парадоксально это ни звучало. Поскольку наши выходящие за пределы среднего способности, когда мы переваливаем за 20 лет, базируются именно на том, что мы - и это показывают нам на каждом шагу серьёзные духовно-научные исследования - сохранили в себе задатки, которые имели в детстве. И величайшим гением является тот человек, который до своих тридцатых, сороковых, пятидесятих годов донёс силы детскости больше всех. Только тогда он управляет этими силами зрелым организмом, зрелой душой и зрелой духовностью, но это всё же силы детскости. Наша культура, к сожалению, обладает свойством эти силы детскости убивать уже посредством воспитания, так что только очень малое число людей сохраняет эти детские свойства до филистерского (обывательского) возраста и нейтрализует это филистерство. Поскольку всё это не-быть-филистером базируется на том, что сохранённые силы детскости, как раз, обращают вспять этот процесс филистеризации, пробиваются через возникающее позднее филистерство.

Но поскольку теперь появляется нечто такое, что не должно постоянно обновляться по отношению к теперешним потребностям сознания человечества, то в новое время условия правовой и государственной жизни могут регулироваться только законами на демократической почве. Законы - это не знания. При познании мы должны себя всегда противопоставлять действительности и, исходя из действительности, посредством познания получать импульс для того, что мы должны делать. Так обстоит дело при воспитании, а также при многом другом, на что я указывал в «Основных пунктах», что этот импульс должен исходить от духовного члена социального организма. А как же обстоит дело с законами? Законы даются для того, чтобы государственно-политическая жизнь, правовая жизнь могла сохраняться. Но нужно ждать, пока кому-то будет необходимо действовать в смысле закона, - только тогда он должен заботиться об этом законе. Или надо ждать применения закона, пока кто-то его переступит. Короче, этот закон здесь всегда, но для того, что только ещё может произойти. Всегда присутствует существо возможного, *casus eventualis*. Это то, что всегда должно лежать в основе закона. Надо подождать, пока с этим законом можно что-то сделать. Закон может здесь быть; но если он не вторгается в мою сферу, то этот закон меня не интересует. Ведь, есть много людей, которые верят, что их интересует закон вообще, но дело всё же обстоит так, как я сейчас описал, - если человек честен, он должен это признать. Итак: закон есть нечто такое, что присутствует, но что должно работать в направлении возможного (*Eventualität*). Это то, что лежит в основе правовой, государственной, политической части трёхчленного организма.

Когда дело доходит до хозяйственного члена, законом уже не обойтись, поскольку недостаточно просто дать закон о том, что, например, кому-то, исходя из тех или иных условий, должно быть определённым образом доставлено то или иное. Тут нельзя работать в направлении возможного. Тут, наряду с познанием и законом, выступает нечто третье, - это договор, определённый договор, который заключается между теми, кто ведёт это хозяйство, - корпорациями и ассоциациями, - который работает не на возможное, как закон, а на исполнение совершенно определённых вещей. Как познание должно господствовать в духовной жизни, а закон - в государственно-политическо-правовой жизни, точно так же договор, институт договоров, во всех своих ответвлениях должен господствовать в хозяйственной жизни. Институт договоров направлен не на возможное, а на обязательность, это то, что должно осуществлять всё, что вы можете найти представленным в «Основных пунктах» как третий член социального организма.

Таким образом, мы можем сказать, что у нас есть три наглядные точки зрения, исходя из которых мы можем понять, какой должна быть сущность этих трёх членов. Всё, что в жизни подлежит познанию, должно управляться на свободной почве духовного члена. Всё, что в жизни может быть охвачено законом, принадлежит государству. Всё, что подлежит обязательству договора, должно быть включено в хозяйственную жизнь.

Мои многоуважаемые присутствующие, если люди думают, что то, что представлено в «Основных пунктах» является парой выдуманных идей, то они очень ошибаются. То, что говорится в «Основных пунктах» можно обсуждать с самых различных точек зрения, поскольку это взято из жизни. А жизнь можно описывать так же, как, скажем, дерево, которое человек фотографирует: с одной стороны - виден один аспект, с другой стороны - другой, с третьей, четвёртой сторон - возникают снова другие картины, и так далее. В этом состоит особенность: Когда что-то берётся из жизни, если это не просто какая-то невнятная утопия или запутанная идея, а действительно взято из жизни, то всегда можно найти новые точки зрения, поскольку содержание жизни бесконечно многообразно. [Трёхчленность считается с этим разнообразием жизни.] По сути, [во всём этом многообразии] нельзя научиться видеть необходимость в трёхчленности социального организма. Но она является не чем-то неопределённым, расплывчатым, а тем, что можно облачить в самые точные понятия, как я снова показал вам сегодня в отношении познания, закона и договора.

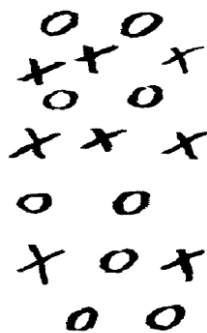
Теперь речь идёт о том, что необходимо работать в направлении трёхчленности, и сегодня возможность работы в этом направлении, исходя из обычных реальных условий, состоит в том, чтобы этот социальный организм разделить, наконец, на три взаимодействующих друг с другом административных под-организма. И нужно, наконец, осознать, что все ответы, которые даются себе на основе старых условий, и которые, собственно, сводятся к реорганизации старых условий, теперь устарели. Поэтому, когда земельные реформаторы говорят, что тот, чья земля выросла в цене без каких-либо усилий или труда с его стороны, должен платить государству определённую часть в виде налога, то это рассчитано на старую форму государства. Совершенно не берётся во внимание то, что это государство тоже должно быть реформировано. Не берётся во внимание то, что оно может быть просто одним из членов социального организма. Странно, что даже самые радикальные реформаторы современности не могут себе представить, что, исходя из глубин человеческих социальных отношений, что-то должно быть преобразовано. И они не могут себе представить, что всё, что сегодня должно быть достигнуто, не может быть достигнуто, если то, о чём должна была бы идти речь, будет втиснуто в старые формы. Ведь, государство же остается, даже если оно кладёт в свою казну то, что оно забирает у земельных спекулянтов, и, возможно, позволяет этому перетекать к ним или другим людям обратно, путями, которые, по крайней мере, возможны. Но проверьте, что следует из идеи трёхчленности социального организма: Если вы всерьёз примите идею трёхчленности, если вы всерьёз отнесётесь к применению того, что лежит в основе трёхчленности, то вы обнаружите, что всё, что лежит в том направлении, что прежние недостатки лишь перетекают в другую форму, становится невозможным.

Ведь, что, собственно, такое земля? Видите ли, земля — это, очевидно, средство производства. С помощью земли мы занимаемся производством. Но это средство производства другого рода, нежели прочие средства производства. Прочие средства производства мы должны вначале подготовить посредством человеческой работы, а земля, по крайней мере, в основном, уже подготовлена без участия человека. Поэтому можно сказать: Средства производства вначале проходят путь товаров; затем, когда они готовы, когда они передаются для выполнения своей задачи, они уже больше не являются товарами. Ведь, мы уже это постоянно подчёркивали, - и я сам говорил это часто с этой трибуны: Средства производства могут оставаться товарами в хозяйственном, циркуляционном процессе только до тех пор, пока они не будут готовы и не будут переданы народно-хозяйственной жизни. Чем же они становятся после этого? После этого они становятся чем-то таким, что подлежит политической или государственной жизни, демократии, а именно, в отношении работы, которую люди могут произвести с помощью этих средств производства, когда они должны ладить друг с другом в качестве совершеннолетних людей. Средства производства — это нечто такое, что подлежит государственной жизни, когда они переходят от одного к другому, так что всегда тот, кто в этих средствах производства нуждается, их действительно получает. Но они также являются и тем, что подлежит институтам духовной работы. Поскольку, не

исходя из старых наследственных отношений, а исходя из институтов духовной жизни, посредством знания, - насколько его может переносить современное сознание, - [в будущем должно определяться] то, как средства производства, когда над ними уже никто не работает, переходят к тем, кто, благодаря своим предрасположенностям и способностям, могут обращаться с этими средствами производства дальше. Поэтому можно сказать: Если в основании жизни лежит трёхчленность, то средства производства являются товарами только до тех пор, пока они производятся. Затем они перестают быть товарами и подлежат законам и знаниям. Посредством законов и знаний они вписываются в социальную структуру.

Земля не может быть произведена; то есть, она с самого начала не является товаром. Таким образом, она никогда не подлежит принципу товара, относительно которого заключаются договоры. Земли вообще не касается то, о чём заключаются договоры. Она должна быть постепенно переведена в социальную структуру таким образом, чтобы распределение земли, с точки зрения её обработки людьми, вначале было демократическим делом политического государства, и чтобы переход от одного к другому был делом духовного члена социального организма. В демократическом государстве то, кто работает на участке земли на благо народа, решает живое отношение. Земля никогда не становится товаром. Она с самого начала является тем, что нельзя ни покупать, ни продавать.

Прежде всего надо стремиться к тому, чтобы земля не могла продаваться и покупаться, и чтобы то, что переводит землю в сферу обработки её человеком, было правовыми и духовными отношениями, правовыми и духовными импульсами. Только тот, кто не понимает этих мыслей, может предполагать, что в них есть что-то утопическое. Поскольку, по сути, это всего лишь изменение чего-то такого, что [как некое неудовлетворительное состояние] существует сегодня: то, что сегодня за землю платят деньгами, получаемыми в результате продажи товаров; это не правда, это социальная ложь. Деньги, используемые как эквивалент земли, в народно-хозяйственном процессе являются чем-то другим, нежели деньги, используемые как эквивалент товара. И, видите ли, это, как раз, то, что очень плохо понимается в современном хаосе. Представьте себе, вы покупаете вишни, - за это вы платите деньги. Вы покупаете какое-нибудь поместье, - за него вы тоже платите деньги. Теперь, если оба человека, которые получили деньги, один за вишни, - конечно, достаточное количество денег, здесь не важно, возможно ли это также в этом направлении, - а другой за поместье, и если они перемешают вместе эти деньги, то нельзя будет различить, какие деньги получены за вишни, а какие - за поместье. Но, как раз, из-за того, что их нельзя различить, мы впадаем в пагубную, страшную иллюзию. Поскольку, смотрите, если я здесь нарисую крестики и кружочки и перемешаю их, то я всё-таки смогу их различать.

Но если бы не было смысла для различения крестиков и кружочков, то я бы больше не смог различать одни от других. Другими словами: если я вместо крестиков нарисую полукружочки, а вместо кружочков тоже нарисую полукружочки, то я их различать больше не смогу. Но как обстоит дело в действительности? Смотрите, предположим, я получил деньги за вишни и деньги за поместье. Если я перемешаю эти деньги, то я больше не смогу различать, какие деньги я получил от продажи вишни, а какие - от продажи поместья. Можно

подумать: деньги есть деньги. Но это, как раз, ужасная иллюзия. Это неправда. В народно-хозяйственном процессе кружочки, которые были получены от продажи поместья, действуют во всей человеческой жизни иначе, чем крестики, полученные от продажи вишни. Не деньги являются тем, что определяет действительность того, что происходит, а воздействие того, откуда приходят эти деньги. И над этим просто накинута покров; этого больше не существует для человеческого наблюдения. И так деньги образуют живую абстракцию. Всё смешивается без различения. Человек больше не способен оставаться при том, к чему он принадлежит, что он производит, над чем он работает. Посредством денег всё путается, так же, как всё смешивается у неясных мистиков и становится парой абстрактных понятий. И точно так же, как эти абстрактные понятия [мистиков] не могут использоваться в нашем познавательном процессе, так не может использоваться и то, что люди представляют под деньгами, потому что это тоже просто абстракция, нечто рядом с реальностью, то есть, ничего из того, что может быть необходимым в жизни.

Если обдумать всё это, понимаешь, насколько конкретное значение имеет земля в жизни людей. Понимаешь, какая это бессмыслица, обладание землёй без какого-либо к ней интереса, когда я заинтересован только в получении своей ренты, а до остального мне дела нет. Тот, кто внимательно смотрит на это с экономической точки зрения, знает, что это значит: я живу за счёт земли, но, по сути, мне всё равно, живу ли я за счёт земли или получаю свой доход, скажем, от игры в Кри-Кри (Cri-Cri)³³ или в покер; в принципе, мне всё равно, всё, что меня волнует, это получение определенной суммы денег. - То, что кому-то всё равно, каким путём получать деньги, это не так важно, когда речь идёт только о том, чтобы получить какую-то сумму денег. Но если вы получаете их от чего-то, что связано с благом и горем, с судьбами людей, со всей культурной конфигурацией, как это происходит в случае с землёй, если думать о чем-то подобном, то невозможно превращать эту землю в безразличные, абстрактные деньги. Поскольку, именно, земля делает необходимым, чтобы тот, кто её обрабатывает, кто имеет к ней какое-то отношение, и кто то, что зависит от земли, переводит в народно-хозяйственный процесс, - ведь это не деньги, а плоды земли, - чтобы он [действительно полностью] находился в этом.

Мои многоуважаемые присутствующие, ведь, земля в пределах своей области никак не может управляться согласно тем народно-хозяйственным категориям, которые сложились в новое время. Пожалуйста, просто рассчитайте, если кто-то удобряет свою землю навозом, который возникает сам по себе от своего скота, - рассчитайте, как можно определить стоимость такого удобрения, как определить его рыночную стоимость, или, например, какова бы была его стоимость, если бы им провоняли рынки городов. Это просто радикальный пример. Если довести эту мысль до конца, вы обнаружите, что существует огромная разница во всём том, каким именно образом входит в народно-хозяйственный процесс то, что возникает на отдельном земельном владении. Сравните, каким образом действует имение, находящееся в, так называемом, само-хозяйствовании, то есть, где человек, работающий в этом имении, будь оно маленькое или большое, заботится об имении, исходя из своих способностей, рассматривая это как действительно присущее ему дело, и как действует и должно действовать имение, заточенное только на получение максимально возможной прибыли. Но, ведь, то, как мы сегодня стоим в общественной жизни, должно уравнивать эти вещи, то есть, тот, кто является само-хозяйственником, не может действовать никак иначе, как приспособливаться к тому, кто сдает собственность в аренду и получает от неё только ренту. Таким образом, благодаря тому, что то, что возникает из конкретного, приспособливается, - а из конкретного, в случае с землёй, возникает то, как должны взаимодействовать отдельные продукты, как один продукт должен поддерживать другой; в само-хозяйствовании это оценивается, исходя совсем из других мотивов, нежели, когда эти

³³ Cri-Cri: на самом деле звукоподражательный термин для сверчка; Однако имеется в виду металлическая игрушка, которая имитирует пронзительный звук сверчка и использовалась, чтобы раздражать людей на улицах, особенно в Париже, на рубеже веков.

вещи попадают только на денежный рынок, - это, возникающее из конкретного, постепенно становится зависимым от совершенно абстрактных денежных отношений. И это, ведь, уже произошло, - поэтому мы имеем сегодня неестественные отношения. Земля, которая не может быть товаром, становится товаром; посредством этого в жизнь вводится реальный обман. Лживо не только то, что говорится, но и то, что происходит. Пока земля рассматривается как товар, пока её можно покупать и продавать, лгут делами.

Если же, однако, у вас есть трёхчленный социальный организм, покупать и продавать землю нельзя. [Правовые] отношения, по которым земля передаётся от одного к другому, регулируются государственными законами, которые не имеют ничего общего с куплей-продажей товаров. Определение того, как [в отдельном случае] земля переходит от одного лица к другому, находится в ведении духовного члена социального организма, который не имеет ничего общего с наследственностью и кровным родством, а имеет дело с такими вещами, о которых я говорил в «Основных пунктах». Таким образом, вы видите, что нужно только правильно понять, что такое трёхчленность, и если идти в этом направлении, то вы встанете на путь решения социального вопроса.

Что хочет Дамашке? Он берёт вопрос о земле, размышляет о нём, и полагает, что это размышление даст ответ на этот вопрос. Мои многоуважаемые присутствующие, исходя из размышлений, не разрешится ни один реальный вопрос. Хотел бы я знать, как вы собираетесь, исходя из размышлений, расколоть кусок сахара, нарубить дрова или, скажем, как вы хотите есть, исходя из размышлений. Так же, как нельзя расколоть или съесть кусок сахара, лишь размышляя об этом, точно так же нельзя решить вопрос о почве, лишь размышляя о нём. Можно только сказать: Ведь почва сегодня находится внутри определенных человеческих отношений. Если мы подумаем теперь о том, что люди в меру своих возможностей делают в социальном организме, вливаясь в импульсы трёхчленности, то факты, возникающие благодаря посвящению себя этой трёхчленности, решают этот земельный вопрос не только в мыслях, но [и практически] так же, как нож колет сахар, как топор рубит дрова. Точно так же трёхчленность решает земельный вопрос просто тем, что земля вписывается в трёхчленный организм так, что с ней больше не обходятся, - как сегодня, - так, как с товаром. Она больше не будет неоправданно оставаться в рамках кровных отношений, а будет подчиняться только тому, что люди ощущают сегодня единственно возможным: что передача земли от одного к другому происходит, исходя из духовного знания, то есть, из импульса духовного члена социального организма.

Вы видите, земельный вопрос должен решаться трёхчленностью не посредством программ, не посредством каких-нибудь абстрактных или утопических понятий, то есть, не таким образом, или ему подобным, как решает земельный вопрос Дамашке, а так, что можно сказать: Какой бы сложной ни была сегодняшняя ситуация с землёй, посвящайте себя трёхчленности, привносите элементы трёхчленности в социальную жизнь, [подхватывайте вещи], лежащие в направлении этой трёхчленности; то, что тогда произойдёт, приведёт землю в благословенные для людей условия, - насколько на Земле вообще может быть нечто благословенное. Трёхчленность хочет решать животрепещущие вопросы не посредством мыслей, а посредством фактов, в которых окажутся люди, когда они посвятят себя таким мыслям, которые зависят от них самих, а не тем, что продолжают работать со старыми традициями. Одно дело, когда вы говорите, что пытаетесь работать в направлении тройственности, или когда говорят, что пытаются действовать в направлении трёхчленности, а другое дело, когда говорят: государство - это бравый парень, оно может всё, всё делает правильно. С помощью трёхчленности вопрос о земле разрешается тем, что земля лишается характера товара, в который она так затянута; государство не препятствует [несправедливому распределению земли], оно его только нормирует; это оно создаёт ведомства для размещения по квартирам, это оно определяет, сколько разрешено иметь каждому, это оно препятствует хомячеству, - этого больше быть не должно!

Не правда ли, можно, ведь, было бы сказать, что это в порядке, когда люди думают так, как описал [в своём стихотворении] Моргенштерн (Morgenstern). Там одного бюргера

переехала машина, его привезли домой; Пальмштрём - так его звали — обложил себя влажными полотенцами, он испытывает боль, но не признаётся себе в этом, поскольку он - хороший знаток города. Он знает, что книге законов стоит: Там, где его переехала машина, нельзя ездить на машине; таким образом, там вообще нельзя ездить машинам, поскольку это противоречит закону; а, поскольку это противоречит закону, то значит меня машина не переехала: чего не должно быть, того и нет. - Видите, примерно так же происходит, когда сегодня то, что коренится в действительности, хотят реформировать так, что говорят: если цена земли неопределённым образом повысилась, то об этом сообщается государству, которое тогда уже знает, как предотвратить хомячество, потому что хомячества не бывает, если об этом говорит государство. Это запрещено, поэтому его нет.

Ну, мои многоуважаемые присутствующие, на этом примере вы, как раз, можете видеть, насколько отличается весь метод, весь способ восприятия жизни, в который трёхчленность вносит всё социальное. Ведь, речь идёт не о том, - я об этом уже часто говорил, - чтобы просто думать: внешние институты будут изменены; и у того, у кого слишком много денег, их заберут и, посредством этих институтов, передадут государству, а речь идёт о том, чтобы люди, вплоть до самых своих глубин, учились думать по-другому. Это для них так трудно, они совершенно этого не хотят. Если вы будете поступать в смысле того, что воистину исходит из чувства действительности, и что описано в «Основных пунктах социального вопроса», вы увидите, что речь идёт о том, чтобы ассоциации повсюду опирались на тех, кто тесно связан с тем, что они производят или потребляют, - на последнее требуется обращать меньше внимания, а на первое - даже очень.

Теперь, смотрите, ведь, все условия прикрываются, затуманиваются, посредством того, что мы живём внутри абстракции денежной экономики, как я уже говорил сегодня, а также в продолжении нашего последнего вечера здесь. При этом, например, не рассматривается правильным образом то, каково отношение более крупных товаров (Güter) к мелким товарам. Агитируют, поскольку сегодня всё хотят иметь удобным, или против крупных товаров или за мелкие товары, или наоборот. Но всё тут сводится к некому монизму абстрактного мышления; или для народного хозяйства хороши только крупные товары, или - только мелкие. Но это не соответствует действительности. Речь идёт о том, что при определённых обстоятельствах правильным является взаимодействие мелкого и крупного товаров, крупных хозяйств с мелкими, только то, насколько это правильно, выявляется только посредством ассоциативного, которое в «Основных пунктах» характеризуется как существенное в хозяйственной жизни. Крупные хозяйства взаимодействуют с мелкими и, благодаря этому, приносят благо народному хозяйству. Речь идёт не о том, чтобы грести всё под одну гребёнку, а чтобы крупные и мелкие товары (Güter) взаимодействовали под определёнными условиями. Думаете, это не соответствует определённым реальным условиям то, что прусские поместья, только в отношении свеклы, произвели 54,8 % от общего производства, - то есть, больше, чем половину продукции, - в то время как, в отношении других вещей, они произвели меньше половины по-сравнению с мелкими хозяйствами? Всё это основано на реальных отношениях. И воздействие на реальный народно-хозяйственный процесс может быть только плодотворным, если люди, которые стоят внутри хозяйствования товарами, будут основывать ассоциации в соответствии с этими реальными условиями. Тогда будет понятно, как одно должно будет поддерживать другое, поскольку тогда работа будет вестись, не исходя из абстракции, а исходя из действительности. И тогда, посредством договоров, можно будет определять, как избыток продукции на одной стороне, уравнивается другой стороной и так далее. Поэтому было оправдано то, что я сказал [вначале]: Я хочу говорить с вами об условиях в трёхчленности так, чтобы можно было пролить свет на вопрос земли. Я не хотел говорить о вопросе земли так, как это делают обычно, а я хотел показать, как должен восприниматься какой-то вопрос социальной жизни, когда стоят на почве трёхчленности. И вы можете коснуться этого вопроса уже очень конкретно, в то время как, исходя из старых отношений, вы сделать это нормальным образом не сможете.

Нужно быть уже почти как господин городской пастор Планк³⁴, который думает: социальный организм, трёхчленность, - это три треугольника друг рядом с другом, и один никак не соединяется с другим. Нет, трёхчленный социальный организм является действительно организмом, где одно всегда воздействует на другое, так что в каждом из этих трёх членов содержится кое-что от двух других. Ведь, в человеческом организме тоже так: в голове действует не только нервно-чувственная система, а в ней имеет место также ритм и пищеварение. Так и в хозяйственной жизни действует также и государственная жизнь, просто она имеет свой собственный центр управления, и так же в хозяйственную жизнь вторгается духовное, а именно, при переходе средств производства от одного [владельца] к другому.

Но мы видим это взаимодействие во многом и в гораздо более повседневных вещах. Возьмем, к примеру, такое состояние дел общественной жизни, где три вещи сливаются в одну: это дорожное движение. Ведь, дорожное движение, поскольку оно нуждается в дорогах, с одной стороны, связано с землёй. Но тут видно, что, поскольку земля для дорог, улиц и так далее, не может быть частной собственностью, а также не может быть товаром, что тут она должна выйти из рамок товара, что по меньшей мере эта часть земли не может рассматриваться как товар. Но с существом дорожного движения связана также вся наша культура. Собственно, всё транспортное сообщение можно рассматривать с трёх точек зрения. [Мы можем спросить:] Что относится к этому транспортному сообщению? Во-первых, грузы, товары; во-вторых, люди; в-третьих, информация (Nachrichten). Всё, что подлежит дорожному сообщению, может быть размещено в одной из этих трех категорий: информация, люди, товары. Видите ли, поскольку транспортное сообщение включает в себя товары, всё, что касается движения товаров, должно регулироваться договорами, импульсами хозяйственной жизни. То, что связано с людьми, регулируется государственной жизнью, - это правовые отношения. Отношения людей также должны регулироваться правовыми отношениями. Информация подчинена духовной жизни; они являются духовной жизнью в транспортном сообщении. И вы поймёте, как состоящая, собственно, из трёх частей транспортная система должна управляться с трёх сторон, - чего не могли достичь старые институты. Представьте себе, какая это нелепость, что у нас до сих пор грузы и сообщения (Nachrichten) обслуживаются тем же способом одним и тем же институтом, что доставляет почтовые пакеты и сообщения, что никак не связано друг с другом, и для чего также нет нужды во внешних институтах. Но старые государственные учреждения не смогли довести это до того, чтобы отделить доставку пакетов от службы новостей так, чтобы одно не мешало другому. Если вы взглянете на систему почтовых тарифов, вы увидите, какая бесхозяйственность заключается в том, что почта используется как для сообщений, так и для грузовых перевозок.

Как раз, там, где жизнь должна начать становиться практической, как раз, там, где жизнь для нас стала сегодня слишком узкой, поскольку она уже больше непрактична, - эта непрактичность сидит во всех углах и щелях, - там трёхчленность призвана снова восстановить практичность. Лишь одна вещь требуется для этой трёхчленности: немного мужества. Однако тот, кто не осмеливается убрать почтовые пакеты из почтовой службы рассылки и передать их обычному железнодорожному сообщению, кто постоянно сомневается и толком не рассчитывает, что означает то или иное, тот никогда не поймёт трёхчленности. Поскольку трёхчленность основана не на удержании старых учреждений, не на удержании идей из старых человеческих виньеток, старых государственных виньеток и так далее, а эта идея трёхчленности основана на рассмотрении реальных условий.

Поскольку, мои многоуважаемые присутствующие, нельзя требовать того, чтобы импульс трёхчленности обращался с реальностью, с практикой, таким образом, чтобы он, например, указывал, как будет включён в трёхчленный организм тайный советник или

³⁴ Райнхольд Планк (Reinhold Planck), сын социального реформатора Карла Христиана Планка (1819-1880), которого очень уважал Рудольф Штейнер. Райнхольд Планк был пастором в Вайблингене (Waiblingen) и Виннендене (Winnenden) и яростным противником Рудольфа Штейнера.

статский советник. Да, ведь в этом состоит большинство вопросов. Это лишь один из гротескных вопросов. Как раз, нельзя сказать, как будет включён в трёхчленный организм тайный советник или статский советник, но в этом нет и необходимости. Духовные, правовые и хозяйственные отношения людей будут совершенно ясно регулироваться в соответствии со знанием, с законом, договором, только внутри этих трёх сфер некоторых вещей, которые когда-то очень ценились, уже не будет. Но, мои уважаемые присутствующие, не следует ли признать, что при старом режиме иногда больше внимания уделялось тому, был ли кто-то тайным советником или нет, чем тому, чего он добился, что сделал для социального организма? Но в действительности важно не то, что кто-то является тайным советником, а то, что он делает для социального организма. Поэтому идея трёхчленности не должна обращать внимания на то, что ещё остаётся из старого времени как виньетка, если мы не хотим прийти к полной гибели Европы. Надо обращать внимание на то, что должно взойти в новое время в качестве плода работы, которую человек в какой-либо форме осуществляет на службе трёхчленного, но цельного социального организма.

После выступления Рудольфа Штейнера слово брали разные лица:

Вальтер Йоханнес Штейн (Walter Johannes Stein): Земля - это тотальность, которую нельзя увеличить. То есть, существует только определенное количество земли. На этой земле проживает определенное количество людей. Таким образом, можно подсчитать, сколько земли приходится на каждого человека. Теперь я хотел бы спросить, имеет ли такой расчёт реальную ценность, то есть, можно ли, благодаря нему, получить какую-то меру, с помощью которой можно что-то начать в смысле хозяйствования. Или это праздная статистика?

Ганс Кальтенбах (Hans Kaltenbach): Господин Доктор Штейнер воспроизвел не все взгляды немецких аграрных реформаторов; в своём выступлении он упомянул только налог на прирост стоимости земли. Однако, это составляет лишь небольшую часть предложенной земельной реформы. Введение основного налога на земельную ренту (Grundrentensteuer) является явным доказательством того, что земельные реформаторы не хотят никаких законов в смысле старого государства. Они имеют в виду договорное развитие, не имеющее ничего общего со старым законотворчеством. Оно родилось из той идеи, что каждый должен платить основной рентный налог за разрешение пользоваться землей, поскольку рента, получаемая им в результате использования земли, должна передаваться в дар общественности. При этом процессе речь идёт не о парламентских законах или вообще о законах в старом смысле, а о множестве отдельных договоров.

Один из участников дискуссии: Но, в конце концов, этот основной рентный налог собирает всё же государство.

Другой участник дискуссии: Можно крутить это как угодно: без земельной реформы ничего не выйдет; она должна быть основой для дальнейшего развития нашего общества.

Вальтер Йоханнес Штейн: Трёхчленность часто описывалась нам Доктором Штейнером как функциональная трёхчленность, а не как трёхчленность областей. Но многие люди находятся в заблуждении; они представляют себе каждую область отдельно, на вершине которой находится корпорация. Это ошибка. Я хотел бы спросить, как, собственно, выглядел бы такой неправильно разделённый социальный организм.

Герман Хайслер (Hermann Heisler): Как приходят к получению квартиры, и как происходит обмен квартир? Как осуществляется строительство дома? Земля является средством производства; оно предоставляется духовным организмом. Когда строительство дома закончено, является ли он тогда ещё средством производства? Большинство людей хотят

иметь небольшой огород. Как это сделать, ведь, земли не так много? Какую роль в управлении землей играет правовая жизнь?

Рудольф Штейнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Верно, что земля состоит не из каучука и никак не может быть произвольно увеличена, и поэтому также верно, что должна быть определенная связь между замкнутой областью земли и людьми, которые на ней живут. Ну, то, что здесь разыгрывается как идеально-реальное отношение, заключается в том, что, фактически, просто благодаря тому факту, что рождается человек, участок земли действительно, как бы, оккупируется, - это соответствует всей площади имеющейся в распоряжении земли, разделенной на количество уже проживающих на этой земле, плюс один. Дело действительно обстоит так, что идеально-реально каждый человек претендует на участок земли, отводимый ему при рождении, и что между имеющейся в распоряжении земной поверхностью и тем, на что таким образом претендует новорожденный человек, просто формируется реальная связь. Это реальная связь. Но, не правда ли, ведь, не всё идёт так гладко в этой социальной реальности. Законы, - я имею в виду сейчас природные законы, а не государственные, - есть, но они приблизительные. Если, например, в одной определённой области живут разные растения, и один вид растений развивается особенно хорошо, то он вытесняет другой вид растений; последний теперь больше расти не может. Если теперь в одной области земли дело обстоит в основном так, что один такой участок земли, о котором я говорил, действительно слишком мал для новорожденного человека, то клапан, так сказать, открывается, и совершенно само собой возникает эмиграция, образование колоний и так далее. Если в какой-то области население увеличивается, то можно также проверить, может ли земля плодоносить ещё больше, чем в прежние времена. Так, например, в основном обстоит дело с землёй бывшей Германии³⁵.

Таким образом, то на что указывал господин Доктор Штейн, существует: то есть, связь человека с определенным участком земли. Только мы должны себе уяснить, что это отношение, опять же, является идеально-реальным, и, когда трёхчленность станет действительностью, оно всегда определяется договорами, в той степени, в какой на земле производятся товары. А именно, земля управляется людьми, а люди, управляющие землёй должны, - просто из-за того, что не каждый производит один и тот же продукт, - входить друг с другом в отношения. То есть, они должны заключать договоры, и после их заключения должно существовать нечто, что заставляет их выполнять эти договоры. Таким образом, то, что выступает во взаимодействии людей, который хозяйничают на земле, подлежат правовым отношениям, политическим, государственным отношениям. Но то, что происходит, когда отдельный участок земли от одного человека переходит к другому, подлежит духовному закону, который оформляется в самостоятельной, эмансипированной духовной жизни, и втекает в земельное управление. Правовые отношения вступают в силу во взаимодействии людей, управляющих землёй; это отношения, которые могут быть регулироваться только юридически. Если понимать трёхчленность таким образом, то будет действительно видно, хватает земли или нет, или каким-то образом, - но не посредством простого инстинкта, а посредством инстинкта, ведомого разумом, - вызывается необходимость возникновения колониальных отношений.

В общем же будет видно, что происходит нечто странное. В обычной повседневной жизни есть нечто такое, что регулируется необычайно хорошо, хотя в природе тоже только приблизительно. Это регулируется очень хорошо, и люди, посредством государственных законов, или как-нибудь иначе, никак не могут в это вмешиваться: а именно, это соотношение живущих на Земле женщин и мужчин. Пока невозможно, - и не будет возможным в том

³⁵ За счет интенсификации сельскохозяйственных методов возделывания, например за счет целенаправленного применения удобрений, продуктивность сельскохозяйственных земель в течение 19-го столетия значительно возросла.

смысле, о котором мечтал Шенки³⁶, - регулировать какими-либо государственными законами, или чем-либо ещё, то, что на Земле живёт приблизительно столько же мужчин, сколько и женщин. Представьте себе, что было бы, если бы было только 1/5 женщин и 4/5 мужчин или наоборот.

Лучше предоставить это законам, которые взаимодействуют так же гармонично, как и законы природы. Точно так же гармонично, - когда трёхчленность действительно будет работать, - будет приспосабливаться к обстоятельствам также и то, что возникает. Например, не все люди будут стремиться к овладению научной профессией и видеть в ней что-то особенное. Будут действительно складываться такие условия, которые, например, приведут к определённому участку земли подходящее количество людей, так, чтобы бытие отдельного человека соответствовало плодородию того участка, который ему идеально-реально достаётся. Даже если, в переносном значении, пятью или сотней таких участков управляет один человек, обладающий для этого особыми способностями, то всё же то, что делается на этих участках, все равно будет приносить пользу другим.

Далее, я, правда, не совсем понял второй вопрос господина Доктора Штейна. Мне кажется, он спрашивал, что произойдет, если три области социального организма будут разделены неправильным образом.

Я, ведь, уже упоминал, что люди сегодня очень вкладывают очень много сил в то, чтобы заниматься различными "траубизмами"³⁷. Они обвиняют антропософски ориентированную духовную науку в том, что она взяла что-то из гнозиса, что-то из индуизма, что-то из египетских мистерий Изида. Один автор статьи даже обнаружил, что духовная наука списывает то, что стоит в одной очень старой книге, пришедшей из атлантических областей, и так далее. Это уже постепенно становится, так сказать, техникой [заявлять нечто подобное], хотя на самом деле это откровенная неправда, во многих случаях даже откровенная ложь. Поскольку это, разумеется, просто так: Если я сегодня пишу какой-то математический учебник, и в нём фигурирует теорема Пифагора, и я рассчитываю на читателей, которые её не знают, то я записываю то, что для них необходимо. Но если, после теоремы Пифагора, к этому прибавляется что-то, чего у Пифагора не было, то читатель не должен говорить, что всё было заимствовано только потому, что я вынужден был сказать то, что уже было до меня. Ведь, речь всегда идёт о том, что неизвестное прибавляется к известному. Это нечестно, когда затем приходят траубнисты и говорят, что что-то заимствованно из Гнозиса и так далее. Надо знать, какая ложь льётся, как раз, с этой стороны. Видите ли, если человек является официальным представителем одной из современных конфессий, он очень и очень предрасположен к тому, чтобы не говорить правду. Как профессор, человек также находится в особом положении по отношению к настоящей истине. Но если есть и то, и другое, а потом написать книгу - дальше развивать идею не хочу. Если же он и то, и другое вместе..., - я даже не хочу продолжать эту мысль.

Однако, смотрите, та же история происходит и с трёхчленностью. Поскольку я не утверждаю ни то, что я открыл число три, ни то, что число три уже не применялось различными способами к какому-либо физическому состоянию, например, к человеку, то могут прийти люди и сказать: Хорошо, но в старых арабских книгах тоже есть трёхчленность человека, уже там человека разделяли на три части. Но то, о чём идёт речь в нашей

³⁶ Возможно Рудольф Штейнер имеет в виду братьев Адольфа и Фриц Шенк. Адольф Шенк (1857–1936) был географом, а с 1899 году профессором географии Галлеского университета. Фриц Шенк (1862-1916) был физиологом и профессором физиологии в Марбургском университете с 1899 года. Оба брата были членами Немецкой академии наук Леопольдина, - Адольф с 1905 года, Фриц с 1908 года.

³⁷ Traubismus: тот же поверхностный научный подход, за который выступал профессор Трауб. Фридрих Трауб (Friedrich Traub) (1860-1939) получил степень доктора богословия, и затем активно участвовал в практической церковной и школьной работе. С 1910 года работал профессором систематического богословия в Тюбингенском университете; В 1930 году вышел в отставку. Он был ярким противником Рудольфа Штейнера и в 1919 году опубликовал в Тюбингене работу под названием «Рудольф Штейнер как философ и теософ». Текст Трауба находился в библиотеке Рудольфа Штейнера и помечен им.

трёхчленности, вы найдёте в моей книге «О загадках души³⁸», где я исхожу из понятий функции. Я не говорю: Человек состоит из трёх частей (Trakten). Я говорю: Тут - нервно-чувственная область, тут - воздушная и кровяная область, а тут - область пищеварения. Но я подчёркиваю: пищеварение происходит во всём человеке; эти три области - во всём человеке. Я различаю функции; тут я говорю о нервно-чувственной деятельности, - не о какой-то области, - и я отличаю от неё функцию ритмической деятельности, и, в свою очередь, отличаю от них третью функцию обмена веществ. Это человек, разделённый на функции. И в книге «О загадках души» я характеризую всё строго как функции.

Но вот, кто-то открывает в старой книге, что человек в Аравии подразделялся на три члена, на три тракта (Trakte). И он также мог бы сказать: тут говорится о трёхчленности человеческого организма; он позаимствовал тут из древней традиции здесь самое важное, число три; это не оригинально. И далее, по аналогии, - это нечто такое, что я, как раз, применил только для одной определённой интерпретации; посмотрите, что стоит об аналогиях в «Основных пунктах», - по аналогии разделено внешнее существо государства; проводится различие по областям, и на вершине каждой области стоит князь. Наверху стоят три князя, то есть, и в этом случае ни что иное, как число три. То есть, князья, - если это когда-нибудь произойдёт, вы сами сможете занять позицию по этому поводу. Но речь идёт не о трёх князьях; в социальной трёхчленности внутренний дух совершенно другой, [там важно функциональное]. Если смотреть не на функциональное, возникает заблуждение, будто можно иметь рядом друг с другом три парламента, как написал однажды в «Tribüne» один профессор из Тюбингена. В трёхчленности речь идёт, как раз, о том, что будут не три парламента, а также не три князя, а только один парламент, в демократическом государственном устройстве. Поскольку в духовной жизни не будет парламентаризма, а там будет соответствующее управление, действующее, исходя из фактов, так же как и в области хозяйствования. Таким образом, можно доставить людям удовольствие выискивать трёхчленность в старых книгах. Но если речь должна идти о плодотворном действии мыслей о трёхчленности, то действительно нужно углубиться в то, что описано в «Основных пунктах».

Теперь к вопросу пастора Хайзлера: Как приходят к получению квартиры? - и так далее.

Этот род вопросов слишком негибок. Я не хочу сказать, что они не важны, - они чрезвычайно важны. В мире такая большая нехватка жилья, что люди пытаются найти жильё самым гротескным способом. Бывало даже, что кто-то женился, чтобы найти квартиру, чтобы не оказаться на улице. Чрезвычайно важно знать, как прийти к получению квартиры, но не следует окрашивать всё своё понимание трёхчленности чем-то, что ещё мыслит слишком в стиле того, что должно быть преодолено.

Представьте себе осуществление трёхчленности социального организма, - ведь, не требуется мыслить абстрактно, потому что когда речь идёт о том, как необходимо что-то представить, то надо это осуществление трёхчленности видеть, как бы далеко оно ещё ни было; не на всё можно ответить только согласно целям. В трёхчленном организме человек должен будет не только искать жильё, но и заниматься чем-то другим. Он будет кем-то, директором фабрики или плотником, или кем-то ещё. Благодаря тому, что человек является директором завода или плотником, можно жить; за это платят. Однако, в трёхчленном социальном организме это сведение человека с его трудом должно постепенно переходить в управление духовного члена организма: тогда получение квартиры составляет часть заработной платы; это входит в оплату. Таким образом, вы не должны представлять себе: Я человек и должен получить жильё, а вы должны исходить из следующего: я не просто человек, но я ещё и что-то делаю в этом месте, и среди тех вещей, которые мне приходится за это в качестве оплаты, - при нормальных социальных условиях, - есть также и жильё,

³⁸ В ноябре 1917 года была опубликована книга «Von Seelenrätseln» (GA 21), в которой глава IV/6 «Физические и духовные зависимости человеческого существа» содержит основное представление трёхчленности человеческой организации.

квартира. Речь идёт не просто о том, чтобы абстрактно поставить вопрос: Как я получу квартиру? - а нужно спросить: Что будет происходить, когда осуществится трёхчленность? - Тогда человек, если он человек в каком-то месте, - а это обычно так, если вы не ангел, - он, наряду со своей зарплатой, получает также и квартиру, и это подлежит, как раз, тому, что исходит из организации духовной жизни. Или, - если речь идёт не о том, чтобы перевестись в новую область, а работать на другой работе, то это относится к ведению государства или политической области. Но такие вопросы нельзя задавать абстрактно.

Надо вначале действительно немного подождать возникновения тех условий, которые возникнут в результате трёхчленности, или надо с помощью своей фантазии составить картину того, как будут выглядеть эти условия. Тогда действительно можно будет ответить на то, как надо себя вести, занимая то или иное место, то есть выполняя ту или иную работу, чтобы получить и огородик, и тому подобное. Это действительно вещи, которые не касаются нерва трёхчленности. Можно быть уверенным, что они будут урегулированы таким образом, что, как только создадутся условия, создаваемые трёхчленностью, можно будет иметь свой маленький садик перед своим домом.

Точно так же регулируется и постройка дома. Что она такое? Она связана с вопросом земли. Если, однако, этот вопрос земли больше не вопрос товара, а вопрос права и духовной жизни, то вопрос постройки дома тоже является вопросом, который связан со всем культурным развитием человечества. Разумеется, дома будут строиться, исходя из тех же импульсов, исходя из которых человек побуждается к работе. Поэтому речь идёт не о том, чтобы задавать все эти вопросы абстрактно, задавать их так, чтобы человек как абстрактное существо был вырван из всей своей конкретности. В живом трёхчленном социальном организме дело обстоит не так, что человек просто ставится перед вопросом о получении квартиры, а с этим вопросом он ставится во всю конкретность жизни, и тут всё зависит от того, как разрешить эти вещи в соответствии с действительностью.

Тут господин Кальтенбах сказал нечто правильное [когда он указал на важность земельной ренты]. Конечно, я выделил только один пример, а именно налогообложение прироста капитала. Но то же самое я должен был бы сказать и о налогообложении земельной ренты. Но, мои многоуважаемые присутствующие, я хотел бы теперь знать, не был ли уже дан ответ на поставленный вопрос? Поскольку для меня вопрос был не в том, идёт ли речь о земельной ренте или увеличении стоимости, а в том, что налог в принципе отдаётся государству; ведь, господин Кальтенбах ясно сказал «налог», и под этим он имеет в виду нечто такое, что получает государство. Какого рода налог, который должен отдаваться государству, - это не важно. Но важно, чтобы государство как единственный член социального организма стал ограниченным, чтобы он не сохранял ту структуру, в которой он находится сегодня. Нельзя сказать, что земельные реформаторы не хотят законов в смысле старого государственного устройства. Они их всё же хотят. Они хотят навьючить на старое государство то, что, по их мнению, старое государство может. Оно никогда этого не сможет. Я знаю, конечно, какую это играет роль, когда кто-то утвердился в идее; он ничего из этого не может отдать. Но я думаю, что, собственно, на всё, что было сказано о налоге на земельную ренту, уже дан ответ в духе того, что было сказано об увеличении стоимости.

Очень хотелось бы, чтобы старое не появилось снова. Не хотелось бы, чтобы кто-то пришёл и сказал: я, ведь, не хочу, чтобы тайные правительственные советы были точно такими же, как старые тайные правительственные советы, но я хочу, чтобы трёхчленный организм создал новые правительственные советы. - [Не важно] говорят так или говорят: Да, земельные реформаторы, ведь, ничего не хотят отдавать государству. - Но налог они всё же хотят отдать, а налог, ведь, в сегодняшней его форме, можно платить только государству. В этом содержится вопрос: Кому же тогда надо платить налоги? - А что касается договоров, - вы, ведь, знаете, до сих пор фактически ни одно государство не заключало с собой никаких договоров о налогах. Другое дело, что разыгрывается между государством и человеком, когда нужно платить налоги; тут речь действительно идёт не о договорах.

Важно, чтобы мы пытались живо принять то, что идея трёхчленности социального организма требует переосмысления. Но этому противостоит то, - даже если часто добросовестно признают, что требуется переосмысление, - что при попытке этого переосмысления приклеиваются к словам, например, к слову «закон». Да, мне уже тоже задавали вопрос: как государство должно ввести трёхчленность? Вот как: мы должны выйти за пределы своих мыслительных привычек, за пределы своих словесных привычек. Мы должны прийти к чётко очерченным мыслям, иначе импульс трёхчленности социального организма понят не будет.

ПЯТЫЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР Штуттгарт, 23 июня 1920 года

О внешней политике в свете духовной науки и трёхчленности

В начале учебного вечера Людвиг Граф Польцер-Ходитц (Graf Ludwig Polzer-Hoditz) читает лекцию³⁹ «О внешней политике в свете духовной науки и трёхчленности». Затем слово берет Рудольф Штейнер.

Рудольф Штейнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Я хотел бы афористически сказать о некоторых вещах из того, что сегодня затронул граф Польцер, поскольку он неоднократно указывал на вещи, которые я то тут, то там касался в продолжении времени.

Из различных проявлений можно совершенно ясно видеть, как в продолжении новейшего политического развития в 19-ом столетии выступает факт, на который хотел указать граф Польцер, я бы сказал, тот перелом, который затем привёл к катастрофе. Он говорил об этих переходных годах и полной беспомощности, особенно народов Центральной Европы, о семидесятых, восьмидесятых годах, когда в Австрии имели место бои за оккупацию Боснии⁴⁰, славянский вопрос и так далее. Этому предшествовали шестидесятые годы⁴¹, когда ещё существовало определенное последствие европейских политических

³⁹ Текст этой лекции не сохранился. Однако, существует работа, изданная Польцером в Штутгарте в 1922 году «Борьба с духом и завещание Петра Великого», где рассматриваются вопросы, поднятые в его лекции. В этом отношении особенно важна четвертая глава «Европейская политика в прошлом веке и завещание Петра Великого».

⁴⁰ Оккупация принадлежавших к Османской империи областей Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией явилась следствием резолюций Берлинского конгресса от 13 июля 1878 года. Стремление России к господству, разгромившей Османскую империю в восьмой русско-турецкой войне 1877-1878 гг., подлежало сдерживанию. Чтобы создать противовес России, в статье 25 Берлинского конгресса-договора Австро-Венгрии предписывалась оккупация Боснии и Герцеговины. 13 июля 1878 года Австро-Венгрия и Османская империя подписали секретную конвенцию, согласно которой право, предоставленное Австрии, должно было рассматриваться не как «аннексия» по международному праву, а как «оккупация» на неопределенный срок. В результате должен быть сохранен суверенитет османского султана над двумя странами. В Австро-Венгрии оккупация этих территорий вызывала большие споры, поскольку означала усиление южнославянского населения и, таким образом, новые испытания на выносливость для многонационального государства.

⁴¹ После насильственного подавления революционных устремлений 1848/49 годов, направленных на введение либеральной конституционной системы правления, в империи Габсбургов была вновь введена старая, абсолютистская система правления. Однако с введением в действие так называемой «Октябрьской грамоты» от 20 октября 1860 года, которая предусматривала для законодательства ограниченное право парламентского согласования, были всё же сделаны первые шаги к конституционной форме правления.

настроений, восходящих к 1848 году. Эти настроения можно было проследить, собственно, по всей Центральной Европе, как в австрийских землях, так и в том, что впоследствии стало Германским рейхом: это то, что можно было бы назвать выступлением некоего абстрактного либерализма, абстрактно-теоретического либерализма.

В Австрии в конце шестидесятых годов из министерств Шмерлинга (Schmerling) и Белькреди (Belcredi) выросло первое, так называемое, Гражданское министерство (Bürgerministerium) Карлоса Ауэрсперга (Carlos Auersperg), имевшее явно либеральный, но теоретически абстрактно-либеральный характер. Затем, после очень короткого временного правительства, во время которого при Тааффе (Taaffe), Потоцком (Potocki), Хоенварте (Hohenwart) славянский вопрос достиг определённой высоты, в Австрии в семидесятых годах снова было образовано так называемое второе гражданское министерство, министерство Адольфа Ауэрсперга, опять же, своего рода, буржуазно-либерального направления. Параллельно этим тенденциям шла борьба либеральных партий Пруссии и отдельных германских государств против зарождающегося империализма Бисмарка и так далее. Эти возникшие либеральные тенденции чрезвычайно поучительны, и, собственно, жаль, что нынешнее поколение так мало помнит то, что в семидесятые, восьмидесятые годы говорили в Германии и в Пруссии люди вроде Ласкера (Lasker)⁴² и так далее, что говорил в Австрии упомянутый сегодня графом Польцером Гискра (Giskra)⁴³ и другие похоже либерализованные государственные деятели. Было бы видно, как тут возникала известная свободомыслящая, добрая воля, которая, однако, по сути, была лишена всякого положительного политического видения. Это характерно, что в Центральной Европе зарождается абстрактный либерализм, который содержит в себе множество красивых, либеральных принципов⁴⁴, но который не умеет считаться с историческими фактами, который говорит о всевозможных правах человека, но который мало говорит об истории, а именно, мало понимает, как действовать, исходя из истории. И это, возможно, было судьбой всей Центральной Европы, - ведь, мировая война началась в Австрии, или, по крайней мере, из Австрии она получила своё начало, - это было судьбой, что это либерализующее направление в Австрии так ужасно аполитично стояло перед лицом больших проблем, которые проявились, как раз, в Австрии, и на которые в наиболее важных их аспектах ссылался граф Польцер.

Теперь следует более внимательно изучить, что, собственно, представляет собой этот либерализм в Австрии. Его можно изучать, если ещё сегодня послушать речи старшего и младшего Пленеров (Plener). Его можно изучать, слушая речи Хербста, того самого Хербста, который хотел быть великим австрийским государственным деятелем либерализующего

⁴² Эдуард Ласкер (1829—1884) - немецкий политик из прусской Польши. Его главной целью было создание либерального правового государства. Он боролся за укрепление парламентских прав и за большую защиту свободы печати, был противником бисмарковской политики защитных таможенных тарифов.

⁴³ Карл Гискра (1829—1879) — австрийский юрист и политик. Как сторонник сохранения австрийского государства и противник автономии галисийских и чешских стран, он боролся с кабинетом графа Хоенварта. Чтобы не допустить преобладания славянского населения, Гискра - наряду с Хербстом (Herbst) - был убежденным противником оккупации Боснии и Герцеговины. В феврале 1879 года их противостояние в конечном итоге привело к падению второго Гражданского министерства под руководством Адольфа фон Ауэрсперга.

⁴⁴ Для либерализма были характерны некоторые общие, абстрактные принципы, которые он представлял в виде политической программы: гарантия прав личности на свободу для всех людей, соблюдение конституционных правил и привязка действий государства к конституции. В политическом плане либерализм боролся против политико-правового засилья дворянства и духовенства, выступал за введение либеральной государственной конституции и защиту экономики от государственного вмешательства. Рудольф Штейнер никоим образом не отвергал основного убеждения либерализма в том, что человек есть независимое, разумное существо, развитие которого происходит лучше всего, когда он может раскрыться в свободе. Но даже будучи молодым человеком, он видел и сомнительную сторону такой неограниченной свободы, о чем он писал в статье для «Deutsche Wochenschrift» за июль 1888 года в эссе «Papsttum und Liberalismus» (в GA 31): «Как и каждый сам по себе правильный принцип, конечно, и этот может быть понят неверно, и в ложной форме, таким образом, причинить невыразимый вред. [...] Печально, но, к сожалению, верно, что изначально правильный взгляд привел к отвратительной системе эксплуатации индивида индивидуумом».

направления. Бисмарк, реальный политик, называл последователей Хербста «безвременниками осенними⁴⁵», - одна из тех острот, которые действуют в публичной жизни убивающим образом. И этот либерализм можно изучать также в одном из других мест, в Венгрии, где снова и снова с чрезвычайно сильным чувством власти в венгерском рейхстаге выступал Коломан Тиса (Koloman Tisza)⁴⁶, который, я бы сказал, даже своими жестами выдавал настоящего представителя отвращённого от мира, чуждого миру, либерализма, который, не взирая на исторические факты, считался только с тем, что исходит из абстрактных, общих принципов. Тиса-старший, то есть, отец того, кто сыграл свою роль в мировой войне, показывал это уже своим внешним видом. Он никогда не мог появиться иначе, чем с карандашом в руке, как бы, отстаивая свои принципы, зафиксированные карандашом, перед теми, кто составляет верующую публику. В некотором смысле можно изучить несколько меньшее издание оппонента Бисмарка Ойгена Рихтера (Eugen Richter), пребывание которого в Пруссии-Германии, однако, относится к более позднему периоду. На примере этих людей можно проанализировать то, что оказалось действительно бесплодной политикой. Кстати, все эти люди изучали политику в английской политической школе. И самое главное, существенное заключалось в том, что всё, что высказывали Пленер, Гискра, Хауснер, Бергер, Ласкер, Лассер, что высказывал Тиса в Венгрии, для англичан является чем-то позитивным, чем-то конкретным; то, что для англичан это что-то значит, поскольку относится к фактам, поскольку то, что тут прослеживается в виде либерализирующих принципов, применяется, - это может постепенно привести мир к империализму. Да, я бы сказал, что у английских представителей в этих вещах в высокой степени присутствуют эти принципы империализма. Когда те же самые принципы представлялись только что названными личностями в своих парламентах, они были выжатыми лимонами; тогда те же самые принципы ни к чему не относились; тогда они были абстракциями. Именно там лучше всего можно изучать то, в чём состоит разница между реальностью и фразой. Разница лежит не в формулировках, а в том, стоите ли вы в действительности, или нет. Когда в венском или берлинском парламенте говорят то же самое, что и в лондонском парламенте, то это нечто совершенно иное. И поэтому то, что пришло из Англии в виде либерализирующего направления, и в Англии было позитивной, конкретной политикой, в Берлине и Вене было пустой фразой, политикой фразы.

Я не могу здесь развить все эти вещи, а могу только представить пару афоризмов и, возможно, только образы. Но если вы хотите взглянуть на имеющиеся здесь контрасты, то полезно будет вспомнить, как такие ораторы, как Зюсс (Suess), Штурм (Sturm) или Пленер (Plener), выступали в тогдашнем австрийском парламенте или в делегациях на тех дебатах, которые были связаны с запланированной, а затем совершающейся оккупация Боснии и Герцеговины⁴⁷. И как тогда появился один муж, говоривший от лица славянской народности. Я до сих пор живо вспоминаю ту речь, которая в то время произвела определенное большое впечатление, это речь, которую Отто Хауснер (Otto Hausner) произнес тогда в австрийском парламенте, которую он затем опубликовал "Deutschtum und Deutsches Reich", - к сожалению, я не могу найти эту публикацию снова и не знаю осталась ли она ещё. Если прочесть эту речь в связи с другой, которую он произнес при строительстве арльбергского тоннеля⁴⁸, если

⁴⁵ Herbstzeitlose - игра слов: Хербст (Herbst) означает «осень» (прим. пер.)

⁴⁶ Кайман (Коломан) Тиса (1830—1902) - венгерский государственный деятель.

⁴⁷ Значительные потери и издержки боснийской оккупации вызвали большое недовольство как в Австрии, так и в Венгрии. В частности, большинство немецких либералов, которые тогда были организованы в так называемую конституционную партию, отвергли боснийскую оккупацию под руководством Эдуарда Хербста и Карла Гискры, поскольку это означало усиление южнославянского населения и, таким образом, пробу на стойкость многонационального государства. Эта оппозиция в конечном итоге привела к падению правительства Адольфа фон Ауэрсперга в июле 1878 года.

⁴⁸ Это было незадолго до этого, но в том же 1880 году, когда Отто Хауснер высказался в пользу строительства Арльбергского тоннеля в венской палате представителей. Запланированное строительство 10-километрового туннеля через Арльберг должно было впервые создать железнодорожное сообщение между штатом Форальберг и графством Тироль. Тоннель Арльберг имел большое экономическое и стратегическое

прочсть то, что он там говорил, с точки зрения высшей политики, и то, что он с политической трибуны бросал в лицо австрийскому парламенту, когда Андраши (Andrassy) начинал деятельность по оккупацию Боснии, - то видно, что там говорилось о реалиях. Внешне Хауснер выглядел как пижон, поношенный, снобистский и замаскированный пижон, которого всегда можно было увидеть с моноклем в венском особняке, или встретить в кафе «Централ»⁴⁹ в определенный час, старый пижон, но вполне остроумный и говорящий, исходя из реалий. Если обобщить все эти речи, то в них, по сути, была заранее объявлена [катастрофа] 1914-1918 годов, и даже то, что мы переживаем сейчас, - душевный сон, излившийся на эту Центральную Европу. И тогда, как раз, можно видеть, что тот, кто смотрит на реалии, - а я мог бы описать ещё многие из них, - фактически, должен был бы прийти ко второму тезису, о котором вам было сказано сегодня вечером, - прийти, исходя из реальности.

Ведь, все эти вещи, связанные с трёхчленностью, воистину не придуманы как-то теоретически, в них нет ничего профессорского, а они взяты из действительности. И тот, кто пережил, как в Австрии это австрийское германство, - которое по существу было носителем австрийского либерализма, - столкнулось с появившимся тогда и предъявившим свои претензии австрийским славянством, - в том должно было бы выкристаллизироваться воззрение: панславизм - это позитивная сила⁵⁰. - Этот панславизм действительно выступил как некая позитивная сила. И, возможно, более важным, чем то, что пришло из чехизма - от Палацкого (Palacki) до Риегера (Rieger), - является то, что пришло из полячества. Поляки, как раз, в Австрии играли чрезвычайно большую роль как, своего рода, передовой элемент, как авангард для славянства, и все они представляли всеобъемлющие политические точки зрения. Хауснер, который, ведь, был полонизированным, однажды сам сказал в своей речи, что в его венах перекачиваются «русинско-алеманские кровавые шарики», - некая особая химия, - но он чувствовал себя пра-поляком. Но, ведь, в Венском Парламенте, как раз, в это важное время говорили и другие поляки: Грохольский (Grocholski), Голуховский (Goluchowski) и Дзедушицкий (Dzieduszycki), и так далее, и надо сказать, что из этого вышли великие политические точки зрения, в то время как либерализирующая немецкость, к сожалению, выродилась во фразы. Так не могло продолжаться долго, так что всё это, наконец, влилось в партию, о которой также упоминал Польшер-Ходитц, Христианско-социальную партию, - ту партию, которая среди молодых людей в Вене, которые тогда занимались той политикой, которой в то время занимался и я, была названа «Партия глупых парней Вены»; затем она стала партией Люгера (Lueger-Partei).

Этот контраст нисходящего направления с восходящим очень интересен. И в известном смысле поляки были беспринципны, так что выходило всякое, например следующее: В Австрии хотели вернуться к старому школьному закону, к старому, клерикальному школьному закону, - я говорю "в Австрии", но, чтобы конкретизировать, австрийском

значение, так как страны двойной монархии были более тесно связаны с Западной Европой через это железнодорожное сообщение. Хауснер поддержал этот железнодорожный проект, потому что видел в нем средство против односторонней зависимости от Германии во внешней политике, вызванной Двойным союзом, и надеялся, что это приведет к большей свободе союза для Австрии - например, в отношении Франции. Рейхсрат одобрил строительство туннеля; В 1884 году он был открыт.

⁴⁹ Cafe Central: Центральное кафе, расположенное в венском переулке Herrengasse 14, было открыто в 1868 году и, как место встречи писателей, превратилось в центр кристаллизации интеллектуальной жизни Вены. Когда в 1897 году сюда переехали те посетители, которые раньше часто посещали Cafe Griensteidl, начался расцвет Cafe Central. Рудольф Штейнер также был одним из посетителей Cafe Central. Там всегда имелись газеты на 22 языках, и доступная справочная литература.

⁵⁰ Панславизм был движением, возникшим в течение 19 века, которое требовало культурной и политической независимости всех славян и их союза под общим руководством. С точки зрения русских панславистов, эта руководящая роль могла достаться только царской России. Однако такая претензия русских на главенство противоречила представлениям славянских народов в Дунайской монархии. В отличие от немецких либералов, мечтавших о либеральном едином государстве без учета национальных различий, политические вожди славянских народов считались с реальными политическими силами собственных национальных устремлений. В этом смысле панславизм в Австрии определенно функционировал как «позитивная» политическая сила.

парламенте [рейхсрате] говорили не об «Австрии» или чём-то в этом роде, а о «представленных в рейхсрате королевствах и землях»; ведь, Австро-Венгрия имела дуальную форму правления⁵¹; одна часть называлась «Королевства и земли, представленные в рейхсрате⁵²», другая - «Представительство стран короны святого Стефана⁵³». Когда, таким образом, хотели вернуться к клерикальному школьному закону, большинство, однако, не могло быть сформировано одними немцами, к ним должны были присоединиться либо поляки, либо русины (Ruthenen)⁵⁴. Всякий раз, когда мнение склонялось в одном определенном направлении, образовывалась коалиция между немцами и русинами, а когда оно склонялось в другом направлении, - между немцами и поляками. Таким образом, тогда речь шла о том, чтобы создать клерикальный школьный закон. Поляки вынесли решение, но что они сделали? Они сказали: Да, хорошо, мы согласны на этот школьный закон, но Галицию мы исключаем. - То есть, собственную землю они исключили. Так тогда был создан школьный закон, благодаря большинству, в лоне которого были польские делегаты, но эти польские делегаты исключили собственную землю, они навязали этот школьный закон другим австрийским землям. В конце концов это привело к тому, что одна область господствовала над другой и имела в своем распоряжении то, что не хотела применять в своей области. Вот так обстояли дела. Как тут можно говорить о политической зрелости перед лицом возникающих гигантских задач!

Затем случилось так, что после этого второго гражданского министерства правительство окончательно перешло к этому министерству Тааффе, которое, ведь, само составило себе аттестат: в Австрии, если хочешь правильно управлять, можно только колбаситься, - то есть, жонглируя, двигаться от одной трудности к другой, спасать одно другим, и так далее. Министерство, которое как министр-президент возглавлял Тааффе, управлялось тогда также «остроумно». Ведь, Тааффе был обязан своим положением не столько своим интеллектуальным способностям, сколько тому факту, что в то время при венском дворе, - а

⁵¹ 18 февраля 1867 года в Вене завершились переговоры об условиях урегулирования с Венгрией; «Австро-Венгерский Компромисс» вступил в силу 15 марта 1867 года Территория Габсбургской монархии была разделена на две половины империи - Австрию (Цислейтанию) и Венгрию (Транслейтанию) - которые, как самостоятельные государственные образования с равными правами, управлялись только от лица правителя и через общие дела (внешние, армию и финансы). Экономическое единство гарантировалось валютно-таможенным союзом.

⁵² Имеются в виду все те области, которые отправляли представителей в парламент от австрийской половины империи, в Рейхсрат. Внешне австрийская половина империи была устроена по федералистскому принципу; В его состав входили 17 или 15 стран или королевств - в зависимости от того, учитывались ли административно объединенные области по отдельности или нет: эрцгерцогство Нижняя Австрия (ниже реки Эннс), эрцгерцогство Верхняя Австрия (выше Эннса), герцогство Зальцбург, герцогство Штирия, Герцогство Каринтия, Герцогство Карниола, Приморье (Княжеское графство Гориция и Градиска, Маркграфство Истрия, Город и регион Триест), Княжеское графство Тироль, Земля Форальберг, Королевство Богемия, Маркграфство Моравия, Герцогство Силезское, Королевство Галиция и Лодомерия, Герцогство Буковина, Королевство Далмация. Все эти страны имели свои представительные органы — Ландтаг.

⁵³ После Компромисса 1867 г. венгерская половина империи управлялась централизованно; было упразднено самоуправление всех соседних венгерских стран, например, Трансильвании; только Хорватия и Славония, а также Фиуме смогли сохранить некоторое ограниченное внутреннее самоуправление. Таким образом, землями венгерской короны были: Королевство Венгрия, Королевство Хорватия и Славония, город Фиуме. Венгерская корона носила название «Корона Стефана» в память о святом Стефане (Иштване), первом христианском короле Венгрии (997–1038). В 998 г. он обратился в христианство и в 1000 г. был коронован «апостольским» королем Венгрии.

⁵⁴ Рутения (лат. Ruthenia) - одна из средневековых латинских вариаций названия Руси, наряду с Russia, Ruscia, Rossia, Roxolania и другими. Образованный от Рутении экзоэтноним «рутены» соответствовал историческому восточнославянскому эндоэтнониму «русины». В эпоху Средневековья и в Новое время термин Рутения в ряду других существующих вариаций названия Руси использовался, в основном, не систематически и без какой-либо политической нагрузки. Начиная с XIX века участилось его использование как инструмента политически мотивированной дифференциации восточных славян (прим. пер.). Ruthenen (русины): общее название западных украинцев, проживающих в Австро-Венгрии.

венский двор уже был в том состоянии, которое привело к ужасной драме Майерлинга⁵⁵, - наблюдалась большая восприимчивость к особому искусству графа Тааффе, заключавшееся в том, что из своего платка и пальцев он умел делать маленьких зайчиков и теневые фигурки. Это очень нравилось венским придворным, и это укрепило позиции Тааффе. Целое десятилетие ему удавалось удерживать этот австрийский хаос в соответствующем течении. Собственно, видеть все эти вещи было довольно безутешно. Я тогда говорил с вполне разумными людьми. Было известно, что этот Тааффе держался только из-за своих зайчиков. Но такие люди, как, например, поэт Роллетт, говорили мне: Да, но этот Тааффе, ведь, он у нас всё же самый умный. - Это были, конечно, безутешные условия. И нельзя оставлять без внимания, как мало-помалу, в течение того полувека, на который указывал граф Польцер, подготавливалось то, что затем в продолжении мировой войны в самый важный момент руководящую роль смог занять очень остроумный, но насквозь фривольный Чернин (Czernin). Как тут можно было надеяться на то, что нечто подобное идее трёхчленности социального организма, рождённой из внутренних сил истории и представленной центральноевропейским державам в 1917-ом году⁵⁶, постигалось бы иначе, чем посредством необходимости. Люди просто ничего из неё не поняли, и это тоже не удивительно, ведь, в конце концов, созданием зайчиков трёхчленности не понять. Чтобы проникнуть в эти вещи, требуются другие искусства.

Видите ли, я представил всё это как своего рода картины. На многих подобных картинах можно было бы показать, как долго из многих и многих вещей подготавливалась вся эта катастрофа, и как то, что было и является сейчас реальностью на Западе, стало фразой [в Центральной Европе]. И, по сути, это образовывало нечто такое, что я всегда использовал [в то время в разговорах] как маскировку перед людьми [таких, как, например, Кюльман (Kühlmann)], - ведь, с Кюльманом такая маскировка была необходима: это нахождение внутри реалий великих исторических точек зрения английской политики. Эта английская политика столетиями подготавливала то, что тогда произошло, исходя из исторических фактов. Я думаю, что, конечно, для того, чтобы увидеть все эти вещи, необходимо углубиться в то, что лежит в основе внешнего развития истории, представления истории.

⁵⁵ Австрийский наследный принц, эрцгерцог Рудольф фон Габсбург-Лотарингия (1858-1889), владел охотничьим домиком в Майерлинге недалеко от Хайлигенкройца в Нижней Австрии. Он был единственным сыном императора Франца Иосифа I и императрицы Елизаветы (Сиси). В отличие от отца склонялся к свободомыслию и либерализму и был противником тесной политической связи с Германией, но не мог повлиять на ход событий. В конечном счете Рудольф играл лишь роль кронпринца, так как его отец и не думал отрекаться от престола. Эрцгерцог Рудольф был несчастлив в браке с бельгийской принцессой Стефанией с 1881 года; Император Франц Иосиф I отказался от развода, которого добивался. Смертельно больной, он покончил жизнь самоубийством 30 января 1889 года в Майерлинге вместе со своей восемнадцатилетней любовницей, баронессой Марией Ветсерой, при не совсем выясненных обстоятельствах. По сей день вокруг его самоубийства ходят разные слухи. Новым — предполагаемым — наследником престола стал эрцгерцог Франц Фердинанд Габсбург-Лотарингский, племянник императора Франца Иосифа I.

⁵⁶ В июне 1917 года Отто Граф фон Лерхенфельд спросил Рудольфа Штейнера, как можно достойно вывести Центральную Европу из войны; Благодаря своим связям - его дядя, граф Хуго фон Лерхенфельд, был главой баварской делегации в немецком Бундесрате, - он имел представление о полном отсутствии идей во внешней политике Германии. В итоге в долгих дискуссиях Рудольф Штейнер разработал идею трёхчленности как контрпрограмму мирным идеям американского президента Вудро Вильсона. Наконец, в июле 1917 года в переговорах принял участие и граф Людвиг фон Польцер-Ходиц. Для него Рудольф Штейнер составил два меморандума от июля 1919 года. С помощью своих связей и через личные беседы с Рудольфом Штейнером различные влиятельные политики центральных держав узнали об идее трёхчленности Штейнера. С немецкой стороны это были, прежде всего, министр иностранных дел Рихард фон Кюльманн и Иоганн-Генрих Граф фон Бернсторф, посол Германии в Соединенных Штатах Америки, а также наследник баденского престола и будущий канцлер принц Макс фон Баден, а с австро-венгерской стороны император Карл I и Эрнст Зайдлер фон Моистенегг, премьер-министр австрийской половины империи. Подробнее об истории меморандумов: см. «Вклады в полное издание Рудольфа Штейнера» № 15, «1917 год - в память о духовном и всемирном историческом событии».

Но, мои уважаемые присутствующие, почитайте мемуары людей. Вы увидите, как, фактически, там, где люди представляют себя определенным образом такими, какие они есть, мы сталкиваемся с тем, что можно определить так: Центральная Европа постепенно вырождается относительно величины идей, а идеи, плодотворные, как раз, для Центральной Европы, уходят в Англию. Это интересно, - проследите, например, фигуру предшественника Андраши, графа Бойста (Beust), того странного министра, который мог быть представителем любого патриотизма, который мог служить всем. Я хотел бы представить вам графа Бойста также образно, - в мемуарах есть разные описания того, как он вступал в контакт с западноевропейскими личностями: Он преклоняет колени, очень вежливо, но преклоняет колени. Таков уж этот центрально-европейский государственный деятель, который, собственно, не может поспевать за временем. Я должен упомянуть обо всём этом, поскольку граф Польцер непосредственно относительно этого спросил меня: Как проявляется то, что веками действовало со стороны Запада, а именно, как сознательная, работающая с историческими силами английская политика?

Собственно внешним носителем [этой английской политики] является король Яков I⁵⁷, и я хотел бы сказать, что пороховой заговор⁵⁸ представляет собой ещё нечто совершенно отличное от того, что изображается в истории. Он, ведь, является, собственно, внешним знаком, внешним симптомом важности того, что как импульс из Англии проходит через Европу. Это политика, именно, великих исторических точек зрения. Вы, конечно, видите один из тезисов⁵⁹, который был упомянут сегодня графом Польцером, и который я ставил иногда перед первым представлением трёхчленности: Нельзя, посредством каких-либо мероприятий, - сегодня их дурацким образом называют Лигой Наций (Völkerbund)⁶⁰, - изъять из мира то, что объективно дано и объективно должно постоянно действовать, а именно,

⁵⁷ Джейкоб (Джеймс), 1566–1625, из Дома Стюартов, сын Марии Стюарт, с июля 1567 года как Яков VI. Король Шотландии, а с марта 1603 года как Яков I также король Англии - до своей смерти в марте 1625 года. Внутри страны он выступал за усиление королевского превосходства над аристократией (в Шотландии) и над парламентом (в Англии). Как глава англиканской государственной церкви, он отверг пуританские требования более широкой реформации, в частности отмены епископата. Что касается внешней политики, он способствовал заморской экспансии Англии, но отказался вмешиваться в Тридцатилетнюю войну. Яков I также сыграл важную роль в соединении масонства с англосаксонским народом. Рудольф Штейнер прокомментировал различные вещи о важности личности Якова I, например, в лекции для членов Общества от 15 января 1917 года в Дорнахе (в GA 174): «Один из величайших, самых гигантских духов Британской империи, стоящий очень близко к оппозиции против чистой коммерции в британской торговле, и это Яков I. Яков I вводит таким образом новый элемент, прививая британской народной субстанции то, что она не должна потерять, если она не хочет полностью впасть в материализм».

⁵⁸ Пороховой заговор, Pulververschwörung («Gunpowder Plot»), - это заговор десяти дворян-католиков, включая Гая Фокса (Guy Fawkes), новообращенного католика, которые, с ведома английских иезуитов, короля Якова I и английского парламента, по случаю открытия парламента 5 ноября 1605 года хотел его взорвать. Один из пэров-католиков, которого в тот день предупредили, чтобы он избегал парламента, сообщил властям, чтобы заговор мог быть раскрыт накануне. Заговорщиков судили и казнили. Внешней причиной этого покушения были притеснения и преследования католиков в Англии того времени.

⁵⁹ Например, Рудольф Штейнер указал на существование такой глобальной экономической борьбы в лекции для членов Общества от 22 ноября 1918 года в Дорнахе (в GA 185a).

⁶⁰ Идею объединения воюющих народов в «Лигу Наций» отстаивали различные государственные деятели в годы мировой войны, прежде всего тогдашний американский президент Вудро Вильсон. Статут Лиги Наций от 28 июля 1919 года был частью Версальского договора и других договоров о пригородах Парижа, и вступил в силу 10 января 1920 года. Хотя первоначально Лига Наций задумывалась как всемирная ассоциация государств для обеспечения мира во всем мире, она изначально представляла державы-победительницы; Соединенные Штаты, однако, не принадлежали к Лиге Наций, потому что они не ратифицировали Версальский договор. Советский Союз тоже отсутствовал. Лига Наций имела свое постоянное место в Женеве; его органами были Ассамблея Лиги Наций, Генеральная Ассамблея всех государств-членов и Совет Лиги Наций как комитет. Постоянными членами Совета Лиги Наций были Великобритания, Франция, Италия и Япония; было также некоторое количество непостоянных членов. В 1920 году Австрия и Болгария, в 1922 году Венгрия и в 1926 году Германия были приняты в Лигу Наций; Турция осталась в стороне. Лига Наций была призвана выступить посредником в различных территориальных конфликтах, например, в случае Верхней Силезии, которая оспаривалась между Польшей и Германией.

центрально-европейско-англо-американская экономическая борьба. Это борьба существует так же, как существует борьба за выживание в животном царстве. Она должна происходить, её нельзя изъять из мира, её нужно принять, поскольку она является фактом. Носители этой англо-американской политики понимают это очень хорошо. И тут перед нами выступает нечто явно доказуемое, - я говорю не о гипотезах, а говорю то, что вы могли слышать в речах в Англии во второй половине 19-го столетия⁶¹. Было сказано совершенно ясно: в Европе должна возникнуть большая мировая война, - как я уже сказал, я только цитирую сказанное во второй половине 19-го столетия, - эта мировая война приведёт к тому, что в России откроется огромное экспериментальное поле для социализма. Там [в России] будут проведены эксперименты для социализма, чего в западных странах и не подумали бы делать, поскольку здесь им не позволяют условия. Тут вы видите великие точки зрения, величину которых вы можете распознать по тому факту, что большинство из них осуществилось, и - можете не сомневаться, - будет осуществляться и дальше. Но эти точки зрения не из вчерашнего дня; "понимание" сегодняшних людей - вчерашнее, но не у этих точек зрения, - им столетия.

И то, что граф Польцер представит вам через восемь дней как собственно дух завещания Петра Великого, это как раз то, что [Восток] должен был империалистически противопоставить империализму Запада. Западный империализм, англо-американская сущность, хотела основать англо-американскую мировую империю, так сказать, с точки зрения универсального производителя. На Востоке действительно издавна действовали, мысля, исходя из принципов завещания Петра Великого⁶², - вы еще услышите, до какой

⁶¹ Рудольф Штейнер уже указывал на этот факт в членской лекции в Берне от 12 декабря 1918 года (в GA 186). Там он сказал: «В определенных оккультных кругах англоязычного населения, где эти вещи были известны [...] на протяжении второй половины девятнадцатого века, вы могли обнаружить пророческие намеки на вещи, которые происходят сегодня. Подумайте, что было бы, если бы жители остальной Европы, за исключением англоязычного населения, не заткнули уши и не завязали глаза, прежде чем было привлечено внимание к этим вещам! Я хочу рассказать вам формулу, которая снова и снова повторялась во второй половине девятнадцатого века, она такова: В России, чтобы русский народ мог развиваться, русское государство должно исчезнуть, потому что в России должны проводиться социалистические эксперименты, которые никогда не могут быть осуществлены в западных странах. - Это, может быть, несимпатичная для неангличанина, но великая, всепронизывающая мудрость, высшая степень сообразительности. То, что такие мысли действительно существовали в английских оккультных кругах, подтверждает некий К. Г. Харрисон (C. G. Harrison), который в 1893 г. прочитал серию лекций по теоретическому оккультизму», которые были опубликованы в Лондоне в 1894 г. под названием «Трансцендентальная Вселенная», а также опубликованы на немецком языке в 1897 г. (без указания места). Во второй лекции Харрисон заявил: «Российская империя должна умереть, чтобы русский народ мог жить, и осуществление мечтаний панславистов будет свидетельствовать о том, что шестая арийская подраза начала жить своей собственной интеллектуальной жизнью и она уже не в младенческом возрасте. Нам не нужно развивать эту тему дальше, чем сказать, что национальный характер позволил бы им проводить социалистические, политические и экономические эксперименты, которые вызвали бы неисчислимые трудности в Западной Европе. Вышеизложенное дано только как пример закона общего применения, известного в оккультной науке как «Закон Соответствия». Следует помнить, что в оккультной науке дедуктивный метод используется для открытий, а индуктивный - для доказательств». В лекции от 8 декабря 1918 года в Дорнахе (GA 186) Рудольф Штейнер указал на причину, по которой, по мнению этих кругов, Запад не годился для таких марксистских экспериментов: «Потому что марксизм предполагает, что политика есть придаток экономического порядка. Но она не такова, просто из-за инстинктов, соответствующих душе сознательной, которые формируются у англоязычного населения. Препятствием марксистскому порядку будет не какой-нибудь спор, дискуссия, не то, что происходит в мире, а то, что Британская империя строится на иных основаниях действительности, чем те, на которых строится марксизм, марксистски настроенный пролетариат. [...] Успех будет иметь не банковский институт или бухгалтерский учёт, которые хочет ввести в России Троцкий, а большой банковский институт, большой финансовый институт, для которого, благодаря своим особым талантам, организованы англоязычные народы». См. Также лекции Рудольфа Штейнера от 4 марта 1920 года в Штуттгарте (планируется в GA 335) и от 1 декабря 1918 года (GA 186).

⁶² Завещание Петра Великого: Политическое завещание, якобы написанное русским царем Петром I, является польской подделкой времен Французской революции. Существуют разные версии этого завещания. Первоначальная версия — версия ссыльного поляка Сокольниковского (Sokolnicki), которую он намеревается представить Правлению Французской республики 19 октября 1797 года. Сокольниковский принадлежал к

степени это завещание является истинным или фальсификацией; но это вещи, собственно, далеко не первой важности. И то, что есть на Западе, должно было бы быть уравновешено универсальным царством потребления [на Востоке], - последнее приняло свои ужасные формы уже сегодня. Но тогда эти два царства сталкиваются друг с другом. Можно сказать, что, по сути, и одно и другое, - это злая односторонность. А между ними перетирается то, что как западный импульс выступает в либеральной политике Бойста, Андраши, Тисы, Бергера, Ласкера, Лассера и так далее. То, что выступает тут как отпрыск западничества, трётся о то, что приходит с Востока, - в Пруссии только в форме не дифференцированного полячества, в Австрии в определённых характерных головах, которые там есть. Поскольку в этом славянстве, фактически, представлены все эти характерные головы; невысокий, коренастый, широкоплечий Риегер (Rieger) с широким, почти квадратным лицом, с необычайно волевым взглядом, - я бы сказал, его взгляд был силой; в Риегере было что-то вроде последствия Палацкого, который в 1848 году представлял панславизм из Праги; старый пижон Хауснер, очень остроумный, но у него на первый план выходит другой нюанс того, что действует на Востоке; и затем такие люди, как, например, Дзедушицкий, который говорил так, как будто у него во рту были клёчки или пельмени, но был очень остроумен и полностью владел предметом. Тут можно было бы изучать то, как великий, чудесный характер сохранял, в частности, австрийскую немецкость. Когда в 1889 году я был в Германштадте (Hermannstadt) и должен был прочесть лекцию, я мог изучать гибнущую немецкость в Трансильванской Саксонии, - Шрёер (Schröer) написал грамматику ципзерских немцев и готшерладцев⁶³. Многие из величия этой приходящей в упадок немецкости я выделил в своей книге «О загадке человека» (GA 20). Там стоят такие странные фигуры, в которых еще было что-то от элементарного величия немецкости, как, например, Гамерлинг (Hamerling) и Ферхер фон Штейнванд (Fercher von Steinwand). Но, как раз, Ферхер фон Штейнванд, например, в пятидесятых годах произнес речь, в которой отразилась вся трагедия Центральной Европы. Там он сказал: О чём, собственно, надо думать, когда думаешь о будущем Германии? И он говорит - цыгане, бездомность цыган. Странно, как лучшим людям Центральной Европы многое явилось пророчески. И это так, лучшие люди были, собственно, угнетены, а те, кто был наверху, были ужасными людьми. И так, ведь, подготавливалась эта беда, которая, собственно, всё же должна была бы быть великим учителем.

большой колонии поляков-эмигрантов, живших в то время в Париже; он назвал себя генеральным представителем поляков. Он был польским офицером и в начале девяностых годов отсидел два года в России, где имел возможность заниматься военными и научными исследованиями. После освобождения он отправился во Францию через Польшу, где пребывал с осени 1797 года. С целью создания в Германии польского легиона для освобождения Польши, — он хотел открыть польский вербовочный пункт на немецкой земле, — он искал поддержки у французского правительства. С этой целью он составил описание тайных намерений России в виде политического завещания Петра Великого. В документе, приложенном к завещанию, Сокольницкий описал, как ему удалось понять эти намерения: с одной стороны, благодаря двум годам медитаций в тюрьмах Санкт-Петербурга, с другой стороны, благодаря информации от польских соотечественников и его собственным исследованиям в Варшаве с конфискованными 18 апреля 1797 года русскими архивами, позволила ему окончательно раскрыть секретный план царя Петра I по покорению Европы. Однако, у него не было возможности сделать копию этого завещания, поэтому он смог записать только самые важные фрагменты по памяти. Эта подделка Сокольницкого впоследствии была приукрашена другими авторами и использована в расширенной форме французскими властями в 1812 году для того, чтобы настроить общественное мнение против России и склонить его на сторону русской кампании Наполеона. Рудольф Штейнер различным образом комментировал последствия этого поддельного завещания. Особенно подробно он сделал это в рамках своих «Рассмотрениях исторических эпох» (GA 173) в лекции от 9 декабря 1916 года. Первоначальный вариант завещания, переведённый на немецкий язык, представлен в GA 337b.

⁶³ Gottscheerland - территория, заселенная немцами в австрийской короне Карниола, вокруг города Готше. Немецкое население ведет свое происхождение от 300 франко-тюрингских семей, иммигрировавших в период миграции. Город Готше теперь называется Кочевье и принадлежит Словении.

В этом государстве, в Австрии, в которой до войны было тринадцать официальных языков⁶⁴, было действительно прекрасно показано, насколько, собственно, невозможно это государственное образование в современном человечестве, насколько невозможно то, что привыкли называть единым государством (Einheitsstaat). Эти тринадцать разных народов, - на самом деле их было ещё больше, но официально было тринадцать, - они изо всех сил требовали того, что тогда должно было быть высказано как идея трёхчленности. И Австрия, как раз, могла бы стать великой школой для этой всемирно-исторической политики. А именно, если вы изучали её в Австрии в восьмидесятых годах, - мне пришлось тогда взять на себя редактирование «Deutsche Wochenschrift» («Немецкого еженедельника»), - в восьмидесятых годах, когда внешне правил Тааффе, когда готовился Люгер, тогда действительно была возможность увидеть движущие силы. В то время изменилась вся сигнатура Вены⁶⁵. Вена, которая имела немецкий характер, благодаря наплыву славянства, превратилась в город интернационального, почти космополитического характера. Можно было изучать, как развивались события. Затем стало понятно, что в том, что вышло из либерализма, было что-то бессильное. Это было похоже на обморок, когда говорил Хербст. Затем, наконец, пришли к тому, что люди поняли: эта политика больше никуда не годится! Но они так думали не потому, что внутренне понимали характер фразы такой политики, как политика Хербста, который рождала только абстракции, а потому, что венское правительство стремилось к сохранению престижа и к империализму и использовало оккупацию Боснии и Герцеговины. Когда такой человек, как Хербст, выступал против этого, не было видно пустоты его предложений, было только видно, что он не мог найти себя в империалистической политике. [В противоположность ему], Пленер, который говорил, по сути, те же пустые фразы, нашёл себя в ней, и обратился к людям, которые были сторонниками оккупации, поскольку он был карьеристом в большей степени. Это было тогда, когда под впечатлением этой боснийской оккупации Хауснер произносил свои великие речи, в которых пророчески предсказал то, что в основном и произошло. В том, что тогда было сказано, и где играло свою роль завещание Петра Великого, уже было что-то от проблесков того, что произошло затем таким страшным образом. Именно из речей, которые упоминал сегодня граф Польцер и в которых так часто затрагивалось завещание Петра Великого, так же, как и великие точки зрения славянской политики⁶⁶, возникает определённая возможность увидеть, что должен был бы сделать человек, будь он благоразумен, по отношению к британской политике и её великим историческими точкам зрения.

Политика, мои многоуважаемые присутствующие, хочет, чтобы её изучали как реальность, чтоб её переживали как реальность. И снова и снова я должен сказать, что для меня, собственно, чрезвычайно болезненно, когда люди берут в свои руки «Основные пункты», и не видят, что эти «Основные пункты» выписаны из добросовестного наблюдения за европейскими и прочими условиями цивилизованной жизни нового времени, и с учётом всех соответствующих деталей. Но, мои многоуважаемые присутствующие, нельзя же в одной книге, изданной как программный документ, описать все эти вещи в деталях. Сегодня я указал на некоторые из них в картинах; если же писать об этом, понадобится пятьдесят томов. Эти пятьдесят томов, конечно написать нельзя, но их содержание влилось в «Основные пункты». И это большой, - или малый, - это малый знак нашего времени, что люди не чувствуют разницы между предложениями, высказанными, исходя из

⁶⁴ В австро-венгерской двойной монархии было официально признано тринадцать языков: немецкий, чешский, словацкий, польский, русинский (западноукраинский), словенский, хорватский, сербский, итальянский, ретороманский (условное название группы архаичных романских языков, расположенных на периферии галло-итальянского языкового ареала, прим. пер.), румынский, венгерский и идиш.

⁶⁵ Во время правления мэра Карла Люгера (1897-1910) Вена превратилась в современный космополитический город.

⁶⁶ Эта политика первоначально была направлена на большую независимость трёх крупных славянских народов, чехов, поляков и южных славян, в составе Австро-Венгрии, а в своей радикальной - панславянской - форме, на объединение всех славянских народов под главенством России.

действительности, и всей этой чушью, которая пронизывает сегодня весь мир, и к которой, собственно, сегодня относятся как к чему-то равнозначному тому, что черпается из позитивной действительности, и тому, что переживается. Надо чувствовать то, что стоит в этих «Основных пунктах», а не требовать доказательств в пятьдесят томов. Это знак убожества для человечества, эта неспособность чувствовать, есть ли жизнь в предложении, составляющем, возможно, только две строки, или в нём просто журналистская фраза.

Вот что необходимо, и к чему мы должны и можем прийти: к умению отличать журналистику и фразу от пережитого, кровоточащего содержания. Без этого мы не продвинемся дальше. И, как раз, при попытке ориентироваться на большую внешнюю политику становится очевидным, насколько сегодня человечеству необходимо продвигаться к такому различению. Это то, что я хотел сказать парой действительно недостаточных предложений относительно того, на что хотел указать граф Польцер.

После завершения выступления Рудольфа Штейнера была объявлена возможность дискуссии.

ШЕСТОЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР Штуттгарт, 28 июля 1920 года

Исторические взгляды на внешнюю политику

Рудольф Штейнер: Мои многоуважаемые присутствующие! В настоящем, - и под этим я также подразумеваю самое непосредственное настоящее дня, - следует снова и снова подчеркивать, что в центрально-европейских экономических, государственных и духовных условиях невозможно добиться прогресса, если во всём образе мышления людей, которые участвуют в публичной жизни, не появятся более широкие точки зрения, чем те, которые, к сожалению, имели место в широких кругах до сих пор. И поэтому вы простите меня за то, что я хотел бы сегодня пойти немного дальше и осветить европейскую культурную политику с некоторых, - хотя и представленных только афористически, - исторических точек зрения.

Если мы хотим обрести точку зрения в рамках нынешних общественных отношений, мы должны внимательно рассмотреть различие, существующее в государственных, интеллектуальных и экономических отношениях между [тремя областями]: Первую область можно было бы назвать миром Запада, который, в частности, включает в себя население, принадлежащее к англо-американскому элементу, и на буксире которого, ведь, сегодня находится и романское население. Затем, согласно вышеупомянутым трём точкам зрения, мы должны резко отличать от этого англо-американского ареала на Западе всё то, что можно было бы назвать центрально-европейским культурным ареалом. И из этого следует отличать третью область, то есть Восток, Дальний Восток, который всё более и более объединяется в одну замкнутую область, - больше, чем обычно склонны предполагать на основании весьма неточных сведений, - область, охватывающую Европейскую Россию со всем, на что она распространяет своё владычество уже сейчас и ещё более будет распространять потом, а также большую часть Азии. Людям не всегда достаточно ясно, какие значительные различия существуют между этими тремя областями и как, исходя из этих различий, должны были бы регулироваться отдельные дневные мероприятия, согласно трём упомянутым точкам зрения, если из этих мероприятий должно было бы выйти что-то плодотворное для будущего. Ведь,

это действительно плачевно, что мы снова и снова, словно бессознательно, должны переживать то, что для нового строительства необходимы новые идеи; даже такие важные переговоры, как в Спа⁶⁷, ведутся так, будто можно было бы и дальше хозяйствовать с теми же мыслями, которые, начиная с 1914 года, довели себя до абсурда. Я попытаюсь, - как и было сказано, только афористически, и будет казаться, будто характеристика даётся в очень общих чертах, но под этим общим подразумеваются очень конкретные вещи, - я попытаюсь выделить различия между способами представления на Западе, в середине и на Востоке, и будет показано, что, исходя из этих представлений, можно извлечь плодотворные точки зрения для настоящего и будущего.

Наверное мы будем исходить из того, что мой призыв, появившийся весной 1919-го года, в отдельных кругах Германии был так неправильно понят потому, что этот призыв исходил из того, что Германия с семидесятых годов 19-го столетия потеряло свою собственную задачу в отношении того, что она пыталась государственным образом ограничить и постепенно консолидировать. Можно было бы сказать: Эта Германия ограничилась тем, что создала, своего рода, объективные рамки, но не смогла прийти к тому, чтобы в этих рамках выработать несущие идеи, создать действительно субстанциональное содержание, культурное содержание. Что ж, можно, ведь, быть, так называемым, практическим человеком, а носителей идей предавать анафеме как идеалистов; но с такими практичными людьми мир не идет дальше кризисов, - вначале отдельных, а затем таких универсальных кризисов, как тот, который начался в 1914 году. Если являться, в таком смысле, практичным человеком, можно делать дела, можно удовлетворять индивидуальные интересы, видимо, также удовлетворять интересы в больших масштабах; но как бы хорошо ни шли дела у отдельного человека, и как бы этому отдельному человеку ни казались хорошими его начинания, - при таких условиях это снова и снова должно приводить к кризисам, и эти кризисы должны, в конце концов, перерасти в такую катастрофу, какую мы пережили как величайшую мировую катастрофу в 1914-ом году.

Теперь, что же такое характерное всё больше и больше выступает перед нами в центрально-европейской области, особенно, начиная с семидесятых годов? Мы видим, что там, где дело доходит до собственно идеальной области, из которой, ведь, должно было бы исходить некоторое культурное содержание, что там, в пределах Центральной Европы, - также и в политической и общественной жизни, - кроме отдельных похвальных мероприятий, по сути, ведётся только, своего рода, теоретическая дискуссия. Ведь, почти всё, что тут было использовано для того, чтобы справиться с требованиями времени, вы найдёте более или менее зафиксированным в разбирательствах, - будь то в парламентах или вне парламентов, - которые велись между пролетарской партией, которая принимала всё более и более социал-демократический характер, и различными другими партиями, которые, исходя из своих интересов или традиций, считали, что должны бороться с этой пролетарской партией. Было привнесено много критики и антикритики, было много разговоров, но: к чему, по сути, всё это привело? Что из этих разговоров вышло полезного для построения будущих социальных условий, при которых могут жить люди? Те из уважаемых присутствующих, кто уже не раз слушал мои лекции, знают, что я не люблю пускаться в теории, и там, где важно проводить крупные линии, предпочитаю переходить к непосредственной жизненной практике. Поэтому и сегодня то, на что я только-что указал, я хочу подтвердить непосредственной практикой.

Одной из самых интересных публикаций современности является книга профессора Варги «Хозяйственно-политические проблемы пролетарской диктатуры», в которой он описывает то, что он сам пережил и сделал в пределах хотя и небольшой, но не такой уж и маленькой европейской экономической области. Книга Варги чрезвычайно интересна тем, что здесь человек описывает то, что сам пережил, сам сделал, и то, что с ним произошло, пока он обладал властью, - пусть это и могло длиться только короткое время, - почти

⁶⁷ С 5 по 16 июля 1920 года в Спа в Бельгии проходила Европейская конференция по разоружению Германии и определению репарационных выплат.

самостоятельно структурировать, социально организовывать некоторую ограниченную область. Ведь, профессор Варга был комиссаром по экономическим вопросам, то есть, министром экономики в период краткого расцвета Венгерской Советской республики, и то, что он и его коллеги пытались сделать, он, как раз, представил в этой упомянутой книге. Будучи [ответственным] в основном за хозяйственные дела, он описывает то, как он хотел привести в порядок Венгрию экономически, исходя из марксистской точки зрения, - с точки зрения очень близкой к ленинской, - и с определённой откровенностью описывает опыт, который он при этом получил. Прежде всего, он точно описывает то, как, по особому рецепту, который можно было использовать в Венгрии, он экспроприировал отдельные предприятия, как он пытался образовать, своего рода, производственные советы из рабочих отдельных предприятий, как он пытался затем объединить эти отдельные предприятия в более крупные экономические организации, которые должны были управляться высшим экономическим советом, возглавляемым комиссарами по экономике, и как эти комиссары должны были затем управлять всей этой экономической жизнью из Будапешта. Он в деталях описывает то, как он делал все эти вещи. Как уже было сказано, это человек, который весь свой образ мышления, - то есть, тот образ мышления, который должен был тут стать непосредственно практическим, который пару месяцев мог вести хозяйственные дела в Европе, - обрёл в результате всего того, что разыгрывалось за последние пятьдесят лет между социал-демократической партией и всем тем, с чем эта социал-демократическая партия, исходя из самых разных точек зрения, боролась. Его взгляды, как было сказано, очень близки к ленинизму; с особой остротой он выдвигает одну точку зрения. Такому человеку, как профессор Варга, который описывает события с некоторой бычьей импульсивностью, - бычьей импульсивностью, с которой мы, ведь, достаточно хорошо знакомы по партийной жизни в Центральной Европе, - такому человеку ясно, что только жёсткое, строгое выполнение марксистских принципов, как этого хочет и Ленин, могли бы, в той или иной модификацией, принести оздоровление социальному организму; в этом он был уверен. Кроме того, он, этот профессор Варга, являлся также человеком, который хотя и не слишком глобально, не слишком хорошо, но всё же мог думать; и потому он знал, - и также описал это, - что, по сути, всё это движение несёт на себе индустриальный пролетариат. Исходя из особых обстоятельств, из опыта при введении того, что он хотел осуществить в Венгрии, ему стало кое-что ясно: а именно, то, что, хотя индустриальные пролетарии и являются единственными людьми, которые так же, как и он сам, хотят придерживаться требований марксизма, и нечто от них ожидают, этот индустриальный пролетариат, как и городское население вообще, является также тем, кому приходится хуже всего, если действительно практически что-то попытаться сделать с этими принципами. Тот короткий опыт показал ему, что поначалу, собственно, только сельское население имело какие-то возможности хоть как-то приспособиться к этим принципам. Сельское население приспосабливается лучше потому, что эти марксистские принципы возвращают всю культуру на некоторую примитивную ступень. Но эта примитивная ступень культуры неприменима к структуре городской жизни, самое большее - к крестьянской жизни в деревне. И таким образом профессор Варга должен был признать, не смотря на то, что он марксист, - что для него является примерно таким же само собой разумеющимся фактом, как и то, что верна теорема Пифагора, - он должен был себе признаться: Мы должны быть готовы к тому, что индустриальный пролетариат и городское население будут голодать.

Теперь дело за тем, что такой человек, как профессор Варга, видит в последствиях таких предпосылок. Он говорит: Да, но, во-первых, у индустриального пролетариата в городах есть идеализм, и он будет держаться этого идеального даже тогда, когда ему придется голодать. Ну, разумеется, это принадлежит к фразеологии времени модерна, что когда какая-то идея не срабатывает, - идея, которую хочется считать абсолютно верной, - что тогда эту идею маскируют идеализмом, за который при необходимости можно и поголодать. Другое следствие, приводимое Варгой состоит в том, что он говорит: Ну, хорошо, вначале в городах и для индустриального населения дела будут обстоять намного хуже; но потом, после того, как будет достаточно долго плохо, наконец, станет лучше; поэтому индустриальных

пролетариев и горожан вообще надо настраивать на будущее. То есть, он говорит так: Да, поначалу нас ждёт довольно мрачный опыт; но в будущем всё наладится. - А у него, ведь, были не те ручные производственные советы, которые мы встречаем на Западе, а те весьма радикальные производственные советы, которые возникли из радикализма по ленинскому образцу и были введены в Советской Венгрии. И поскольку люди, которые содержали весь хозяйственный аппарат, не определялись каким-либо прежним правлением, они избирались из собственных рядов. И тогда профессор Варга получил следующий опыт, - он смог испытать всё это на себе, - он сказал, и это интересное признание: Да, прежде всего оказалось, что те люди, которые были избраны, и которые, собственно, должны были заботиться о производительности труда, занимались тем, что слонялись по цехам и спорили, а другие, видя это, находили это более приятным, нежели работа, и тоже хотели перейти на эти должности; и таким образом развивалось общее стремление, направленное на занятие этих должностей. Это интересное признание человека, который имел возможность не только разработать теории о действительности марксизма и ленинизма, но и применить их на практике. Но есть нечто ещё более интересное. Варга показывает, как такие хозяйственные комиссары, - которые должны были руководить более крупными областями, что, впрочем, приходилось делать весьма бюрократически, - собственно, не имели ни желаний, ни возможности сделать что-то реальное.

Видите ли, книга Варги о Советской Венгрии необычайно интересна с точки зрения современной культурной истории, благодаря описаниям, которые очень подробны, и действительно так же интересны, как и те немногие вещи, которые я сейчас изложил. В этой книге, однако, самым интересным для меня было то, что занимало приблизительно всего три строчки. Я хочу сказать, что самым главным там является, как раз, то, что профессор Варга, говорит о задачах хозяйственных комиссаров, и о том, как эти задачи не могли быть выполненными. Он говорит: Да, однако, эти комиссары по хозяйственным вопросам будут всё же иметь какое-то значение и победят в будущем только в том случае, если на их должности будут найдены подходящие личности. Добрый профессор Варга, кажется, не понимает, какое, собственно, мощное признание заключено в этих трех строчках, которые являются одними из самых интересных во всей книге. Мы читаем совершенно ненавязчивую исповедь человека, который, я бы сказал, с ленинским упорством вырос на идеях 20-го столетия, и который имел возможность претворить эти идеи в жизнь; мы видим признание, идущее [вразрез] тому, что снова и снова проповедовалось почти на каждом социал-демократическом собрании: Да, это неверно, полностью неверно, когда люди думают, что история делается на основании идей, на основании гениальности отдельных личностей; гораздо правильнее было бы сказать, что сами эти личности и всё, что они могут развить в виде идей, вытекают из экономических условий. - То есть, этими людьми снова и снова говорилось, как неправы были те люди, которые рассчитывали на идеи и личности, и что надо рассчитывать только и единственно на условия производства, которые, как надстройка, выделяют из себя то, чем являются руководящие идеи. И вот, теперь, появляется человек для того, чтобы действительно реализовать [эти марксистские идеи], и говорит: Да, все эти идеи очень хороши, но их возможно осуществить только в том случае, если у нас будут для этого подходящие личности. - Едва ли можно себе представить, что может быть доведено до такого абсурда то, что составляет суть, нерв, самый сокровенный импульс образа мыслей такого человека, как Варга, этого главного комиссара народного хозяйства, этого министра экономики Советской Венгрии. Это совершенно ясно показывает, что те идеи будущего, которые бродили в Центральной Европе, будут обречены на провал в тот момент, когда на их основе захотят построить что-то позитивное. Достаточно прочитать только эти описания, воспринять это признание, чтобы увидеть, насколько, собственно, бессилён такой человек, которого обстоятельства времени вытолкнули на поверхность для руководства в столь важной стране, и к [каким выводам] он приходит в хозяйственной области.

Но также интересно, для чего такой человек вступает в государственную область. Видите ли, тут уже рассуждения профессора Варги надо связывать с обстоятельствами того

времени. Вы, вероятно, помните, как в последние десятилетия с самых разных сторон всё чаще и чаще раздавались жалобы на то, что все государственные посты заняты не техническими, не коммерческими специалистами, а юристами. Также и в других случаях, а именно при огосударствлении железных дорог, собственно эксперты всегда были теми, кто должен был отойти на второй план, а юристы были теми, кому, по сути, отдавалась вся власть и кто занимал самые важные посты. Ну, как же, теперь, профессор Варга говорит о юристах, к которым, кстати, принадлежит и он сам? Как он говорит о других представителях государства, государственных лидерах, государственных чиновниках? Он говорит о них так: на них вообще не надо обращать внимания, они будут просто упразднены, они больше не будут иметь какого-либо значения; юристы всех мастей должны вписаться в пролетариат, поскольку, если вы хотите социализировать хозяйственную жизнь, они не нужны. - Тут заметно, как непосредственно сталкиваются две вещи: элитарное юридическое государство, выталкивающее на поверхность юристов, и социалистическое государство, объявляющее всю эту систему юристов ненужной. Таким образом, в социалистическом государстве юристов просто упразднят, без всяких раздумий. Это люди, с которыми больше не считаются. На них не рассчитывают в новом социальном порядке. А духовная жизнь становится просто придатком экономического государства. То есть, в эти несколько месяцев существования Венгерской Социалистической республики она просто не учитывалась. Поэтому тут у Варги не было никакого опыта; тут он просто теоретизирует. И таким образом мы видим, как этот профессор Варга, который, я бы сказал, вставил во всемирно исторический контекст, такое замечательное произведение современной литературы, - мы видим, что этот человек, собственно, никак не коренится в действительности. В лучшем случае, он коренится в действительности одной-единственной тривиальной фразой: если вы хотите, чтобы какой-то пост функционировал должным образом, то его надо отдать правильному человеку. Всё остальное - ерунда, бесполезный хлам; но этот бесполезный хлам всё же должен был стать действительностью в одной, совсем не узко ограниченной области. Тогда такой человек, естественно, находит всевозможные оправдания тому, что Советская Венгрия так быстро пришла к своей кончине, - из-за румынского вторжения и всего прочего. Но тот, кто взглянет на эти вещи глубже, должен будет сказать себе: Просто потому, что Венгрия является меньшей областью, потому что всё деградирующее, всё растворяющее и разлагающее, имеет более короткий путь от центра Будапешта к периферии страны, - именно поэтому на примере Советской Венгрии было очень быстро показано то, что на Востоке, в России, где расстояние от центра Москвы до периферии больше, также ещё будет происходить, хотя и в вопросах, которые могут вызвать у нас большую тревогу.

Видите ли, когда дело доходит до руководящих личностей, действительно руководящих личностей, мы, по сути, имеем дело с двойственностью. С одной стороны, у нас есть те руководящие личности, которые, как нынешний рейхсканцлер, - до сих пор говорят «рейхсканцлер», - разыгрывают из себя устаревшую фигуру в международных переговорах, которые до сих пор работают с самыми избитыми идеями, а, с другой стороны, у нас есть такие личности как профессор Варга, который хотел основать что-то новое, - новое, которое, однако, является новым только потому, что его идеи быстрее ведут к деградации. Идеи других тоже ведут к деградации, но, поскольку они не так радикальны, деградация проходит более неряшливо, более медленно; когда со своими идеями появляется профессор Варга, она проходит более основательно, более радикально.

Возьмём западные идеи. Как я уже сказал, об этом можно говорить очень долго, до завтра, но сейчас я хотел бы просто представить некоторые точки зрения. Видите ли, ведь, об этих западных странах, особенно об англо-американской культурной политике, - если хотите, можно назвать её и антикультурной политикой, - можно думать что угодно с моральной точки зрения или с точки зрения человеческих симпатий и антипатий; я не хочу спорить о вкусах. [Об этом я говорить не хочу], но я хочу говорить о всемирно-исторической и политической необходимости, о том, что как *Impetus* (толчок), как импульс в английской политике действовало в те самые десятилетия, когда в Центральной Европе проходили такие

теоретические дискуссии, что затем появились идеи Варги. Тот, кто взглянет на эту английскую политику, обнаружит, что она основана прежде всего на чем-то таком, что является некой особенностью, базисной особенностью, - это может кому-то нравиться или не нравиться, но это базисная особенность, - благодаря которой идеи действуют, благодаря которой идеи текут.

Как нужно было бы объективно охарактеризовать контраст между этой Центральной Европой и этими западными, англо-американскими странами, - к которым, ведь, принадлежат и колониальный прирост в Америке? Тут я хотел бы сказать: чрезвычайно характерным здесь является то, что в этой особенности, которая прежде всего проходит через торговую политику, через индустриальную политику западных стран, всегда ясно ощутимо - я не говорю понятно, а говорю ощутимо, - нечто такое, что высказывается также как идея. В 1884-ом году английский историк профессор Сили (Seeley)⁶⁸ описал эту вещь в книге «Расширение Великобритании». Я хочу изложить это вам его собственными словами, лучше всего парой предложений, которые ясно и чётко выражают то, о чём при этом идёт речь. В своей книге «The Expansion of England» Сили говорит: «Мы основывали нашу империю отчасти, надо признать, проникнутые стремлением к завоеванию, отчасти с филантропическими намерениями, чтобы положить конец чудовищному злу». - Он имеет в виду зло в колониях. То есть, экспансионистскую политику намеревались проводить совершенно сознательно, - эта идея содержится во всей книге, - расширять сферы власти Великобритании над миром. И к этому расширению стремились потому, что считали, что эта миссия, состоящая в использовании сил экономической экспансии, выпала на долю британского народа, - так же, как в древности определенная миссия выпала еврейскому народу. Это говорит историк⁶⁹: В тех людях, которые занимаются торговлей в Англии, которые являются промышленниками, колонизаторами, руководителями государства, - во всех этих людях живёт сомкнутая фаланга завоевания мира. Вот что говорит этот историк Сили. И лучшие люди Англии, которые знают, о чём идет речь, также из тайных обществ⁷⁰, прямо подчеркивают: Наш Рейх есть островной Рейх, вокруг нас - море, и наша миссия исходит из конфигурации этого нашего Рейха. Поскольку мы островной народ, мы должны, с одной стороны, завоёвывать, исходя из честолюбия, а с другой стороны, - реальной или воображаемой, - исходя из филантропии, стремясь устранить зло в совершенно не культивированных странах. Всё это, исходя из народного инстинкта, но исходя из народного инстинкта так, чтобы в один момент быть готовым делать одно и не делать другое, - если речь идет о том, чтобы как-то приблизиться к великой цели расширения британской сущности. Что же известно [о британской сущности]? Я прошу вас, мои уважаемые присутствующие, обратить пристальное внимание на эти мои слова, - что же известно об этом? Известно, что англичане думают: мы - островной народ.

⁶⁸ Сэр Джон Роберт Сили (1834-1895) был известным британским историком и основоположником политической науки. Первоначально профессор древней филологии, он был профессором современной истории в Кембридже с 1869 года до своей смерти. Самой известной работой, которую он написал, была «Экспансия Англии» («The Expansion of England») - краткое изложение его лекций 1883 года. Книга была опубликована в Лондоне в 1883 году и стала известна в полном объеме в немецко язычном мире под названием «Расширение Великобритании» (Лейпциг, 1928) только после смерти Рудольфа Штейнера.

⁶⁹ В той же книге, в главе «Торговля и война», Сили ссылается также на закон, пронизывающий всю английскую историю XVII и XVIII веков: «Закон тесных взаимосвязей войны и торговли, согласно которому на протяжении всего периода торговля естественным образом ведёт к войне, а война благоприятствует торговле».

⁷⁰ Рудольф Штейнер неоднократно говорил об английских тайных обществах. Например, в лекции от 21 февраля 1920 года в Дорнахе (в СА 196) об их значении: «Это общества, которые прикрываются необычайно симпатичными внешними правилами, общества, которые, особенно в пятый послеатлантический период, приобретают всё большую и большую силу» - силу, «о которой широкая публика не имеет ни малейшего представления». Об учении этих оккультных братств он сказал в лекции от 9 декабря 1916 года: «Говорят, что задача, поставленная перед пятым послеатлантическим периодом, состоит в том, чтобы довести его до конца настолько, чтобы — так же, как в к концу четвертого послеатлантического периода всё было пронизано романской культурой - к концу пятого, исходя из Запада, всё должно быть пронизано культурой, которая должна произойти от англоязычных народов».

Таков характер нашего государства, что оно расположено на острове. Мы не можем быть ничем иным, как народом-завоевателем. - Если кому-то нравится говорить «грабительский народ», пусть говорит, сегодня это не важно, важны только факты и политическая тенденция, поскольку они имеют какое-то действие; суждения вкуса не действуют в обсуждаемой нами области. Таким образом, [в Англии] умеют проводить политику, особенно в экономической области, которая исходит из ясного знания того, кем вы являетесь как народ в той области Земли, на которой живете. Это чувство действительности, это дух реальности⁷¹.

Как же обстоит дело в Центральной Европе? Что же тут поможет, если тут постоянно пребывают в иллюзиях? Тут никогда не сдвинуться с места. Продвинуться вперёд можно, только заглянув действительности в глаза. Как обстоит дело в Центральной Европе в то же самое время, когда английская воля всё больше и больше кристаллизовалась в том, о чём я только-что говорил, когда исходят из ясного знания той области, в которой действуют, - что же в то же самое время происходит в Центральной Европе? Ну, в Центральной Европе мы ни в коем случае не имеем дело с подобным пониманием задач, обусловленных территориальным положением, - от слова совсем. Возьмем область, из которой произошло несчастье в Европе, Австро-Венгрию; эта Австро-Венгрия в определённой степени была создана новейшей историей, чтобы привести доказательства того, каким современное государство быть не должно.

Видите ли, эта Австро-Венгрия включала в себя, - я не могу в это углубляться, сегодня я хочу охарактеризовать её только внешним образом, афористично, - эта Австро-Венгрия включала в себя, прежде всего, немцев, проживающих в альпийских землях и в Нижней и Верхней Австрии, которые раскалывались в соответствии с самыми различными умонастроениями, далее, на Севере, - чехов, с сильными включениями немцев в немецкой Богемии, далее, на Востоке - польское население, ещё дальше на Востоке - русинское население, и затем различные другие народности, проживающие на востоке Австро-Венгрии, преимущественно мадьяры, и дальше на Юге - южно-славянские народы. Мои многоуважаемые присутствующие, удерживается ли всё это воедино содержащей реальность идеей, подобной [английской]: мы островной народ и поэтому должны быть завоевателями? Нет! Чем же удерживались вместе эти тринадцать различных, государственно признанных языковых областей Австро-Венгрии? Их удерживала вместе - я могу это сказать, поскольку провёл в Австрии половину своей жизни, почти тридцать лет⁷², - их удерживала вместе единственно и только внутренняя политика Габсбургов, эта злополучная внутренняя политика Габсбургов. Хотелось бы сказать, что всё, что делалось в Австро-Венгрии, на самом деле делалось с точки зрения: Как сохранить эту внутреннюю политику Габсбургов? Эта внутренняя политика Габсбургов - продукт Средневековья. Так что нет ничего [для удерживания вместе], кроме корыстных интересов княжеского дома, ничего подобного тому, что выразил, например, английский историк Сили в 1884-ом году.

А что мы пережили в остальной части Центральной Европы, например, в Германии? Да, тут я должен сказать: мне всегда врезалось в сердце, когда я, например, читал что-то вроде того, что часто встречается у Германа Гримма⁷³, который ясно и чётко описывает то, что он ощущал в свои собственные студенческие годы, ещё в то время, когда было преступлением называть себя немцем. Сегодня люди этого больше не знают; нельзя забывать, что были вюртембергцы, были баварцы, пруссаки, тюрингенцы и так далее, но не было немцев

⁷¹ Рудольф Штейнер, как правило, всегда различал слова «действительность» (Wirklichkeit) как нечто более высокое, и «реальность» (от лат. res «вещь, дело») как нечто более низкое (прим. пер.)

⁷² С 1861 по 1890 год, до момента своего переезда в Веймар в Германии, Рудольф Штейнер жил в различных местах Австро-Венгрии, часть которых относилась к транслейтанской (венгерской) половине империи (Кралевец, Нойдёрфль), а часть к цислейтанской (австрийской) половине (Мёдлинг, Поттшах, Оберлаа, Брунн-ам-гебирге, Фёслау, Вена).

⁷³ Герман Гримм (1828-1901), немецкий писатель и профессор истории искусств.

(Deutscher). А быть немцем, великогерманцем, было тогда революцией⁷⁴, можно было признаться в этом только в очень узком кругу, это было преступлением против корыстных интересов княжеских домов. До 1848-го года, говорит Герман Гримм, величайшим преступлением немцев на политической арене было то, что французы считали своей величайшей честью: называть себя французом; называть себя немцем было [величайшим преступлением среди немцев]. Сегодня многие читают «Речи Фихте к немецкой нации» и я думаю, что они совершенно неверно понимают вступительные слова, потому что связывают их с чем-то другим. Фихте говорит: я говорю для просто немцев, о просто немцах. - Он имеет в виду, что говорит для просто немцев, без учёта различий между австрийцами, саксами, тюрингцами, баварцами и так далее, - строго [в смысле] внутренней политики; ничто в этом предложении не содержит чего-то такого, что вышло бы наружу. [Быть немцем в политическом смысле] было чем-то, чему было быть непозволительно, что было запрещено. Это выглядит почти глупо, но это было запрещено, - в некоторой степени по принципу, который фигурирует в анекдоте о кайзере Фердинанде, которого называли добрым (Ferdinand den Gütigen)⁷⁵, потому что никаких других полезных качеств у него не было. О нём говорят, что когда Меттерних (Metternich)⁷⁶ доложил ему: «Люди в Праге начинают революцию», кайзер Фердинанд спросил: А им это вообще разрешено? - Примерно по этому принципу «не разрешено» обходились с «быть немцем» до 1848-го года. И затем, конечно, это «быть немцем» породило идеал, который позже отдал концы во властной политике; родился тот идеал [единства], к которому постоянно стремятся и сегодня. То, как сложилась его судьба, лучше всего видно на примере эстета Фишера⁷⁷, который жил здесь, в Штутгарте; вплоть до семидесятых годов его преисполнял великогерманский идеал, воплощенный в словах Фихте: я говорю для просто немцев, о просто немцах. - Однако, затем он присоединился к тем условиям, которые Ницше охарактеризовал в начале семидесятых годов словами: они были искоренением немецкого духа в пользу Германского рейха. - Но видно, как неохотно такой человек, как Фишер, скрипя зубами, переметаморфозирует старый идеал в новый, как ужасно трудно ему представить это новое, к которому он обратился, как истину. Необычайно интересна в этом отношении автобиография Фишера «Старое и новое». И в вышеизложенном, во многом лежит причина того, что, когда мировые условия требовали мировой политики, в Центральной Европе не развивалось ничего, кроме бесполезной дискуссии, о которой я говорил. То, что в действительности происходило в шестидесятых, семидесятых годах, было внутренней политикой против внутренней политики; она заменила то, что должно было родиться из немецкого идеала. По сути, мои многоуважаемые присутствующие, итальянцы, французы, возможно, даже англичане, были бы рады иметь такого историка, каким был Трайчке (Treitschke)⁷⁸ для немцев. Его можно было бы назвать

⁷⁴ После Венского конгресса 1815 года Германия распалась на множество суверенных отдельных государств; безусловное сохранение их независимости было целью большей частью монархической государственной власти отдельных германских государств. Только в 1870 году на основании господства Пруссии удалось объединить Германскую империю: возникла вторая Германская империя с прусским королем в качестве имперского главы федерального правительства. С этим также было принято окончательное решение для маленькой Германии: немцы Австрии остались исключенными из объединения империи - их включение было идеалом великогерманцев.

⁷⁵ Фердинанд I (1793-1875) из Дома Габсбургов-Лотарингии был императором Австрии с марта 1835 года. Из-за слабого здоровья и ограниченных интеллектуальных способностей он был практически непригоден для управления; Вместо него фактически правил Регентский совет из четырех человек, «Государственная конференция». В декабре 1848 года Фердинанд I был вынужден отречься от престола ввиду необходимости обновления империи Габсбургов, и его заменил его молодой племянник Франц Иосиф I (1830–1916).

⁷⁶ Clemens Fürst von Metternich, 1773-1859, австрийский государственный деятель.

⁷⁷ Friedrich Theodor Vischer (1807-1887), - немецкий философ.

⁷⁸ Heinrich von Treitschke, 1834-1896, - немецкий историк. С 1863 года профессор истории в различных университетах - во Фрайбурге, Киле, Хейдельберге и, наконец, в Берлине с 1874 года. Он написал множество исторических отчетов, в которых оказался поклонником прусского военного государства. Он рассматривал историографию как политическую акцию, заявленной целью которой является продвижение дела национального объединения Германии под руководством протестантской Пруссии. Первоначально

слишком громким, - возможно, он им и был, и в способе его представления можно было бы найти безвкусицу, - но этот немец, как раз, для так любимых им немцев нашёл действительно хорошие слова. Надо было только пробиться [сквозь эту крикливость], - и это надо было сделать лично. Когда я его однажды в первый раз встретил в Веймаре, - он уже тогда ничего не слышал, ему надо было всё давать в письменном виде, но говорил он очень громко, акцентировано, отчетливо, - тогда он спросил меня: откуда я родом, из какой страны? - Я написал ему, что я австриец. После нескольких коротких фраз, которыми обменялись, он сказал мне: Да, эти австрийцы, они либо совершенно гениальные люди, либо дураки. - Теперь, конечно, вы оказываетесь перед выбором отнести себя к одной из этих категорий, поскольку третьего не дано⁷⁹. Так что он был человеком, который выражался очень определённо. У Трайчке очень хорошо можно прочесть о том внутреннем властном споре, который, собственно, определил судьбу немецкого народа, о споре между Габсбургами (Habsburgern) и Гогенцоллернами (Hohenzollern), и Трайчке уж находит слова, чтобы высказать горькие истины также и Гогенцоллернам. Странное здесь то, что когда делают политику без знаний, относительно своего собственного территориального положения, политику, делать которую в последнее время уже нельзя, тогда возникают неестественные условия. И когда находишься в чем-то столь неестественном, то жаждешь того, чего жаждал и жаждет до сих пор профессор Варга: Да, только бы найти нужных людей на соответствующие места.

Но странность состоит в том, что в особых условиях Англии это из известного чувства реальности развилось само собой. В то время как в Центральной Европе спорили о социалистических и антисоциалистических теориях, чтобы затем окунуться в попытки социальной реконструкции, которые ни к чему привести не могли, - в это время на Западе соответствующее действительности знание собственных условий вывело на поверхность людей, которые на своих местах действительно правильно делали то, что они хотели, и что описывает Сили (Seeley). Там чувство действительности поставило правильных персон на нужные места, - конечно, они были правильными не для нас, но в их задачи и не входило, быть правильными для нас. Возьмем, например, сразу одну из самых крупных - ведь, более мелких было много, - одну из самых типичных таких персон: Сесила Родса (Cecil Rhodes)⁸⁰.

противник Бисмарка и его внутренней политики, позже он поддержал его силовую политику, которая убедила его в её эффективности - принуждении к национальному объединению. Трайчке считал себя либеральным националистом - с 1871 по 1888 год он был национал-либеральным членом немецкого рейхстага, - но его представление о свободе было не безграничным, а свободой в пределах, установленных государством.

⁷⁹ Встреча с Генрихом Трайчке в Веймаре описана Рудольфом Штейнером в XV. главе его автобиографии «Мой жизненный путь» (в СА 28),

⁸⁰ Cecil Rhodes, 1853-1902, был важным английским колониальным политиком. Выходец из семьи пастора, в молодости он эмигрировал в Южную Африку по состоянию здоровья. В промежутках он снова и снова, - из-за учебы в университете, - посещал Англию; в 1881 году он закончил своё образование. В Южной Африке Родос успешно участвовал в эксплуатации алмазных рудников, а затем и золотых рудников. С помощью компаний «De Beers Consolidated Mines» и «Consolidated Goldfields of South Africa», соучредителем которых он являлся, ему удалось добиться определенного монопольного положения в горнодобывающем секторе ЮАР, с помощью которого он создал основу для своего огромного состояния. В качестве политического видения он имел в виду объединение британских колоний в Южной Африке с бурскими республиками, чтобы сформировать федеративное государство под британским господством, и, как венец, создание чисто британского сухопутного сообщения от Капской провинции до Каира. В 1880 году он был избран в парламент Капской колонии и был премьер-министром этой самоуправляющейся колонии с июля 1890 года по январь 1896 года, но ему пришлось уйти со всех своих политических должностей, когда его ответственность за вооруженное вторжение 1895 года в Трансваальскую бурскую республику больше нельзя было отрицать. Он был соучредителем и членом правления «Британской южноафриканской компании» (также «Чартерной компании»), состоявшей из членов английской денежной аристократии, которая контролировала большую часть названной так в его честь Родесии (ныне Зимбабве и Замбия), которая находилась, следовательно, под британским господством. В 1899 году Родс был переизбран в парламент Капской колонии. Только после его смерти — после свержения бурских республик и образования Южно-

Вся его деятельность фактически посвящена действительно практическому формированию, в то время как в Центральной Европе люди теоретизировали. В Центральной Европе люди теоретизировали о будущем государстве. Сесил Родс, происходивший из очень скромной семьи, проложил себе путь до титула величайшего алмазного короля. Как ему это удалось? Потому что, как ни странно, - странно для нас, - банкирский дом Ротшильдов, который был ещё могущественен в то время⁸¹, дал ему крупнейшие мировые кредиты; он дал их человеку, имевшему практичный склад ума, чтобы вести дело именно в том направлении, которое Сили, исходя из британских идей, доходящих до тайных обществ, описывает мировую политику Британии. Потому что Сесил Родс был человеком, который не только делал гешефты, но и время от времени возвращался в Англию, уединялся, изучал Карлейля (Carlyle) и подобных ему людей⁸², которые привели его к просветлению: у Великобритании есть миссия, и мы ставим себя на службу этой миссии. И что же из этого вышло? Прежде всего, это банкирский дом Ротшильдов [который дал ему кредиты], - то есть, банковское предприятие, переплетённое с государством, но вышедшее, тем не менее, из частных отношений. Но затем: К чему способен такой человек как Сесил Родс? Он способен рассматривать то, что можно было бы назвать британским государством, целиком и полностью инструментом английской завоевательной политики, - и это в общих чертах, - в сочетании с верой в миссию Британии. Он способен, как и многие другие - только он являлся наиболее крупным, - использовать британское государство в качестве инструмента и позволить своим достижениям отражаться на постоянно растущей британской мощи. Всё это возможно, как раз, потому, что в английском народе, как островном народе, присутствует осознание особой всемирно-историческую задачи. И Центральная Европа не могла противопоставить ничего, что было бы в состоянии справиться с этим. Что же происходит на Западе? Поддерживаемая личностями экономическая политика срастается с государственной политикой. Почему они срастаются? Потому что английская политика, полностью в смысле новейшего времени, - а в смысле новейшего времени, значит быть в состоянии понимать идеи, исходя из действительности в которой живёшь, - исходит, именно, из действительности. Тогда экономическая политика может срастаться с государственной политикой. Но английское государство - это государство, которое, как таковое, существует только на бумаге, - это конгломерат частных отношений. Это всего лишь фраза, когда говорят о британском государстве; нужно было бы говорить о британской экономической жизни и старых традициях, которые в неё входят, - старых духовных традициях и тому подобных вещах. В том смысле, в каком является государством Франция, в каком стремится быть государством Германия, Британия никогда не была государством. Но зато там понимали область, в которой жили; и экономическая жизнь там была организована так, что она

Африканского Союза, а также захвата Германской Восточной Африки Великобританией — его политическое видение приблизилось к реализации.

⁸¹ В Англии члены семьи Ротшильдов вели активную деятельность также в качестве частных банкиров: в 1803 году Натан Мейер Ротшильд (1777-1836), один из сыновей немецкого банкира Мейера Амшеля Ротшильда из Франкфурта, основал банковскую компанию, фирму Н. Ротшильд и сыновья в Лондоне. Её продолжили его сын Лайонел Ротшильд (1808–1879) и Лорд Натаниэль Ротшильд (1840–1915). В XIX веке эта компания — наряду с другими банками Ротшильдов в Париже, Франкфурте и Вене — играла выдающуюся роль в международных финансах. Между лондонским банкирским домом Ротшильдов и британским государством существовали тесные финансовые связи, особенно с тех пор, как Ротшильды, начиная с середины века, превратились в самого важного государственного кредитора. В 1875 году, благодаря кредиту, предоставленному Ротшильдами, английское правительство смогло приобрести контрольный пакет акций компании Суэцкого канала для британской короны. Ротшильды также оказали решающее влияние на британские иностранные инвестиции. Между 1895 и 1905 годами золотые и алмазные рудники в Южной Африке были главной целью британских иностранных инвестиций. Новые капиталовложения в Южную Африку иногда даже превосходили капиталовложения в Северной Америке, имевшие первостепенное значение для Англии.

⁸² Томас Карлейль (1795-1881), английский философ и историк. Его значение как философа заключалось в передаче идей немецкой философии времен Канта, и после него, в английское культурное пространство. Как историк он стал известен, преимущественно благодаря своей истории Французской революции.

соответствует этой области. Видите ли, сегодня люди думают о том, чтобы Англия была чем-то другим, чтобы она не осуществляла завоевательную политику, чтобы она была «бравой». Так, как у нас представляют многие люди, Англия не могла быть Англией; поскольку то, что она делает и делала, основано на всём её существовании, как раз, островного государства. Она может развиваться, только продолжая проводить ту же политику.

А как обстояло дело в Центральной Европе? Тут, в Центральной Европе, не развилось никакого представления о территориях, на которых жил человек; тут не была найдена никакая идея о миссии, соответствующей собственной действительности, тут эта важная вещь отсутствовала. В то время, как в британском королевстве то, что называют государством, но что им там не является, прекрасно используется способнейшими людьми как инструмент английской политики, [в Австро-Венгрии] разделяется; тут можно было только предаваться иллюзии, что то, чем должна была быть австро-венгерская политика, могло использовать территорию, на которой находилась эта Австро-Венгрия. Тут вещи, которые сходились в Англии, расходятся. И изучение австрийско-венгерских условий предоставляет нечто прямо-таки гротескное, поскольку здесь пытались создать экономическую территорию, исходя из той точки зрения, исходя из которой ничего сделать было нельзя. Поскольку австрийская внутренняя политика с самого начала должна была быть своего рода [внутренней экономической политикой]. Да, если бы внутренняя политика Габсбургов была политикой всемирного дома Ротшильдов, тогда могла бы развиваться экономическая внутренняя политика; но из австрийской внутренней политики не могло развиваться нечто, вроде восточной политики, или что-то в этом роде. Это было невозможным, тут вещи расходились. То же самое и в Германии, хотя у меня не было возможности наблюдать тамошние условия так же ясно, как в Австрии.

Теперь можно было бы описать также условия на Востоке и показать, что там дело не дошло даже до дискуссии. На Западе все дискуссии остались позади⁸³; там, собственно, с ними покончили со времен Кромвеля. После этого развивалось практическое. В центральной области проходили дискуссии и дошли до веры, что практическое есть то, что следует просто из абстрактно-логической необходимости. На Востоке не доходило даже до [таких дискуссий], - там просто брали то, что было на Западе, будь то царь, Петр Великий, или Ленин, который поднабрался западной риторики и перенёс её на Восток. Ведь, изменился только костюм, поскольку, по сути, Ленин - такой же царь, как и предыдущие цари. Я не знаю, удаётся ли ему даже носить свой костюм должным образом, как это говорилось по отношению к господину Эберту (Ebert) теми, кто наблюдал его в Силезии и утверждал, что его подражание Вильгельму⁸⁴ уже усовершенствовалось вплоть до поклона; не знаю, так ли это и с Лениным. Но как бы различны ни были маски, в действительности перед нами всё тот же царь, только в другом виде, который перенёс Запад на Восток. Это обуславливает противоестественное столкновение полного ожиданий настроения всего Востока с непонятными идеями Запада. Странно, что в России дела обстоят так, что 600 000 человек очень жестко управляют миллионами других, и что этими 600 000, в свою очередь, управляют только несколько народных комиссаров⁸⁵. Но это может быть только благодаря

⁸³ Уже в XVII веке в Англии был взят курс от абсолютной к парламентской монархии. Это решение явилось результатом двух великих революционных потрясений, пуританской революции 1640–1660 годов и Славной революции 1688–1689 годов. Это развитие пришло к временному завершению с принятием Билля о правах от 23 октября 1689 года, в соответствии с которым королевская власть была окончательно ограничена правом совместного определения английского парламента.

⁸⁴ Вильгельм II Гогенцоллерн (1859-1941), с 1 июня Германский император и прусский король до ноября 1918 года, любитель всевозможных властных поз.

⁸⁵ Российская коммунистическая партия (большевиков), единственная легальная партия в России, на тот момент насчитывала около 600 000 членов - на девятом партийном съезде в марте 1920 года 716 делегатов представляли 611 978 членов партии. Партия управлялась в соответствии с ленинским принципом демократического централизма, то есть члены партии не имели реального права на совместное определение, а были просто получателями приказов от высшего партийного руководства, Политбюро, некоторые из

тому, что тот, кто жаждет нового устройства мира, как человек Востока, поначалу не замечает, как удовлетворяется эта его жажда. Если бы в Москву приехал кто-то другой с совершенно другими идеями, он мог бы обрести ту же власть. Это осознают сегодня лишь единицы, поскольку большинство полностью погружено в нереальное.

Но, что же следует из всего того, что я сейчас попытался представить таким афористичным образом? Из этого следует, что Западу понадобится много времени, прежде чем - посредством срастания так называемых государственных интересов с интересами экономическими, - идея трёхчленности станет популярной. И из этого также следует, что Центральная Европа является той областью, где эта идея непременно должна укорениться прежде всего, поскольку люди должны будут понять, что старые условия здесь всё разделили. Ведь, по сути, всё уже расщеплено; просто всё это пытаются удержать вместе уже больше не действующими старыми скрепами. По сути, трёхчленность уже существует под поверхностью, речь идёт только о том, чтобы принять её в сознание, и организовать действительность в соответствии с тем, что уже находится под поверхностью. Правда, для этого необходимо, наконец, понять, что со старыми личностями ничего начать нельзя, и что на их место должны прийти личности, которым ясно, что то, что думали эти старые личности, начиная с 1914 года доведено до абсурда, и на этом месте должно выступить нечто новое. Это то, что я уже во время злополучной мировой войны пытался донести до тех, кто мог бы иметь возможность влиять на эти вещи. И в этом состоят причины того, почему, начиная с временного перехода мировой катастрофы в мировую революцию, делались попытки внести идею трёхчленности в как можно большее количество голов; поскольку то, в чём мы нуждаемся, так это как можно больше людей, обладающих пониманием идеи трёхчленности. Во время мировой войны не понимали того, что четырнадцать абстрактным пунктам Вудро Вильсона нужно противопоставить со стороны авторитетного поста конкретную трёхчленность. Практики сочли её непрактичной, поскольку у них нет никакой действительной идеи относительно реальной связи между идеей и практикой. Определённо, четырнадцать пунктов Вудро Вильсона настолько непрактичны, насколько это только возможно. И, пожалуй, величайшая трагедия, которая могла случиться с немецким народом, заключается в том, что даже человек, на которого рассчитывали в последние дни катастрофического времени, который мог стать рейхсканцлером ещё от старого режима, - что даже он оказался в состоянии каким-то образом серьезно отнестись к четырнадцати пунктам Вильсона. Предварительно эти четырнадцать пунктов вылились в невозможность абстрактного объединения народов; эта невозможность проявилась практически в Версале и Спа. Но на что они были способны, несмотря на свою абстрактность, так это на то, что они приводили в движение армии и корабли. И нечто приводить в движение должны были также пункты, приходящие в мир через трёхчленность; пусть не армии и корабли, но они должны были приводить в движение людей, чтобы снова мог образоваться жизнеспособный социальный организм. Это может произойти только на пути трёхчленности, - здесь это уже обсуждалось с самых разных точек зрения.

Сегодня я хотел пояснить это с нескольких точек зрения новейшей истории. Эту новейшую историю, конечно, надо рассматривать с других точек зрения, нежели с тех, с которых её рассматривают обычно, когда в них господствует только школьное содержание. Из этого школьного трёхчленности выведет нас, благодаря тому, что будет освобождена духовная жизнь. И из высвобожденной духовной жизни на соответствующие позиции смогут тогда вступить те личности, о которых сегодня даже профессор Варга должен сказать: Если бы они у нас были, то, возможно, история сложилась бы не так плохо. - Но несомненно одно: на путях, которыми шёл профессор Варга, мы не найдём тех личностей, которые окажутся на своем месте.

членов которого, в качестве народных комиссаров также входили в состав правительства и поэтому распоряжались властными ресурсами государства.

После вступления Рудольфа Штейнера, свои вопросы и мнения высказывают различные лица:

Зигфрид Дорфнер: В «Основных пунктах» говорится, что средства производства могут чего-то стоить только до тех пор, пока они не произведены. Если фабрика производит средства производства, например, токарные станки: значит, токарный станок может чего-то стоить только до тех пор, пока он не будет произведен? Но тогда фабрика-изготовитель не могла бы покрывать расходы для этого. Не должны ли готовые средства производства оплачиваться?

Рудольф Штейнер: Если производить станки и продавать их как станки, то они ещё не становятся средством производства. Они ещё являются товарами, а не средствами производства; средствами производства они являются только тогда, когда они используются социальной общностью для производства. Важно, чтобы понятие средств производства вставлялось в действительный общественный процесс. Токарные станки только тогда являются средствами производства, когда они используются только как средства производства; до тех пор они продаются как товары, и тот, кто их покупает, является потребителем.

Другой участник дискуссии: Говорилось о товарах. Не следует ли проводить различие между товарами из сельского хозяйства и товарами из индустрии? Товары из сельскохозяйственной области обычно дают излишек, в то время как товары из индустрии имеют дело с дефицитом.

Рудольф Штейнер: Этот вопрос, конечно, сегодня часто воспринимается неверно, поскольку мы, ведь, живем не в таких условиях, чтобы получился, как бы, большой баланс, когда в этот баланс ограниченной хозяйственной области включалось бы всё, что производится, - такой баланс выйти никак не может. Вы не можете включить наше нынешнее земледелие в некий тотальный баланс, имея такую [ипотечную] нагрузку на имущество (Gütern), а потом ещё сравнить с индустрией. Когда я говорю, что индустрия, по сути, всегда живёт от всего того, что производится на земле, то при этом надо закрыть глаза на всё то, что у нас тут примешивается и, благодаря чему, может быть составлен только, как бы, завуалированный тотальный баланс. Когда то, что не может быть товаром, перестает быть товаром, - то есть, земля и человеческая рабочая сила, - когда товаром становится только то, что в смысле трёхчленности может циркулировать между производителями и потребителями, тогда можно составить баланс, из которого видно, что расходы, необходимые для промышленности, должны всякий раз покрываться излишками сельского хозяйства. То, что сейчас это не так, - это разумеется само собой. Но мы живём, как раз, в те времена, когда действительно должен был бы получиться опирающийся на производство тотальный баланс какой-то ограниченной хозяйственной области. То, что я в этом смысле говорил, со стороны хозяйственной жизни уже давно признано. Не правда ли, ещё Вальтер Ратенау (Walter Rathenau) подчёркивал⁸⁶, что любая индустрия - это вещь пожирающая, что означает, что в эту индустрию постоянно должен вливаться доход. Но он должен откуда-то появиться, а появиться он может только из доходов от земли. Но в наших сегодняшних балансах это никак не отражено.

Господин Розер (Roser): Это вообще знак нашего времени, что такой человек, как Варга, должен был понять, что не хватает нужных людей. Необходимо воспитывать массы. Но и нам

⁸⁶ Например, в своем эссе «Die Neue Wirtschaft» (Берлин, 1918 года) Вальтер Ратенау по поводу предельной зависимости индустрии от земли заявил: «Сегодня мы знаем, что всякая индустрия есть продукт земли, ничем не отличающаяся от животных и растений. Она может процветать только в своем естественном местоположении, а это определяется кратчайшими и наиболее удобными путями, по которым должны проходить сырье, полуфабрикаты и конечные продукты, рабочие и инструменты, насколько это позволяют физические условия воздуха, почвы и населения. Поскольку всякое производство есть движение; она зиждется исключительно на разделении и соединении земной субстанции».

в движении трёхчленности не хватает нужных людей. Они были бы абсолютно необходимы, поскольку трёхчленность должна пропагандироваться масштабно.

Эмиль Мольт: Действительно должно нечто произойти. Это должен увидеть каждый, хотя бы в отношении самого себя.

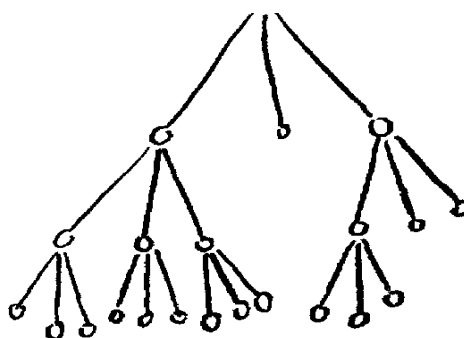
Другой участник дискуссии: Я хотел бы задать ещё один вопрос господину Доктору Штейнеру. В газете «Frankfurter Zeitung» недавно опубликовала статью, в которой был поставлен очевидный вопрос: Как вообще можно освободить духовную жизнь, если она должна финансироваться экономической жизнью? Как господин Доктор Штейнер ответит на этот вопрос, о котором идет речь в статье, и на который пока ещё не был дан достаточно исчерпывающий ответ?

Рудольф Штейнер: Мы, ведь, здесь уже очень часто занимались этим вопросом: Как быть с экономической поддержкой духовной жизни. И сообщение в газете должно быть просто неверным, если оно ссылается на наши дискуссии трёхчленного движения в целом.

Реплика.

Конечно, где-то вполне могло случиться так, что кто-то не смог ответить на вопрос; но сколько раз я сам говорил, что в трёхчленности речь действительно идёт не о троичном делении людей, а о членении [социального организма] на три жизненные организации, которые с необходимостью должны развиваться друг рядом с другом: духовная, государственная и экономическая жизнь. А люди, ведь, находятся внутри всех трёх этих членов. И поэтому само собой разумеется, что то, чем как духовным духовной жизни должны управлять личности, стоящие внутри организации духовной жизни, - это образует только одно звено. Но эти личности, несущие духовную жизнь, однако, тоже должны жить. Поэтому они будут включать себя и в хозяйственные организации. И поэтому не будет никакой разницы, состоит ли такая организация, скажем, из учителей или музыкантов, или сапожников или портных. Поскольку хозяйственная организация существует не для того, чтобы была обеспечена только та или иная область хозяйственной жизни, а для того, чтобы экономически поддерживать всех людей. И, находясь внутри хозяйственной области социального организма, они будут обеспечивать себя экономически.

Можно только удивляться насколько неверно понимаются эти вещи. Перед нашим, если можно так сказать, трёхчленным взором предстаёт также симпатичная схема, разработанная радикальной социал-демократической партией в Галле⁸⁷, - не правда, такие схемы делаются довольно школьным образом.

⁸⁷ Вероятно, это партийная секция Независимой социал-демократической партии Германии (USPD), где некоторые члены партии были открыты для идеи трёхчленности. Но в целом крайне левые относились к ней враждебно.

Тут (рисует) наверху красиво расположены центральные точки хозяйственной жизни, - на самом верху, конечно, только одна. Всё это затем расчленяется книзу. Если бы это было так, то будущее социалистическое государство было бы чем-то таким, что соответствовало бы высшему идеалу бюрократии. Но в самом низу были бы три меньших подразделения, которые были бы посвящены духовной жизни. И некоторые господа были так очарованы этими тремя подразделениями, что говорили: «Ведь, здесь заключена вся идея трёхчленности».

Что ж, в основе этого лежала, прежде всего, ложная идея о том, что социальный организм когда-нибудь можно подразделить таким образом. Так его подразделить нельзя, - так же, как нельзя разделить на три, лежащие друг рядом с другом части и человеческий организм. И все же внутри человеческого организма есть три части: мы являемся головным человеком, грудным человеком и человеком обмена веществ. Но головной человек - это не одна голова, а эта голова расширена на весь человеческий организм; к головному человеку относится вся нервно-чувственная система. И сердечный человек, в свою очередь, находится не только в сердце; например, чувство тепла распространено по всему телу, то есть, всё тело тоже сердечный человек. И повсюду мы имеем ритм, в том числе и в головной системе. Эти системы взаимно проникают друг в друга. Я могу показать это сейчас только абстрактно, но корпорации духовной жизни будут существовать так же, как и хозяйственные корпорации. Только эти духовные корпорации будут иметь свои организации в экономической части всего общественного организма, и то, что они будут там делать, не сможет вмешиваться в организацию духовной части трёхчленного организма.

Правда, сегодня имеется много причин для того, чтобы в этих вещах имели место неверные взгляды; такие взгляды можно было обнаружить повсюду, даже среди профессоров университетов. Эти университетские преподаватели, по крайней мере, должны были бы стоять внутри духовной жизни. Но если им сказать, что, ведь, это само собой разумеется, что те, кто стоит внутри духовной жизни, образуют сообщество с себе подробными, чтобы самим управлять этой духовной жизнью, - ведь, Клопшток (Klopstock)⁸⁸ уже говорил о республике ученых, - то часто можно услышать: «Нет, [я этого не хочу], потому что тогда тем, от кого всё зависит, будет не референт в Министерстве Образования, а мой коллега; нет, пусть уж лучше будет референт Министерства Образования, чем мой коллега».

То есть, речь идёт о том, что мы совершенно не вдумываемся в то, что [в сегодняшних социальных условиях] существует в виде трёх сословий, - учёных, военных и тех, кто обеспечивает питание, - а мы полагаем, что люди сегодня не живут, разделёнными на три [сословия]. [Нам должно быть ясно], что человек полностью стоит внутри всех трёх частей социального организма. Тогда также можно будет понять, как каждый, кто занят в духовной жизни или в государственной жизни, стоит внутри хозяйственной жизни и обеспечивается этой хозяйственной жизнью. Таким образом, важно то, что люди стоят внутри всего социального организма.

СЕДЬМОЙ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР Штуттгарт, 15 сентября 1920 года

Сегодняшний экономический кризис

⁸⁸ В 1774 году немецкий поэт Фридрих Готлиб Клопшток (1724–1803) опубликовал «Германскую республику учёных. Её учреждения, её законы. История последнего государственного парламента. Первая часть».

Эмиль Лайнхас (Leinhas) открывает собрание и даёт слово Рудольфу Штейнеру.

Рудольф Штейнер: Многоуважаемые присутствующие! Если бы дела в политической жизни, да и вообще в общественной жизни, обстояли так, как думают теперь многие, то нужно было бы, собственно, отчаяться в возможности чего-то добиться в улучшении социальных условий посредством личного участия, посредством непосредственных человеческих действий. При этом особенно важно помнить, что сегодня есть немало людей, считающих, что хозяйственные процессы протекают почти так же, как природные явления. Они полагают, что хозяйственные события развиваются одно за другим согласно причинной необходимости, которую вполне можно сравнить с той необходимостью, с которой, скажем, какое-то тело, обладающее определёнными свойствами, когда его определённым образом привести в соприкосновение с другим телом, начинает гореть. Так думают очень многие. Они думают, что если на какое-то время в хозяйственной жизни развивается нечто вроде благоприятного конъюнктурного предприятия, то из этого предприятия, просто само собой, должно развиваться нечто вроде кризиса. Затем какое-то время дела должны идти плохо, с ухудшением хозяйственных условий, пока снова не наступит, своего рода, оживление и, так сказать, подъём в хозяйственной жизни. Такие представления в последнее время исходят особенно от теоретиков экономической мысли, национал-экономов, которые, лучше всего, предпочитают объяснять всё только внешним ходом событий, желая полностью исключить вмешательство человеческой воли. Они даже утверждают, что, например, значительный национально-экономический кризис 1907-го года должен был с определённой необходимостью вытекать из предшествовавшего ему подъема. Можно, вероятно, подумать, что рассмотрение таких охватывающих большие области экономической жизни процессов, - как благоприятные и неблагоприятные конъюнктуры⁸⁹, - отдельных людей затрагивает меньше. Но это не так. Как раз, тот, кто хочет в какое-то время предпринять что-то самостоятельно, всегда должен осознавать, в какую конъюнктурную констелляцию он входит.

Можно понять, что такая вера в необходимую причинную связь в экономике сложилась как следствие всего естественно-научного образа мышления последних трёх-четырёх столетий. Вы знаете, что это особенно прославляющее марксизм теоретическое воззрение на социальное является тем, что отдаётся таким идеям, и на основе таких идей стремится также организовать свою практическую деятельность. По-видимому, для многих людей сегодня покажется совершенно дилетантским противопоставлять себя чему-то подобному, поскольку естественно-научное мышление рассматривается прямо-таки как идеал, и считается даже достижением, что это естественно-научное мышление выходит за пределы практической жизни. Тут должна корректирующим образом вмешаться духовная наука, поскольку только из взглядов, которые всегда представлялись ею, может исходить здоровый социальный образ мышления. И духовная наука может вмешиваться корректирующим образом, исходя из всего своего существа, потому что в ней нет абсолютно ничего из того теоретического, отвлеченного, что, как раз, принял в новое время материалистически-естественно-научный образ мышления. Этот образ мышления, однако, приводит людей к тому, чтобы они не смотрели на факты жизни, а позволяли себе затуманивать эти факты жизни всевозможными теориями.

Я подчеркивал в своих «Основных пунктах социального вопроса», что больше всего чисто теоретическое мировоззрение, собственно, славит, как раз, современный пролетариат. Это происходит просто от того, что этот современный пролетариат, непонятый в своих стремлениях всё более и более материалистически развивающейся буржуазией, получил от этой буржуазии только представляемый этой буржуазией материализм, как мировоззрение, и

⁸⁹ Конъюнктура (лат. conjunctura, от лат. conjungo «связываю, соединяю») — создавшееся положение, обстановка в какой-либо области или ситуации общественной жизни (Википедия, прим. пер.)

потому верит в этот материализм как в непобедимое Евангелие, и просто не может из него выйти. Духовная наука не должна преклоняться перед теориями и, главное, не должна быть склонной ни к какой фантазии. Поскольку, если человек несёт в себе эту склонность к фантазии, то всё, что он видит в духовном мире, он будет искажать, делать из этого карикатуру; тогда он может достигнуть лишь совершенно искажённого мира. Духовная наука требует в качестве необходимого основания от своих приверженцев, чтобы они воспитывали себя для реального, для - я хотел бы даже сказать, - до определённой степени, трезвого. Но, приучая себя, как раз, в духовной области, во-первых, к ясной, строгой логике, а во-вторых, к учёту фактов, можно вполне быть в состоянии перенести это воспитание и в обычную практическую жизнь, и также там правильным образом позволять говорить фактам в полную силу.

Что делает национал-экономист-теоретик, и что делают все те, кто приходит к нему обучаться, когда хотят, например, изучать что-то вроде экономического кризиса 1907-го года? Вначале они изучают то, что в хозяйственном отношении предшествовало ему в 1906-ом году, приходя в этот год к благоприятной конъюнктуре. Затем они пытаются найти в пределах этого прошлого причины последующего экономического краха. Если поступать так, то можно напичкаться всеми возможными туманными понятиями и потому быть затем вообще неспособным правильно мыслить в социальной жизни. Но если вы воспитаны на духовной науке, вы спросите об экономических фактах, и тогда, в отношении кризиса 1907-го года, обнаруживается, - можно было бы выбрать и другой пример, - что в Америке существовала могущественная группа финансовых магнатов, которая обладала более чем тридцатью банками, более чем тридцатью длинными железнодорожными линиями и многим другим. Этот могущественный консорциум тайно скупал определённые спекулятивные бумаги, которые торговались также на европейских биржах, в таком большом количестве, что почти все эти ценные бумаги принадлежали этому консорциуму финансовых магнатов. Затем, посредством всевозможных экономических спекуляций, европейские банки и вообще европейские компании были вынуждены покупать такие ценные бумаги «по доставке». В то время такие бумаги по доставке купило очень большое количество людей. Теперь, однако, предположим, что какое-то предприятие заключило договор на покупку таких бумаг по доставке, чтобы затем их снова продать; и получалось так, что те же самые банки в Америке заключали договоры о покупке этих бумаг [в больших масштабах] по доставке одновременно с европейскими фирмами. Таким образом, какая-то европейская компания начинала, с одной стороны, покупать эти бумаги, а с другой стороны обязывалась через определённый период времени их продать, - но не могла, поскольку их не имела, потому что все эти бумаги перед этим были скуплены [этой финансовой группой], группой Моргана; то есть, ей сначала надо было снова купить их у этой группы. Таким образом, европейские предприятия в самом широком охвате взяли на себя обязательство доставлять такие бумаги. Однако за время, которое проходило между спекуляцией и датой доставки, эта группа в Америке чудовищно взвинчивала цену на эти бумаги, и следствием этого была совершенно невероятная перегрузка европейского денежного рынка, что затем и вызвало тот кризис. То есть, к этому кризису привела чисто финансовая спекуляция, проведённая определённым, ограниченным числом человеческих индивидуумов. Те, кто знает этот кризис, помнят, что в то время банковский дисконт⁹⁰ в Англии поднимался до 7%, в Германии временами даже до 8%, а повышенный банковский дисконт всегда является барометром кризисов. Так что этот кризис был вызван, собственно, волей тех людей.

На такие факты, то есть, на совершенно специальные, конкретные факты жизни, - а не на общие теории, - и надо смотреть, если хочешь понять жизнь, в том числе и её социальные проявления. Ведь, это может быть остроумным, чрезвычайно остроумным и импонирующим, когда, например, Карл Маркс с определённой необходимостью позволяет выйти из

⁹⁰ Банковский дисконт - это процентная ставка, взимаемая центральным банком по краткосрочным займам (прим. пер.).

экономических форм тому, что люди затем думают. Но, по сути, всё это делалось в кабинете, и это очень характерный знак, что чистейший кабинетный продукт, «Капитал» Карла Маркса, стал таким же популярным среди пролетариата, как Евангелие. Но если вы хотите узнать жизнь, вы должны смотреть на жизнь своими глазами. Тогда вы обнаружите, что, как раз, духовная наука воспитывает взгляд на жизнь, - хотя и неудобный. Ведь, по сути, гораздо удобнее создавать абстрактные теории, чем заниматься реальной жизнью.

Теперь вы скажете: Но то, что говорят теоретики и то, что доносят до народа как нечто правдоподобное агитаторы, всё же правильно, - поскольку, ведь, стоит только вспомнить, каким количеством чисел, какой достоверной статистикой обычно подтверждаются эти вещи. Наши книги, информирующие нас сегодня о ходе общественной жизни, особенно об экономических воззрениях, - они так изобилуют статистическими данными, поскольку, ведь, что может быть правильнее того, что можно доказать цифрами. Но есть также и другие статистики, которые в определённом смысле даже выглядят так, будто они, посредством естествознания, могут представлять ход человеческой жизни. Возьмите, к примеру, страховые статистики как основу совершенно практической отрасли жизни, страхования жизни. Рассчитывается, сколько людей из определенного числа двадцатилетних через тридцать лет останется в живых и сколько умрёт. Если выборка достаточно большая, это даст очень постоянные числа: из такого-то количества двадцатилетних через тридцать лет останется в живых столько-то. Исходя из этого, можно рассчитать сумму, которую данное лицо должно заплатить, и можно сказать: статистика действительно даёт то, на что можно в определенной степени рассчитывать в практической жизни. Вы, наверное, знаете, что есть также статистика самоубийств; вы знаете, что для такой статистики необходимо брать достаточно большую территорию и достаточно большой промежуток времени, чтобы достаточно точно сказать: В этот год на этой территории покончат с жизнью столько-то людей. - Но прав ли тот, кто, исходя из кажущейся необходимости того, что на определённой территории за пять лет должно произойти столько-то самоубийств, теперь захочет сделать вывод, что люди не свободны, и что то же самое принуждение, которое заставляет камень падать на землю, вынуждает теперь людей себя убивать? Он не прав. Из-за того, что существует столько-то статистических «законов», свободная воля человека не исключается. Не может быть и речи о том, что статистические «законы» могут что-либо сказать о свободе воли человека, даже если случится так, что вам, пятидесятилетнему, придётся установить, что, за исключением вас, умерли уже все те, кто, будучи двадцатилетним, по статистике должен был умереть к пятидесяти годам, - [им совсем не надо убивать себя по этой причине]. Статистика, включая и статистику самоубийств, существует совсем не для того, чтобы что-то говорить о свободе воли человека. И так же мало могут сказать что-либо о свободном вмешательстве человеческой инициативы в экономические дела экономические законы. Правда, здесь есть ещё кое-что другое.

Представьте себе, что события разворачиваются так, как они разворачивались в начале 1907-го года. 1906-ой года был благоприятной хозяйственной конъюнктурой; это создало у некоего большого числа людей определённые жизненные привычки. И можно сказать: Если люди несколько лет находятся в достаточно переносимой ситуации, у них возникают определённые жизненные привычки. И когда такие жизненные привычки развились, те, кто, как раз, хочет использовать такую ситуацию, могут сделать то, что сделала группа Моргана в 1907-ом году. Тогда они могут себе сказать: Сейчас люди желают делать то-то и то-то, поэтому мы будем спекулировать на этом! Это точно так же, как если бы в какой-то стране возникли определённые неблагоприятные влияния, которые искушали бы людей совершать самоубийство. Но тем не менее: люди прибегают к самоубийству по собственной воле, насколько можно говорить о свободе воли в обычной жизни, - я говорил об этом в своей «Философии свободы». Поэтому то, что происходит потом, никак не следует из прежней констелляции экономической жизни, а вытекает только из того, что делают люди. И если теперь эти люди делают нечто такое, что можно, как бы, «рассчитать», то что это доказывает?

Тогда надо только посмотреть на процесс, который всем вам знаком. Предположим, тут стоит пёс Тирас, и вы держите перед его носом кусок мяса; вы можете достаточно точно рассчитать, что он сделает: он схватит его. Только в самом редком случае может случиться так, что он его не схватит. Но если в совершенно определённой ситуации что-то рассчитываемое делает человек, то это показывает только то, что уровень его души упал; и чем больше в социальной жизни можно рассчитать или причинно определить, тем больше это указывает на то, что человеческие существа опустились на животный уровень. Поэтому статистика самоубийств и другие расчеты, - например, о благоприятных или неблагоприятных конъюнктурах, - доказывают ни что иное, как характер душевного состояния людей; правда, тогда нужно также исследовать обстоятельства того времени, общую атмосферу, в которой возможно то или иное душевное состояние. Нечто подобное тому, что сделала группа Моргана в 1907-ом году, и, благодаря чему, было ввергнуто в нищету бесчисленное количество жизней в Европе, могло произойти только в то время; сто пятьдесят лет назад такое было бы невозможно.

Как же произошло так, что нечто подобное стало возможным? Это стало возможным, благодаря эмансипации денежного рынка от товарного рынка. Эта эмансипация восходит примерно к 1810–1815-ым годам. Только в этот период прежнее [основанное просто на движении товаров] экономическое владение общественной жизнью стало господством через денежный рынок. Только в это время банки стали, собственно, господами в экономической жизни. И вызывать такие экономические ситуации просто посредством операций на денежном рынке - в таком охвате, как это грандиозным образом стало возможно в 1907 году, - стало возможным только благодаря тому, что деньги действительно стали абстракцией. Это стало абстракцией, которая с тех пор просто распространилась на всю нашу хозяйственную жизнь, а также на всю прочую жизнь.

При этом мы вспоминаем времена, когда человек срастался с тем, что он производил. Тогда деньги были, по сути, своего рода эквивалентом произведенного товара; тогда были привязаны к продукту. Тогда, собственно, было не безразлично, что изготовлялось, тогда человек рос вместе со своим продуктом. То, что я хотел бы сейчас привести в качестве примера, в наши дни уже что-то вроде легенды, хотя в прошлом нечто подобное могло с кем-то произойти. Однажды, когда я приехал в Будапешт и хотел подстричься, я нашел парикмахера, который ещё стриг волосы с энтузиазмом, и который сказал: «Я не хочу что-то заработать, я просто хочу сделать хорошую стрижку.» Он представил это так, что это действительно производило впечатление внутренней правдивости и честности. Это состояние срастания с произведённым тобой продуктом сегодня совершенно утеряно, осталось только стремление что-то взять, чтобы удовлетворить свои потребности. Сегодня речь идёт только о прибыли капитала или о зарплате. И, как над всем возможным распространяются общие абстрактные принципы, - так же над всем возможным распространяются и ставшими абстрактными деньги. В конце концов, для сознания многих людей сегодня, если вы хотите зарабатывать столько-то марок в день, не имеет значения, изготовляете ли вы для этого обувь или учебники. Эти эмансипированные от собственной реальности жизни деньги, сделали возможной ту атмосферу, в которой затем могли разыгрываться такие события, как в 1907-ом году, - и тем ни менее, эти события всецело исходят из воли людей!

Этими словами я просто хотел указать на то, как духовная наука преследует свою цель постижения действительности в её истинной форме. Как раз, материализм, - как научный, так и исторический, - совершенно отошёл от действительности; теперь он только теоретизирует. Духовная наука должна быть нацелена на реальность. Поэтому также она не даёт одурманить себя теоретическими взглядами; но, как раз, благодаря этому, она приходит к действительному пониманию жизни. Как раз, благодаря этому, она будет призвана к продвижению нового социального строительства в будущем.

Ведь, в народном хозяйстве постепенно стало обычным вообще считаться только с такими вещами, как спрос и предложение, или тому подобным, с рыночными,

транспортными или обменными отношениями. Тут всегда подразумевается только нечто абстрактное, то, что представляется как доход, как прибыль. И когда люди сегодня размышляют об экономических вопросах, то это происходит, собственно, так, что в расчёт принимается только фактор доходности. Из-за этого вся экономическая жизнь рассматривается, как бы, однобоко, поскольку исключается всё, что связано с потреблением. Потребление должно просто - я бы сказал - автоматически следовать из того, что получается в качестве дохода от любого продукта. Когда начинают какое-то предприятие, смотрят на то, сколько оно приносит, а не на то, какого рода потребление связано с этим предприятием. На особое качество товара не рассчитывают, поскольку это товар для потребления, с особым качеством этого товара совершенно не считаются; экономически мыслят только со стороны прибыли, со стороны производства, а не потребления. Но если совсем перестать обращать внимание экономического мышления на потребительскую сторону, то тогда потребление постепенно анархизируется, тогда оно постепенно убывает.

Но это потребление имеет одну определённую особенность: оно стоит в определённой причинной связи с человеческой моралью, с человеческим состоянием души; но по сравнению с производством, оно связано с человеческим состоянием души противоположным образом. Ведь, в производстве также вмешивается мораль, душевное; таким образом, душевное является здесь причиной. Если я выпускаю статью, посредством которой я обманываю людей, то это происходит из-за кривой морали. Но то, как люди живут, то есть, какие возможности потребления они используют, потребляют ли они, то или иное, - это причинно влияет на состояние души, на мораль. И этот фактор совершенно не учитывается в новейшем экономическом учении. Поэтому многие бегут от этой экономики. Если мыслить здраво, то становится ясно: из производственных отношений совершенно невозможно понять, почему с 1907-го по 1919-ый год забастовки увеличились на 7%, - хотя отчасти это связано и с производственными отношениями. Но сразу же возникает картина того, о чём здесь, собственно, идёт речь, если взглянуть на потребительские отношения. В сегодняшней хозяйственной жизни все эти вещи находятся в определённой связи. Хотя нынешние национал-экономисты и хозяйственники размышляли над этим, но они не думали о действительных причинах и связях, поскольку их расчёты касались только доходов. Сегодняшний экономист знает очень мало о связи какого-либо производства с забастовками [и уж совсем ничего о связи между этими забастовками и потреблением]. Из того, о чём он привык думать, он знает только то, какой доход приносит то или иное производство.

Он знает, например, что если он парижский производитель Кри-Кри, - возьмем радикальный случай из прошлого, - что Кри-Кри в течение нескольких лет может быть очень дешевым товаром. Этими Кри-Кри были особенные, очень маленькие инструменты; в маленьком металлическом корпусе была зажата стальная пластинка, и когда с этим инструментом в кармане выходили на улицу и касались этой металлической пластинки, то издавался мерзкий звук, так что этот звук ужасно раздражал окружающих людей. Так было в семидесятых годах прошлого столетия; на улицах было просто невыносимо из-за этих Кри-Кри. Но доход создателя этого Кри-Кри стал очень большой; он стал мультимиллионером, но он совершенно не предполагал того, как это повлияет на потребительскую сторону. Потому что человеческая жизнь ничего бы не потеряла, если бы не было никакого Кри-Кри. Но подсчитайте теперь, сколько людей было занято на фабриках этих Кри-Кри; этими доходами они покрывали издержки своего потребления. Это потребление со стороны стольких работников Кри-Кри возникло таким образом из ненужного человеческого труда. Всё это действует на социальную жизнь; ненужный человеческий труд имеет огромные последствия в социальной жизни.

Я мог бы также выбрать другой пример. Уже Лихтенберг (Lichtenberg)⁹¹ сказал однажды: «За год создается на 99% больше литературных произведений, чем нужно для

⁹¹ Georg Christoph Lichtenberg, 1742-1799, профессор физики Гёттингенского университета, также писатель-философ, представитель эпохи Просвещения. Высказывание Лихтенберга воспроизводится Рудольфом

счастья всему человечеству». - Относительно современности, наверное, также можно сказать: Если бы книг было выпущено на 99% меньше, то это, вероятно, было бы большим счастьем для человечества. Подумайте только о кучах стихов, - всегда исходящих, конечно, от непризнанных гениев, - когда выпускается тираж от трёхсот до пятисот экземпляров, из которых продается обычно едва ли пятьдесят; сколько при этом делается ненужной работы. Её можно было бы сэкономить, и это оказало бы необычайное воздействие на потребительские отношения людей. Это значит, что если рассчитывать только на прибыль, то, ведь, не нужно иметь никакого отношения к реальным потребностям жизни, можно пытаться регулировать жизнь совершенно отдельно от них. Это заложено в нашем нынешнем кризисе, в нашем упадке. Поскольку те, кто ведёт расчеты в старом экономическом стиле, не могут видеть никакой связи между ненужным человеческим трудом и человеческими бедствиями.

Тут может выступить духовная наука и показать крупные взаимосвязи, поскольку духовная наука никогда не нацелена на что-то одностороннее, но всегда - на всестороннее. Я имею в виду не ту духовную науку, которая стремится к отвлеченным, мистическим высотам, а духовную науку, которая хочет воспитать человека так, чтобы он стал полезными для жизни и практичными. Духовная наука, если её правильно применять, является воспитателем для жизни, для действительного построения жизни. Поэтому она может основать национально-экономическое учение, которое знает связь между нежеланием работать и производством каких-либо ненужных продуктов.

То, что такой духовно-научный образ мышления должен привести к практическим начинаниям, и было, собственно, основной идеей чего-то вроде «Грядущего дня». Разумеется, нельзя брать такое предприятие за здоровую основу сразу применительно ко всем конкретным отдельным мероприятиям. Но если такое отдельное предприятие будет вестись только такими людьми, которые пронизаны воспитанием, идущим от духовной науки, то практическое принятие мер автоматически приведёт к тому, чтобы не обременять людей ненужной работой, а только необходимой работой; то есть, в народном хозяйстве придётся считаться с потреблением. Только так сможет возникнуть то, что снова приведёт к подъёму.

Для тех людей, которые хотят только прибыли, не имеет значения, для чего они производят или за что им платят; поскольку они получают за это деньги. Деньги в экономической жизни абстрактны, и за них можно получить что угодно. Речь, как раз, идёт о том, чтобы организовать нашу экономику так, чтобы она честным образом была зависима от человеческой воли, а не нечестным образом. Как же она будет зависима от человеческой воли честным образом? - Благодаря ассоциациям. Если у вас есть ассоциации, тогда то, что происходит в экономической жизни, действует, исходя из воли включённых в эту ассоциацию людей. Затем происходит взаимодействие между отдельными ассоциациями; тогда взаимодействуют друг с другом живые люди, и то, что производится в хозяйственной жизни, является результатом такого взаимодействия между живыми людьми в ассоциациях. Когда возникает какая-то фабрика, то не думают просто с той точки зрения, что она должна принести столько-то и столько-то прибыли в настоящей конъюнктуре, а исходят из обзора того, что необходимо. Для этого не нужен государственный экзамен, поскольку тогда всё превратится в казарму, а для этого необходимы знания тех, кто занят в отдельных предприятиях и в отдельных отраслях. Только так можно узнать, нужно ли это предприятие. И если оно нужно, то тогда можно производить, и тогда можно также зарабатывать на нём. На пути ассоциаций исключается всё, что могло бы оказывать вредное влияние. Тогда можно будет действовать не из чисто финансовых соображений, как это делала, например, группа Моргана, а исходя из чисто хозяйственных потребностей. Это странно, насколько многим

Штейнером свободно. Его точная формулировка, найденная в «Афоризмах», составленных Альбертом Лейцманом (Albert Leitzmann) и опубликованных в Лейпциге в 1908 году, звучит так: «В Германии точно больше писателей, чем нужно для своего благополучия всем четырем частям света».

людях сегодня трудно считаться с реальностями жизни. Позволить себе считаться с этими реальностями жизни, - это самое важное требование современности. Можно также спросить: Почему же происходит так, что современные люди так отдалены от реальной жизни? - Это пришло, как раз, с материализмом, поскольку материализм имеет то свойство, что оно воспитывает в людях абстрактность. Духовная же наука, напротив, имеет особенность воспитывать в направлении конкретного, действительного, практического.

Вот что я хотел внести сегодня в эту дискуссию. Но потребуется очень многое, чтобы избавиться от старых привычек мышления и чувствования. Но это необходимо сделать для того, чтобы преодолеть весь тот ущерб, который вкрался в новейшую экономическую жизнь и во всю новейшую социальную жизнь в целом. Такое объективное (*sachliches*) мышление может быть результатом только действительного углубления в духовный мир. Подъём может прийти только из духовного, а не из простого продолжения того, что мы привыкли считать правильным в последние несколько десятилетий, да, собственно, почти на протяжении всей второй половины 19-го столетия. И тот, у кого сегодня нет воли совершенно радикальным образом сориентироваться на развитие в этом направлении, на переучивание, на переосмысление, - я бы сказал, почти на изменение своей жизни, - тот ничего не сможет привнести в достижение действительного подъёма; тот будет только постоянно способствовать упадку. И тогда, конечно, сбудется то, что объясняли такие люди, как Освальд Шпенглер в своем «Закате Европы». Тогда действительно произойдет то, что приведёт европейскую цивилизацию к варварству. И если мы не хотим впасть в это варварство, нам необходимо желать того, что может предотвратить это варварство, а предотвратить его может только духовное воспитание Европы. Только такое духовное образование откроет людям глаза на истинную действительность. Мы нуждаемся в таком открытии глаз. Если нам это удастся, мы продвинемся вперёд!

Один из участников дискуссии: Хотя рабочие, производившие Кри-Кри, обуславливали не необходимое потребление, но они всё же, в любом случае, даже если бы они производили другие продукты, являлись бы потребителями. Как бы господин Доктор Штейнер объяснил эту разницу?

Рудольф Штейнер: Сам по себе такой вопрос, конечно, можно поставить, но если он ставится таким образом, то, собственно, видно, что не совсем продумано то, что тут важно. А важно здесь смотреть не просто на то, что происходит в определённой точке жизни, а на то, что проявляется как взаимосвязи жизни. Это верно: рабочие, производящие Кри-Кри, были бы потребителями, также и не будучи производителями Кри-Кри, то есть, если бы они и не выполняли эту не необходимую работу. Но в этом случае они совершали бы необходимую работу, а это имеет очень важное народно-экономическое значение. И важно здесь, как раз, это. Есть очень много людей, которые считают себя практиками; они читают «Основные пункты» и находят эти мысли утопическими. Истинное же положение дел состоит в том, что, как раз, эти люди являются утопически непрактичными. И поскольку эта утопическая непрактичность, по сути, господствует над всей жизнью, что привело нас к нынешней ситуации, люди обычно мало восприимчивы к тому, что мыслиться по-настоящему практичным.

Но когда за практические вещи берутся, как раз, практикующие, это всегда приятно. Так, недавно один практикующий с Севера сказал мне, что «Основные пункты» указывают на самое важное: на проблему цены. Представители экономической науки заняты сейчас самыми разными вещами, но не тем, что цена товара является чем-то таким, что не должно подниматься выше или ниже определенного уровня. Это взгляд практика. И когда обращают внимание на то, что проблема цены является важной, что за ней, собственно, теряются проблемы заработной платы и капитала, тогда оказываются на почве здорового мышления. Конечно, рабочие, производящие Кри-Кри, тоже выступали бы как потребители, но в таком отношении это рассматривать нельзя. Поскольку то, что делает народно-экономическая

жизнь и что, в конечном счёте, связано с ценами на товары, тесно связано с тем, выполняется ли необходимая работа или не необходимая.

Однажды в 1902-ом или 1903-ем году у меня был застольный разговор с одним знакомым об открытках. Я сказал, что не люблю писать открытки [с картинками], и вообще не пишу их; поскольку я должен думать, что с каждой открыткой почтальону приходится подниматься по множеству ступеней, - только из-за открытки, - и я хотел бы избавить его от этой работы, поскольку открытки не являются частью предметов первой необходимости. На это мой знакомый сказал: Но я знаю, что приношу людям радость этими открытками, и я много пишу, и это добавляет радости; а если где-то одного почтальона для доставки открыток уже недостаточно, то должны будут нанять второго, и это будет способствовать обеспечению пропитания для этого второго. - Далее ход его мысли не заходил: А, ведь, если будет нанят ещё один почтальон для доставки открыток, то из-за этого не будет изготовлено что-то другое, что необходимо для жизни. А если производить только необходимые для жизненных потребностей товары, то охват этого производства будет означать определённое положение цен. Тот же, кто выполняет ненужную работу, несмотря на это, остаётся потребителем необходимых вещей [что приводит к фальсификации ценовой ситуации]. Таким образом, если кто-то больше не будет посылать открытки без надобности, он больше не будет приумножать ненужную работу; напротив, он будет тогда выполнять правильную работу, соответствующую необходимым потребностям, и это окажет значительное влияние на все ценообразование в народном хозяйстве.

В вопросах, связанных с практической жизнью, важны два момента, из которых обычно учитывается только один. Во-первых, важно то, правильна ли какая-то вещь, а во-вторых, соответствует ли она действительности. Люди думают, что достаточно уже того, что какая-то вещь правильна; но она должна также соответствовать действительности, и пока не будет широко распространено это соответствующее действительности мышление, нас не покинут невзгоды жизни. То есть, тот, кто думает, что рабочие, производящие Кри-Кри, в любом случае будут выступать как потребители, производят они Кри-Кри или нет, тот не учитывает, что наличие необходимой и не необходимой работы изменяет народное хозяйство. Вот что важно. Эту способность обращать внимание на важное и необходимое, - вот что мы должны приобрести для социальной жизни. Это должно быть инаугурировано прежде всего «Основными пунктами» и всем движением трёхчленности.

Вальтер Кюне (Walter Kühne) сожалеет, что в дискуссии не принимает участия ни один социалист. Можно было бы ожидать, что в обсуждении таких вопросов примут участие социалисты, поскольку, как раз, у Маркса и Энгельса вопрос о производительном труде и об отношении между производством и потреблением играет важную роль. Также и Толстой занимался этим вопросом, но, в отличие от Маркса и Энгельса, он видел его решение больше в создании мелких организаций. В отличие от этих двух односторонностей только трёхчленность указывает на здоровую середину.

Один из участников дискуссии полагает, что помимо Кри-Кри есть и другие предметы, созданные специально для разрушения, например, гранаты. Производство таких предметов, о которых рабочий точно знает, что в их производстве нет смысла, должно вести к обеднению рабочего. Поэтому пролетариат должен отупеть, потерять свое человеческое достоинство, стать не способным радоваться жизни, и систематически чувствовать недовольство. Доктор Штейнер сказал, что нам может помочь просто настрой на экономику, основанную на потребностях, но это, опять же, может быть достигнуто только людьми. Доктор Штейнер придает большое значение, как раз, людям, но с людьми, которые оболванивались десятилетиями, ввести новую экономическую систему в обозримом времени просто невозможно. Поэтому он хотел бы задать господину Доктору Штейнеру вопрос: Можно ли вообще с нынешним поколением создать новую экономическую систему?

Зигфрид Дорфнер: А как можно было бы урегулировать вопрос потребления в новой экономической системе? Потребности людей очень разные; кому-то нужны высокие лакированные сапоги, кому-то - почтовые открытки с картинками. Какие потребности можно запретить или ограничить, или как можно регулировать потребности?

Господин Розер (Roser): Господин Доктор Штейнер указал на глубокие причины кризиса 1907-го года. В то время массовые локауты (Aussperrungen) рабочих были в порядке вещей. Тогда говорили, что мы, рабочие, так много работали впрок, что больше невозможно и дальше поддерживать промышленность. Предотвратить такие финансовые кризисы можно только лишив капиталистов их топлива, их капитала. Кризисы происходят потому, что капитал является средством производства, и что люди пытаются или сконцентрировать его в одном месте, или парализовать в другом. Я убежден, что новые катастрофы поэтому дадут о себе знать уже через несколько недель, и мне сейчас интересно узнать, какими будут следующие кризисы и как они будут развиваться.

Один из участников дискуссии спрашивает, как можно разумным путём направить перепроизводство в области литературы в нормальное производство, отвечающее действительным потребностям человечества.

В заключение ещё задается вопрос в письменной форме: Каковы духовные причины отделения денежного рынка от товарного рынка с 1810 по 1815 год? Как эти причины влияют на другие области, которые не являются экономическими?

Рудольф Штейнер: Ну, прежде всего, что касается высоких лакированных сапог, то я бы сказал, что для этого безусловно есть жизненные связи [где хотелось бы купить такие], но можно было бы увидеть, что если бы не необходимые производства просто прекратились, то исчезли бы и определённые желания. Конечно, когда говорят о регулировании потребления, в определённом смысле опять идут по какому-то ложному пути. Какого-либо рода диктаторское регулирование потребления неприемлемо. Но если бы все экономические отношения были направлены на то, чтобы не необходимая работа постепенно исчезла, то это имело бы определённые последствия для всей экономической жизни. Последствием было бы то, что тот, кто хочет иметь излишне высокие лаковые сапоги, не смог бы за них заплатить. И, поскольку одно связано с другим, должно быть ясно, что не необходимые потребности нельзя одолеть напрямую, поскольку они с необходимостью исчезают вместе с другими экономическими условиями. Так как, посредством этого, мы превратились бы в тиранов. В жизни дело обстоит так, что, если хочешь сохранить свободу, то нельзя отменить что-то с сегодня на завтра. Но некоторые вещи исчезают под влиянием изменившихся обстоятельств сами собой. Если завоюет себе место такое новое народно-экономическое мышление, что не необходимая работа должна исчезнуть, то исчезнут и такие не необходимые желания, или деньги на них. Этого получается, только благодаря видению практических жизненных связей. Условия потребления не могут регулироваться каким-то «мерами», но только достижением определённой ступени развития жизни.

То же самое я хотел бы сказать и о литературе, если, конечно, при этом учитываются только социальные условия; разумеется, можно понять того, кто хотел издать лирические стихи. Тут я всегда могу указать на пример нашего берлинского издательства. У него никогда не было книг, которые бы не были проданы. У него не было многих книг, которые пользовались высоким спросом, но не было и книг, которые скапливались на полках и не продавались. Оно всегда был построено на том, что можно назвать духовной потребностью. Книгу печатали только тогда, когда знали, что для этой книги есть столько-то и столько-то читателей. Работа начиналась с того, что до людей доводилась информация и находился круг читателей; посредством диктатуры такого сделать было бы нельзя. С народно-экономической

точки точки зрения надо сказать, что, как раз, посредством этого издательства не было проделано никакой не необходимой работы.

Речь идёт о том, где начать работу в народно-экономической жизни. Если исходить из понимания потребностей, то со временем будут производиться только такие необходимые продукты, так что производство не будет постоянно тащиться позади, [застаиваться на необходимых для жизни потребностях]; а оно будет затем продвигаться вперёд так, что сзади действительно могут быть удовлетворены существующие потребности. Говорить только о прибыли, - это всё равно, что надевать уздечку лошади на хвост. Речь идёт о том, чтобы смотреть на жизнь и знать, где надо начинать работу; речь идёт не о том, чтобы что-то «регулировать», а о том, чтобы действовать в жизни таким образом, чтобы всё шло своим чередом.

При нынешнем кризисе речь идёт о том, что он является следствием длительного развития; его нельзя проверить так, как другие, но всё же его надо проверить, - исходя не из теорий, а из фактов. Я прошу вас обратить внимание на то, что произошло в последние годы. 1914-ый год создан человеческим трудом, с помощью которого мы успешно добились того, что в продолжении пяти лет застрелено насмерть от десяти до двенадцати миллионов человек и ещё втрое больше сделано калеками. Сколько рабочей силы затрачено на это, и этим оттянуто работы из жизни! Я имею в виду, что можно, ведь, представить и такой взгляд: То, что здесь произведено для убийства людей, было «не необходимой» работой, - её можно было бы и не делать! Подумать только, как долго - ещё в 1912-ом году - надо было обдумывать, как заполучить миллион для учебных целей, - и как быстро появились деньги, когда вам нужно было миллион на порох. Возьмите то, что последовало за этим: деньги, ставшие в ходе девятнадцатого столетия абстракцией, теперь стали высшим потенцированием этой абстракции. Они действительно стали величайшей абстракцией. Посмотрите, сколько денег печатается каждый день.

[Так много денег] необходимо, собственно, только если их использование регулируется искусственным образом. За этим стоит то, что оставшиеся от времени 1914-1918-ых годов производственные силы использовались совершенно хищническим образом. Но это когда-нибудь прекратится, и тогда придёт кризис. Сегодняшний кризис⁹² был вызван чудовищной легкомысленностью людей, их верой в то, что можно годами занимать людей изготовлением не необходимого, отвлекая их от необходимой работы.

А теперь относительно вопроса о том, можно ли с нынешним поколением приступить к какому-то действительно строительству: в газете для трёхчленности я часто возвращался к этому вопросу, и всегда относил подобные вопросы к области бесплодных размышлений. Чему я в этой связи придаю какое-то значение, так это воля, - не столько наблюдательному обзор того, что есть, сколько стимулированию воли. И когда я слышу, что «с нынешним поколением ничего начинать нельзя», я должен предположить, что те, кто так критикует нынешнее поколение, думают, что с ними самими это сделать можно. А так как я больше ставлю на волю, чем на наблюдение, то я призываю их: Ну, так, давайте, тогда давайте начинать что-то с вами! Число тех, кто «ничего не может сделать с нынешним поколением», было бы уже достаточно велико [чтобы уже что-нибудь сделать]; поэтому мы хотим созвать их, и работать с ними.

Ещё был задан острый вопрос о том, какова духовная подоплёка отделения денежного рынка от товарного рынка. На подобный вопрос мы можем ответить только в том случае,

⁹² После Первой мировой войны Германский рейх печатал банкноты без ограничений, чтобы иметь возможность удовлетворить денежные потребности государства и требования репараций держав Антанты. В результате цены росли все быстрее и быстрее, а стоимость бумажной марки зримо падала до неизмеримой. В 1923 году рентная марка заменила ранее действующую бумажную марку в качестве переходной валюты (1 триллион бумажных марок = 1 рентная марка). В 1924 году в качестве основной валюты она была заменена рейхсмаркой (соотношение обмена 1:1). Однако инфляционная тенденция была инициирована уже во время Первой мировой войны, поскольку покрывать высокие расходы на войну за счёт имеющегося капитала уже было невозможно.

если мы осознаем, что утверждения, которые я высказал сегодня, должны быть приняты в абсолютно правильном смысле, что они означают не просто какую-то относительно правильную историческую критику. Когда говорят, что, благодаря эмансипации денег, была создана та или иная атмосфера, - то, ведь, важно было бы рассмотреть эту атмосферу. Если рассматривать это становление абстрактным денежного рынка, где не имеет значения, что эти деньги значат, тогда нужно указать на то, что это было необходимым для общего хода развития. В связи с этим я часто указывал на то, как с середины 15-го столетия в цивилизованном человечестве живёт стремление отделить индивидуальность от групповой принадлежности, как импульсом человечества все больше и больше становится демократия, как всё большее и большее значение должен приобретать отдельный человек, и как больше должно вступать в свои права то, что исходит из его внутреннего. Для всего этого хода развития человечества становление абстрактной хозяйственной жизни под влиянием денег было необходимостью. И речь идёт только о том, чтобы увидеть, что всё, что возникает, через какое-то время должно испытать коррекцию, или должно прийти что-то ещё, что нивелирует вред. Поскольку в действительной жизни нет чего-то абсолютно хорошего; в жизни всё относительно. Я не могу сказать, если у меня есть разорванные сапоги, что они непременно плохи; это просто судьба хороших сапогов, что со временем они становятся плохими. Так же и в самой хорошей хозяйственной жизни происходят нехорошие вещи, когда определённые задачи себя изживают. Так же обстоят дела и с денежной экономикой. Она не была вредной с самого начала. Денежные отношения изучались в середине 19-го столетия; они внесли существенный вклад в развитие демократического воззрения. Но затем пришло время, когда такое абстрагирование денег должно было найти свои границы. Я определённо могу говорить об абстрагировании, поскольку функцию денег вполне можно сравнить, например, с внутренним душевным процессом.

Например, в теософском движении есть одно бросающееся в глаза явление. Это теософское движение, раньше определённым образом связанное с антропософским движением, является, собственно, материалистическим движением. Правда, он говорит о более высоких духовных членах человека, но имеет в виду под этим, - если оно говорит, например, об эфирном теле, - что-то более тонкое, эlegantное, чем физическое тело. То же относится и к астральному телу, и так далее. То есть, всегда используются только материалистические мысли, и эти материалистические мысли сидят в головах ужасно прочно. И когда эти люди в теософском движении однажды захотели сделать что-то очень умное, они начали говорить, - относительно повторяющихся земных жизней, - о «перманентном атоме». Они имели в виду, что должно, ведь, что-то переходить в следующую инкарнацию человека и физически. Из естествознания эти люди знают, что человек якобы состоит из атомов, и после смерти человека эти атомы попадают в землю. И так теософы придумали учение о «перманентном атоме»: Этот атом не захоранивается, а проходит через смерть, и затем, в следующей жизни, вокруг этого атома группируются прочие атомы. Тут под видимостью спиритуального движения мы имеем чистейший материализм. Так случается, когда человек полностью увязает в абстрактном. Таким образом, у нас есть абстрактное в душевной жизни, и у нас есть деньги, как абстрактный товар, в хозяйственной жизни.

И поскольку то, что происходит в хозяйственной жизни, является лишь внешней стороной духовной жизни, эта хозяйственная жизнь действительно связана с духовной жизнью. И то мнение, что там внизу протекают только экономические процессы, и по сравнению с ними духовная жизнь является только идеологией, - неверно. Верным является следующее: Экономическая жизнь определённого времени и духовная жизнь определённого времени - не совсем одного и того же времени - относятся друг к другу так, как орех относится к скорлупе ореха: экономическая жизнь всегда является выделением духовной жизни, и от неё получает свою форму. Поэтому после того как таким образом абстрагировалась духовная жизнь, экономической жизни не оставалось ничего другого, как тоже абстрагироваться. Поэтому у нас есть вначале время абстрактного способа мышления и

только потом время абстрактной денежной системы. Это те связи, на которые следует обращать внимание.

И если на это обратить внимание, то появится плодотворная мысль трёхчленности социального организма. Тогда будет видно, как взаимодействуют три члена целой жизни и, благодаря этому, образуют единство, в котором каждому из этих трёх членов даётся своя самостоятельность. Так же обстоит дело и с человеческим организмом. У человека мы различаем нервно-чувственную систему, ритмическую систему и систему обмена веществ. Это, рассматривая функционально, весь человек. Эти три системы действуют сообща, но каждая из них относительно самостоятельна, и они должны быть самостоятельными. Если смешать их все вместе, ничего хорошего не выйдет. Об абстрактном единстве, как этого хочет современное государство, как этого особенно хочет сегодняшнее социалистическое государство Востока, - об этом речи быть не может. Речь может идти только о том, чтобы познакомиться с условиями индивидуальной жизни, и тогда увидеть, как она представляется трёхчленной. Тот, кто сделает это, должен увидеть, что эти три члена жизни, во-первых, самостоятельны, но, во-вторых, что они взаимодействуют, и, в-третьих, что взаимодействуют они лучше всего в том случае, если до этого они развили свою самостоятельность. Тогда единство становится результатом, а не привнесённым извне. Абстрактное, бесплодное единство разрушает само себя. Но то, что вначале образуется из самостоятельных членов, становится живым единством, - тем, что вообще только и может, жить и расти.